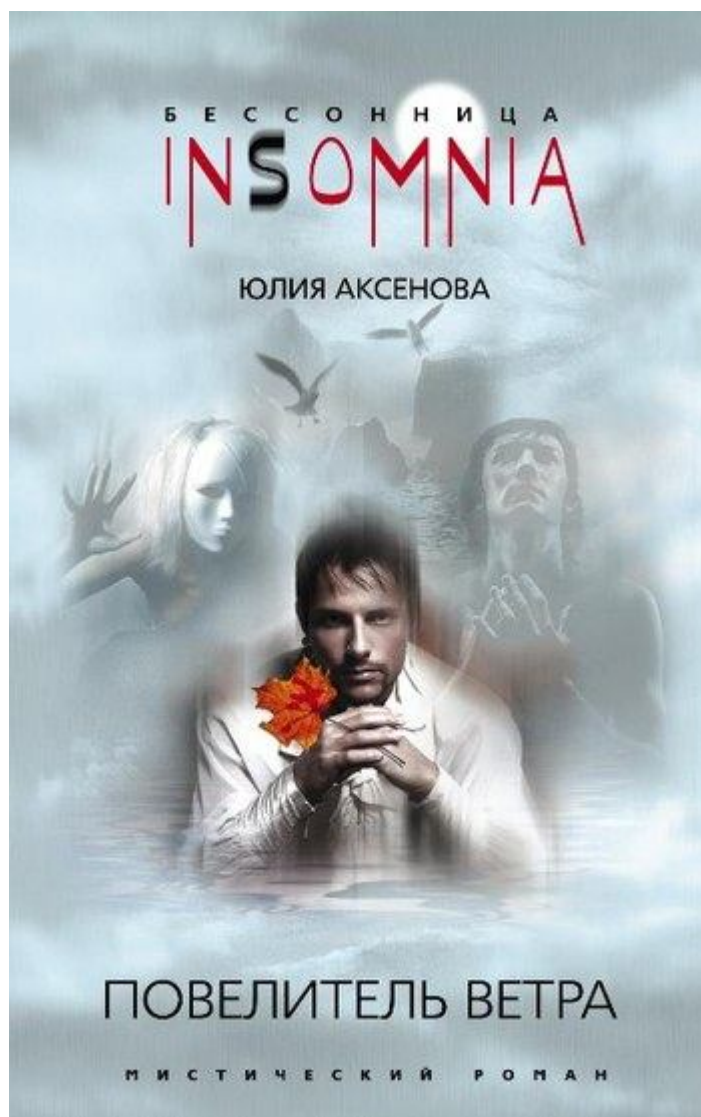

Юлия Аксенова Повелитель ветра

Ярослава Полевого, специалиста по энергетическим аномалиям, пригласили в крупную компанию исследовать окружающий ее защитный слой. Ярослав обнаружил огромную черную дыру, через которую высасывался свет и добро из судеб людей, работавших в компании. В то же время ему в руки попал древний артефакт, и Ярослав понимает, что должен овладеть его энергией, которая станет спасением от многих бед.

Пролог

Люба уложила его на широченную софу и сама уселась в изголовье, расставив ноги в легких брючках и установив узкие маленькие ступни рядом с его плечами. «Очень эротично», – хмыкнул про себя Ярослав.

– Надеюсь, переживешь фамилльярность? Так работать удобнее, – объяснила Люба.

«Мысли читаешь?» – с сомнением подумал Ярослав.

– Молодец! Умничка. Сам открываешься, – похвалила Люба. – Если бы не захотел, я бы не прошла: силен.

Ярослав снова довольно хмыкнул – теперь в открытую. Люба ему очень нравилась. Жаль, что судьба не создала их друг для друга: у Любы внуки взрослеют – вон фотография на книжной полке. А на вид и не скажешь!.. И спутник жизни у нее есть: еще одна фотография – в легкомысленном парео с симпатичным мужчиной на фоне экзотического пейзажа.

Добрая знакомая дала Ярославу телефон. После очередного приступа он, в целом здоровый, как бык, способный самостоятельно справиться с любыми трудностями, стал искать, кто мог бы ему реально помочь. Почитал объявления в газетах – не понравилось ни одно. Стал спрашивать друзей и знакомых. И довольно быстро получил ответ. Подруга сказала: Люба на самом деле творит чудеса! Попасть к ней на прием можно только по предварительной записи – чуть не на два месяца вперед! Пока дозвонишься – семь потов сойдет! А если не по адресу, не надо тебе к Любе – то и не дозвонишься вовсе. Ярослав попросил поспособствовать – подруга отказалась: хотя и знакома с целительницей уже лет десять, но общаются они редко, и, что характерно, попадает к давней приятельнице только тогда, когда очень сильно припрет. Давай-ка, дорогой, постарайся сам – уж как повезет!

Ярослав дозвонился с первого раза и три недели спустя к назначенному часу отправился по указанному адресу.

Руки Любы над его головой вздрогнули, неестественно громко щелкнули суставы пальцев. Она на минуту замерла.

– Радиация... Чернобыль? – спросила потом быстро.

– Да, – сказал Ярослав сразу севшим голосом. Он понял, о чем пойдет речь дальше.

– Ничего, – медленно сказала Люба, – ничего, можно. Можно тебе делать детей.

– Правда? – переспросил Ярослав. – Но я генетическую экспертизу...

Экспертиза вынесла Ярославу приговор: велика вероятность врожденных отклонений у ближайших потомков. Ярослав не особенно переживал: перспектива иметь собственных детей казалась ему туманной. Просто запомнил: «Нельзя!» – и жил с учетом этого запрета. Правда, было несколько неприятно оттого, что он вроде оказался не совсем полноценным мужчиной, хотя мог то же, что и другие, если не поболее.

– Наплюй. Можно.

Ярослав промолчал. В таких серьезных вещах он все-таки предпочитал доверять современной науке и технике.

– Ничего в тебе почти не осталось оттуда, – продолжала Люба, – ты хорошо почистился.

Ярослав молчал: воспоминание о катастрофе, как всегда, отозвалось болью, и он просто ждал, когда Люба сменит тему и можно будет отвлечь внимание от незаживающей раны.

Люба тоже надолго замолчала. Только ее горячие маленькие ладони медленно двигались вдоль его тела, время от времени отрываясь и производя резкое сбрасывающее движение, от которого трещали суставы пальцев и запястий. Женщине приходилось наклоняться все ниже, и Ярослав чувствовал на своем лице ее теплое дыхание с мятным ароматом освежителя.

Наконец Люба поднялась с софы и переместилась ему в ноги, снова усевшись, как турист у костра, и движение ее рук вдоль его тела продолжилось: теперь она исследовала его ноги, стопы...

– Ты здоров, – объявила целительница.

Ее реплика прозвучала неожиданно для Ярослава, расслабленного теплом ее рук и успевшего привыкнуть к молчанию.

– Я знаю, – пожал он плечами. Он прошел все мыслимые обследования в лучших клиниках мира. – А голова-то почему болит?

– Ты позволяешь себе ошибаться.

– Что это значит?

– Ты не прав и догадываешься об этом.

– В чем именно я не прав?

– Ты сам знаешь.

– Люба, посмотри на меня внимательно. Я похож на того, кто играет с самим собой в дурацкие игры? Я могу позволить себе обманываться?

– Ты – честный мальчик, – улыбнулась Люба.

– Вот видишь, – по-новорусски осклабился в ответ Ярослав. – Если б я знал, в чем моя ошибка, не пришел бы. Я сам много чего могу. А вот тут мне твоя помощь нужна!

– Уходи, – внезапно сказала Люба. Вроде бы и беззлобно сказала, но твердо. – Я тебе ничем не помогу. Ты все сам знаешь.

– На колу мочало... Послушай, может, я и знаю где-то в глубине души, но не осознаю. Понимаешь?

– Ну, ты из меня дурочку-то не делай, – доброжелательно проворчала Люба. – Мое высшее образование повыше твоего! Копайся сам в своем подсознании. Я в твои дела не полезу. У меня уже однажды телевизор на куски разлетался, ученая.

Про телевизор Ярослав не очень понял, лишь смутно догадался, но не стал выяснять. Он сел на софе напротив Любы и посмотрел на часы.

– Куда ж ты меня гонишь? – спросил мирно. – Я всего пятнадцать минут у тебя пробыл, а платил за час. Хоть чаем напои.

Люба решительно поднялась и доброжелательно подтолкнула его в спину:

– Давай-давай, катись! Будто ты не знаешь, как такие дела делаются. С тобой пятнадцать минут, а с другим два часа.

– Так ведь под дверью пока никто не скребется, – заметил Ярослав, покладисто выходя в переднюю и наклоняясь, чтобы надеть ботинки.

– Не беспокойся, – рассмеялась Люба, – я найду, чем заняться в оставшиеся сорок минут. – И повторила слегка нетерпеливо: – Иди!

Ярослав послушно покинул уютную квартирку.

– Да, чуть не забыл! – сказал он Любе, провожавшей его до двери отсека. – Моя визитка. Обращайся, если опять... с телевизором что.

– Я больше в такие дела не мешаюсь.

– Мало ли, случайно...

– Типун тебе на язык! Ладно, сохраню. Только ты денег берешь не в моих масштабах.

Ярослав подобрался, вцепился в целительницу взглядом:

– В этом моя ошибка? Дорого беру?

Люба весело вздернула брови.

– Нормально берешь. Твоя работа – врагу не пожелать... – И вдруг добавила задумчиво: – Делиться надо...

– Благотворительностью, что ли, заниматься?

– Не деньгами надо делиться, – пояснила Люба. – Хорошо, я могу тебе немного подсказать. Помнишь, о чем сестра тебе говорила?

Ярослав мысленно аплодировал. Он был совершенно уверен, что не упоминал о сестре в течение всей беседы.

– Люба, я с тобой дружу! Ты ко мне бесплатно приходи, если понадобится.

– Что ж ты мне все беду пророчишь?!

– Да я так, не беспокойся. Ну а о сестре-то... Мало ли что она мне говорила о самом разном.

– Просила о чем-то, – мягко добавила Люба. – Недавно просила.

– Хорошо, – сказал Ярослав, – я подумаю. Спасибо...

Ярослав довольно далеко оставил машину: не хотел петлять в узких дворах. Он уже выбрался на улицу и неторопливо шагал по тротуару, наслаждался весенним скрипом снега, обреченного скоро растаять, и бьющим в глаза ярким солнцем самого последнего дня зимы, держа курс на неброский синий капот своего авто. Высокий, атлетически сложенный мужчина средних лет быстро шел навстречу. Он привлек внимание Ярослава целеустремленностью и решительностью походки. Мужчина успел поравняться с Ярославом,

почти скрыться из поля зрения. И тут над самым ухом прозвучал густой, басовитый голос: прохожий интересовался, как найти дом номер 121/19б, строение 3. Знакомое сочетание цифр!

– Улица какая? – уточнил Ярослав.

– Да вот эта, по-моему. Сейчас!

Мужчина достал из кармана куртки увесистый ежедневник, открыл по закладке.

– Сокольничья... нет... Сокольского. – Он доверчиво распахнул перед незнакомцем свои записи. – Это же она?

Синим по кремовому в ежедневнике было записано: «Тетя Люба», а дальше – знакомый адрес. Ярослав, усмехаясь про себя, объяснил, как пройти. Случайный собеседник бодро пошагал дальше, а советчик продолжил путь. Подумал: «Какой парень удачливый! Вычислил, кто подскажет, а то ходил бы по дворам сто лет. Теперь зайвится минут на пятнадцать раньше назначенного. Люба его не выставит, как меня... Пятнадцать минут!..»

Неожиданно Ярослав решил, что, поскольку этот отрезок времени в его плотном графике был отдан походу к целительнице, вполне можно подарить четверть часа самому себе. Он прошел, не поворачивая головы, мимо родного авто и отправился дальше – прогуливаться под ослепительным февральским солнцем.

Часть первая Дар дождя

*А может, я с тобой останусь:
Останусь теплом на губах,
Останусь пламенем в глазах,
В твоих руках – дыханьем ветра...*
Город 312

* * *

Ярослав сидел на полу перед камином. Ворсистый ковролин жемчужного цвета уютно охватывал босые ступни и разбегался по всей просторной и почти пустой комнате. Из приоткрытой форточки несло весенней сырой свежестью, стены источали легкий аромат сосновых досок. Ветви молодой рябины громко стучали по перилам широкого балкона: сильный поднялся ветер! Ярослав неотрывно смотрел в огонь. Лучший отдых! Лучшее времяпровождение...

Тихо отворилась дверь; легкой походкой пересекла комнату наискосок хорошенькая молодая женщина. Очень молодая женщина. Девчонка. Хотя на безымянном пальце сверкает обручальное кольцо... Его сестрица. Настька.

Ни кольца, ни плотненькой невысокой фигурки в дорожной одежде Ярослав не видел: он не поворачивал головы от камина, только слышал – угадывал – почти бесшумные шаги.

Твердая, горячая ладонь легла на его плечо.

– Не печалься, Ясик!

Ярослав насмешливо вздернул бровь, глянув снизу вверх на сестру. Грубовато бросил:

– Вот уж мне не до печали!

– Ну-ну, – притворно обиделась Настасья. – Ты еще скажи, что мой отъезд тебя радует. А то мешается под ногами мелкота всякая!

Ярослав потянул ее за руку вниз:

– Садись... мелкота! Посиди на дорожку. Врать не стану, не особенно радует. Как-то я привык к твоему присутствию в доме за двадцать с хвостиком лет. Но ты учти, что скучать мне некогда!

– Ты правду говоришь? – с надеждой и сомнением в голосе вполне серьезно уточнила

Анастасия. – Я так переживаю, что бросила тебя совсем одного. Уехала черт-те куда, устроила свое счастье, а тебе в этом огромном доме и словом не с кем перекинуться, кроме кошака...

– Словом не с кем перекинуться?! – Ярослав искренно развеселился. – Ха! Знаешь, что будет, если я сейчас включу телефон в розетку?!

– Знаю: ты мне все уши прожужжал, что тебя замучили звонками. Только...

– Сомневаешься? Иди, втыкай!

– А что это ты мной распоряжаешься?! «Иди туда, делай то!»

– Давай-давай! Ты молодая. Поухаживай за престарелым братом.

Анастасия вскочила, подбежала к стене и с громким клацаньем впикнула вилку телефона в розетку.

Постояла рядом. Телефон молчал. Сестрица демонстративно прислушивалась, затем вразвалочку вернулась к камину, подбросила полешко в огонь и плюхнулась на ковер.

– И тишина!.. Факир был пьян... – констатировала Настасья.

В это время раздался звонок.

Ярослав коротко и почти не демонстративно вздохнул, поднялся одним движением – так, как будто бы сидел на кончике стула, а не на полу.

– Да!.. – Он перешел на английский: – Да, я буду в оговоренный срок... Это лишнее. Вам совершенно не нужно знать, каким рейсом я прилечу...

Грубоватый, примитивный, хотя и беглый, английский, которым пользовался брат, резал сестре, выпускнице иныа, слух.

– Элементарно. Я позвоню из аэропорта. Вы пришлете машину... Подожду... Вы – тем более... Да. До встречи.

Неподготовленный слушатель, судя по интонациям Ярослава, предположил бы, что тот сейчас в сердцах швырнет трубку на рычаг. Но Анастасия знала: это его обычная манера разговаривать с людьми, особенно когда речь идет о деле. Брат обошелся с техникой аккуратно. Телефон тут же вновь зазвонил. Ярослав внимательно прослушал два звонка и ответил, не дожидаясь третьего:

– Борька, салют!.. Узнал, как обычно, по звонку... Ладно, давай быстро выкладывай: мне некогда, Настьку провожаю. Что там, опять соседи?.. Подпалили?! Но не подпалили же!.. Да все работает как надо, успокойся... Ну, приглашай на шашлыки, обновим... Да хоть на следующий год! Все у тебя там в порядке... Ничего не испортилось... Натку свою меньше слушай. Ты сам, сам приглядишься – и все, что надо, поймешь... Ну, счастливо... Приеду на шашлыки... Когда поджаришь, тогда и приеду. Пока.

– Ясик, – просительно протянула Анастасия, не успел он положить трубку, – ну, научи меня! Я тоже так хочу: «Но не подпалили же!» Научи, я же талантливая девочка!

– Нет, – бросил Ярослав. – Я тебе уже объяснял... – начал он резче, чем прежде беседовал по телефону.

Анастасия не испугалась, но спорить с братом не стала.

– Ясик, я согласна. Не надо этому. Научи чему-нибудь такому... простенькому, что всем можно.

– Не хочу, – тихо сказал брат, опускаясь на пол прямо рядом с телефоном. – Ты, конечно, девочка талантливая. Ты на простом не остановишься, попрешься куда заблагорассудится. А тебе детей рожать.

Анастасия, отвернувшись, уставилась в огонь. Ее губы тронула веселая и загадочная усмешка.

– Не старайся сделать это в обход меня, – тут же отреагировал на невысказанное Ярослав. – Пока не родишь, я тебя туда не пущу. Ты еще не понимаешь, а когда ввяжешься, будет поздно отступать. Роди сначала. Двоих... Лучше троих. Не раньше.

– Тогда мне уж точно нельзя будет рисковать, – спокойно заметила Анастасия, потерявшая надежду выиграть спор.

– Я-то рисковал с тобой на руках, – возразил Ярослав.

– Сравнил! Я не была младенцем! И у тебя не было другого выхода.

– Я не сказал, что ты начнешь работать до того, как твои дети выйдут из младенчества. А другой выход – он всегда есть.

Забытый обоими спорщиками, так и оставленный включенным в сеть, телефон издал пронзительную трель. Анастасия вздрогнула от неожиданности, а Ярослав вновь не сразу поднял трубку: размышлял аж до четвертого звонка.

– Кто вас ко мне направил?.. Я понял... Не важно... Так... Секунду, дайте подумать... Помолчите!.. Да, я возьмусь... Завтра я занят целый день. Послезавтра уезжаю на неделю. За пределы страны... Нет, это работа, а даже если бы и отдых... Что?! Больше? Но вы же не знаете, сколько мне там... Бесполезный разговор: я не нарушаю взятых обязательств... Что у вас все очень плохо, я услышал... И очень срочно, да. Сегодня... Я готов приехать сегодня. К восьми... Можно управиться за час, а может и пять уйти... Нет, раньше не приеду... Как хотите... Хорошо, договорились. Я слушаю адрес. Не нужно машину: я на своей. В семь буду. До встречи.

Ярослав дернул шнур, вновь погружая телефонный аппарат в летаргию.

– Почему ты не заведешь себе автоответчик?

– Сгорит.

– Ты летишь за границу. Далеко?

Ярослав нахмурился и ответил не сразу.

– Лечу. Далеко.

– Опять Ближний Восток? – не унималась Анастасия.

Он поморщился, кивнул.

– Не хочется ехать?

– Там, наверное, скоро будет война, – сказал он тихо.

– Там будет опасно? Скажи честно!

– Для меня? Нет. Не думаю. Прямой угрозы нет. Главное – чисто отработать.

– Но тебя что-то тревожит?

Ярослав прислонился спиной к дощатой, вкусно пахнущей сосновой смолой стене. Ответил мирно, без привычной громогласной жесткости:

– Это крупная нефтяная компания. Я не могу понять: если бы я не согласился, если бы нефтяные промыслы остались без защиты, война все равно началась бы или нет? Возможно, она стала бы невыгодной...

Он закрывает ядерные и нефтяные объекты защитными покровами. Он привык считать, что важнее, сложнее и интереснее этого нет ничего на свете. Ярослав знает, что есть и другие, такие, как он. Никогда не пытался выяснить их имен, выйти на мысленный контакт. Действуют такие специалисты, как правило, в интересах своих хозяев. Сам Ярослав никогда не помогал проворачивать сомнительные операции, не отмазывал виновных от суда и тюрьмы. Тем не менее желающих воспользоваться именно его услугами хватало. Оказалось, что многие крупные бизнесмены и в России, и за рубежом очень ценят подрядчиков, имеющих твердые принципы и славящихся своей независимостью: такой человек не за всякую работу возьмется, зато и не обманет, и не продаст со всеми потрохами. Иногда приходилось вступать в открытое противостояние. До сих пор Ярослав выигрывал. Не потому, что он сильнейший «маг» на свете, а потому, что всегда обращался за помощью к самой матушке-земле. И та всегда давала силу, чувствуя, что ее маленький защитник не имеет корысти.

Анастасия решительно покачала головой:

– Братик, у тебя мания величия!

– Я только надеюсь, – продолжал он, игнорируя ее замечание, – что сумею разобраться там, на месте.

– Выбрось эту ерунду из головы. Радуйся, что ты хоть кому-то сумеешь помочь. Ну, я не о толстосумах-владельцах, а о людях, которые там работают...

Ярослав в волнении нахмурил брови.

– Или откажись от этой работы и не мучайся! – воскликнула Анастасия.

– Это было бы самое правильное. Но ты же знаешь, что я не могу, и огромные деньги тут ни при чем. Я обещал. Однажды и навсегда. Я тебе говорил. Не хочу повторяться.

– Я помню, – ласково подтвердила Анастасия. – Но что-то здесь не так! Иначе ты бы не мучился. Ты бы точно знал, что следует делать, а чего не следует...

– Не в человеческом разумении – точно знать, что следует делать, а чего не следует! Анастасия задумалась, хотела ответить, но внезапно спохватилась:

– Прости, мне пора. Как обычно, на самом интересном месте!

– Одевайся. – Ярослав поспешно поднялся. – Я сейчас возьму ключи и права.

– Не надо! Я на автобусе. Не барыня!

– Зачем? Я отвезу тебя. У меня есть время.

– Нет! Я налегке, с одной маленькой сумкой. Сама отлично доберусь. Автобус идет прямо до вокзала, ты же знаешь. Если еще не забыл, как ходят автобусы, – голос сестры стал резким.

– Я не забыл, – осторожно произнес Ярослав.

– Прости, я не люблю рубить хвост по частям. Сейчас распрощаемся – и все, и я уже в дороге. А то еще в машине грустить, на вокзале рукой махать... – Голосок задрожал, Анастасия улыбнулась. – Тоска! Ты понимаешь?

– Да, – механически подтвердил Ярослав, которому сейчас, честно говоря, было совсем не до тонких движений сестриной души, и дружелюбно подтолкнул девчонку в спину. – Давай катись, раз такая независимая: опоздаешь!

Через несколько минут он спустился на первый этаж, в прихожую, где Анастасия уже повязывала шарфик. Подал ей шегольское кожаное полупальто, которое – среди множества других полезных и красивых вещей – осенью подарил на свадьбу. Ему было приятно, что сестре нравится одежда, которую он ей покупает, что она с удовольствием носит большинство подаренных им вещей. С ее самых малых лет брат одевал и обувал Настю сам. Умение выбирать лучшее из того, что можешь себе позволить, строгий мужской взгляд на одежду и способность потрафить девичьему, а потом и женскому вкусу ему привил дядя Гриша, который никогда не ленился помогать мальчишке-соседу делом и советом.

– Да! Тебе от дяди Гриши привет! – Анастасия плюхнулась на пуфик, собираясь шнуровать ботинки.

– Спасибо! Виделась с ним?

– Вчера. Ты работал допоздна – забыла рассказать! У него такой безразмерный обеденный перерыв – очень удобно! Он меня суши кормил. Вкуснотища! Жалко ты рыбу не любишь!

– Я понял намек. В следующий раз приедешь – будут тебе суши! Как Гриша? Сто лет с ним не общался!

– Я хотела с тобой поговорить о нем. – Анастасия выпрямилась, ботинок остался недошнурованным. Взглянула на часы. – Есть время!.. Мне не понравилось, как он выглядит. Как всегда, аккуратен, элегантен. Но бледненький какой-то, серенький. Поседел сильно. Ну, я не знаю, может, не сильно, но заметно стало. Раньше у него только виски были пегие. Еще одет был в серый свитер, серые брюки...

– Постарел на вид?

– Я бы не сказала. Он скорее усталый. Мне показалось, что мы немножко натянуто общались: он как будто через силу со мной разговаривал, шутил. Словно я совсем чужая и ему не до меня, но надо изобразить радушную встречу.

– Ты выросла, – соскочило у Ярослава с языка. Он задумался; сестра непонимающе молчала. Ярослав предпочел бы не продолжать, но было поздно: Настька всю душу вытрясет, выясняя, что он имел в виду.

– Дядя Гриша любит детей. Девчонок и мальчишек. Юная барышня на выданье – тоже, считай, еще ребенок. А вот ко взрослым молодым женщинам он относится куда менее тепло.

– Правда?

Ярослав пожал плечами: он сам только что понял это.

У Настасьи на глаза навернулись слезы.

– Ты хочешь сказать, для нашего дяди Гриши я теперь – чужая взрослая женщина?! А я по-прежнему чувствую себя рядом с ним ребенком... С ним так уютно быть маленькой!

– Зато представляешь, как он будет нянчиться с твоим ребенком, когда ты привезешь малыша к нему на дачу? – попытался утешить Ярослав.

Слезы мгновенно исчезли.

– Какого малыша, Ясик? Такого еще и в проекте нет!

– Появится же когда-нибудь... в проекте, – не смутился Ярослав.

Его сестра нежно улыбнулась оконному проему.

– А о чем я хотела тебе сказать?... Да, вот! Ну ладно, натянуто пообщались: давно не виделись, я – взрослая, окольцованная... Но он правда такой бледный, печальный, утомленный. Ты бы выяснил, все ли там в порядке со здоровьем! Может, надо помочь?

– Нашла о чем беспокоиться! Григорий очень внимательно относится к своему здоровью!

– Ну а вдруг что-то не в порядке, и он об этом знает, просто мне не сказал. Он такой замкнутый!

– Вот и не лезь человеку в душу, раз он не хочет! – Ярослав ответил миролюбиво, просто выражений по привычке не выбирал.

– Ясь, ты что-то знаешь?!

Ярослав с досадой уставился в окно.

– Вот приставала! Угомонись! Здоров твой обожаемый дядя Гриша, сто лет еще проживет! Очередные проблемы в личной жизни. Не новость для него, как ты понимаешь. Прекращай допрос! Ты знаешь, я этих вещей не люблю и не делаю. И секреты не мои. Все, завязывай шнурки: тебе пора!

Он обычно легко и непринужденно – даже слишком откровенно – обсуждал с сестрой вопросы взаимоотношений мужчин и женщин, любые вопросы физиологии; для них не существовало запретных тем. И поступал так не от цинизма, а оттого, что считал все это естественным и интересным. Юношескую застенчивость он растерял еще до своих первых сексуальных опытов, ухаживая за тетей Варей и за сестрой. Но к Григорию – к дяде Грише – он относился с тем же детским пиететом, что и Анастасия. Обсуждать с кем бы то ни было характер и личную жизнь старшего товарища казалось ему хамством – в библейском смысле этого слова.

Он крепко прижал Настю к груди на прощание. Как полагается, молча посидели на дорожку, потом троекратно расцеловались. Ярослав с облегчением взялся за дверную цепочку.

– Ну, счастливо оставаться, братик! Я буду по тебе скучать! – сообщила Анастасия не без дрожи в голосе.

– Скатертью тебе дорожка! Мне скучать будет некогда, – по привычке поддразнил ее Ярослав. – До свидания, сестренка! – Он через силу улыбнулся. – Здравствуй, мигрень! – добавил, защелкивая дверной замок и прижимая ладонь к коротко стриженной макушке.

Он неторопливо поднялся в свой любимый каминный зал на втором этаже. По дороге несколько раз громко позвал: «Кис-кис!» Но ничто, кроме его голоса, не нарушило тишины пустого дома. Ярослав подложил еще поленьев в затухающий уже каминный огонь и со стоном улегся ничком на пол прямо посреди комнаты – головой к огню, лбом на скрещенные руки, носом в мягкий ворс ковра. Только теперь в комнату бесшумно прокралось существо нелепого и трогательно-беззащитного вида – с голой сероватой кожей, морщинистой тонкой шеей и безупречной фигурой ожившей египетской статуэтки. Почувствовав приближение зверя, Ярослав снова тихонько застонал.

Кот деловито подошел прямо к голове хозяина, не мешкая плюхнулся рядом на пол и, привалившись горячим замшевым боком к его макушке, закрыл зеленые, слегка навывкате, глаза.

– Давай, Скинхед, помогай! – распорядился Ярослав. – Два часа у нас с тобой есть.

Долгое время человек и кот лежали совершенно неподвижно. Кот не натаптывал себе лапами гнезда и не урчал. Ярослав вначале охал, жалуясь самому себе на нестерпимую боль, потом замолчал. Минут через сорок он высвободил затекшую руку и попытался отпихнуть кота:

– Достаточно, Скинхед, иди.

Кот вновь придвинулся вплотную к хозяину.

– Брысь! – Ярослав пихнул животное сильнее.

Кот упрямо вернулся на прежнее место. Ярослав сел, схватил Скинхеда обеими руками и с размаху швырнул по направлению к двери.

– Брысь, пошел отсюда! – прикрикнул угрожающе. – Обожрешься, дурень!

Кот обиженно крикнул, приземляясь на ковер, и помчался от греха подальше прочь: послышался топот его лап по деревянным ступенькам. Ярослав вновь вытянулся на полу – на сей раз на спине...

Он поднялся около семи. Сборы, включавшие несколько силовых гимнастических упражнений, душ, выкладывание из банки корма в кошачью миску, переодевание в очень стильный и современный деловой костюм с рубашкой и завязывание галстука, заняли ровно двадцать минут. Майское солнце уже чиркало по верхушкам деревьев и разгоралось лихорадочным румянцем, предвкушая радости ночлега.

Чистенькая, свеженькая – без единой царапины – и неприметная темно-синяя иномарка мгновенно пробудилась, моргнула желтыми глазками хозяину. Приветливо заурчал заведенный на расстоянии мотор. Ярослав стремительно распахнул ворота и нажал очередную кнопку на брелке. Машина аккуратно выкатилась прочь. Не снижая темпа, Ярослав свел створки ворот, в очередной раз посетовав, что до сих пор не собрался поставить автоматику. Наконец, звякнув ключами, запрыгнул в салон и принялся лавировать между глубоких луж разбитой за зиму дороги.

Без потерь добрался до автомагистрали. Над Москвой, как обычно, стояло нехорошее грязно-серое марево. Румяный солнечный диск безвременно утонул в его глубинах, и взору представал неприятный слепой закат: красный сполох в серой стене. Шоссе обрамлял привычно гнетущий урбанистический пейзаж. А в небе Ярослав обнаружил причину того острого приступа головной боли, который еще давал о себе знать сдавливанием в висках и некоторой тусклостью, как бы притупленностью зрительных ощущений. Со стороны, противоположной той, где солнце делало последнюю попытку послать свой привет жителям замурованного смогом мегаполиса, стремительно надвигалась огромная черная туча. Будет ливень! Наверное, с грозой.

Хорошо это для работы или плохо, прикинул Ярослав? Трудно сказать. Вода очищает, но она же и смывает следы. Влага наполняет атмосферу свежестью, но делает ее более вязкой и тяжелой. У каждого явления на свете есть обратная сторона, а работа есть работа, чем бы ни потчевала нас матушка-земля.

Ярослав порадовался тому, что отговорил Анастасию возвращаться в Киев самолетом и что она не упрячилась. Иначе проторчала бы минимум полночи в аэропорту. Рейсы обязательно задержат, народу набьется. А она одна, для нее место поддержать некому. Только встанешь прогуляться до туалета – сиденье тут же займут. Майся потом на ногах или сиди на холодном полу...

Шквалистый порыв ветра пригнул деревья, гулом прибоя ударил в бок машины, лизнул лицо, просочившись в щель приоткрытого окна. Еще минута, несколько крутых виражей – и шумное движение Кольцевой смешалось со звуками приближавшегося разгула стихии.

Опасный ветер, нехороший ветер! В такую погоду яхтсмены сворачивают паруса и стараются быстрее оказаться в тихой гавани. Ярослав благодаря Грише немного в этом разбирался. Во всяком случае, ветреная погода всегда вызывала у него воспоминания о походах по рекам, водохранилищам и финским озерам, о строительстве лодок, да много о чем приятном и дорогом.

Григорий Степанович Матвеев появился в их с сестрой жизни сразу после того, как свершились самые страшные в ней события.

Родители покоились в свинцовых гробах уже более года, только что скончался опекун. Тетя Варя, приемная мать, гонимая той же неодолимой силой, шла к могиле, и Ярослав забрал от нее Анастасию, чтобы уберечь девочку от вида приближающейся смерти. У дочери опекунов была своя маленькая квартира в Москве. Там временно приютили сирот. Больше податься им было совершенно некуда. Помог врач, который лечил и родных, и приемных родителей Ярослава. Он владел на правах наследства вместе с многочисленным кланом родственников огромной генеральской дачей на Тишковском водохранилище. Среди целого гектара густого леса, помимо громадного двухэтажного хозяйского дома, были во множестве разбросаны летние и гостевые домики, жилища для прислуги, сарайчики, бани. Потомки советского генерала жили довольно замкнуто, и все же некоторые строения сдавали надежным, проверенным и тихим дачникам. Врач не распространялся о том, каким образом уговорил свой клан взять в жильцы двоих безнадзорных детей. Он сделал достаточно прозрачные намеки об условиях проживания, и Ярослав активно, причем с удовольствием, помогал по хозяйству. Компаний не водил; Настя вела себя тихо и послушно – так что всех все устраивало.

Соседний с тем помещением, где жили брат и сестра, домик как раз и снимал Григорий Матвеев, которому тогда было тридцать с небольшим. Григорий жил затворником, с окружающими почти не общался, хотя если уж вступал в беседу, то вел ее легко и непринужденно. Изредка к нему приезжали один или двое друзей. Высокий, худощавый, Григорий Степанович слегка сутулился, и от этого на первый взгляд казался интеллигентным задохликом. Второй взгляд – когда сосед переодевался по-дачному в майку и шорты – выхватывал хорошо развитую мускулатуру рук и ног, выдававшую серьезную спортивную подготовку. Красивые пепельно-русые волосы были подвергнуты весьма искусной модельной стрижке. Серые глаза смотрели внимательно и холодно, даже когда сосед широко, приветливо улыбался. В целом его внешность и манеры можно было назвать аристократичными. Узкое лицо, длинный, слишком крупный прямой нос, короткие пшеничные усики и губы, часто сложенные в ироничную гримасу, делали Григория Степановича удивительно похожим на знаменитого пародиста Александра Иванова.

Он приезжал на выходные и ни минуты не сидел без дела: плотничал, занимался плаванием, бегом, ездил на соседние Пестовское, Пироговское водохранилища – тренироваться и участвовать в парусных регатах. Когда Матвеев плотничал на открытом воздухе или спешил куда-то по своим делам, его сосредоточенное, замкнутое лицо казалось Ярославу то ли мрачным, то ли брюзгливо-недовольным, и он первое время сторонился соседа, боясь вызвать раздражение и необоснованные жалобы платного жильца.

Однако Григорий сам пошел на контакт. Стал расспрашивать Ярослава о его прошлом и настоящем, причем довольно быстро вытащил все подробности нынешней жизни и трагического прошлого. Сев рядом и обняв за плечо, он однажды спокойно дал Ярославу выплакаться, когда разговор коснулся самой горькой темы. И вскоре превратился из Григория Степановича в дядю Гришу. Ярослав заметил, что дядя Гриша легко и радостно занимается с маленькой Настей: то приобщает девочку к своим спортивным увлечениям, то распевает с ней дуэтом под гитару песенки из мультфильмов. Много времени он не проводил с ребенком: уставал от выполнения воспитательской функции. Но тихая девочка не докучала соседу, не выклянчивала внимание – только смотрела с обожанием и нетерпеливо ждала выходных.

Чем больше общались, тем чаще внимательный к мелочам Ярослав ловил на себе и на сестре взгляд дяди Гриши, далекий от его обычной улыбчивой маски. В такие моменты лицо молодого мужчины выражало боль и тоску, а порой он отворачивался, скрывая гримасу ненависти, и быстро уходил к себе в дом. Долгое время Ярослав наивно полагал, что Григорий так близко к сердцу принимает их с Настей беду.

Вскоре Ярославу исполнилось восемнадцать, и он сразу стал хлопотать об опеке над

сестрой. Обычно в подобных случаях вопросы опеки решались мягко, но ему не повезло: чиновники не торопились доверять жизнь и воспитание ребенка мальчишке без кола и двора, без профессии, надежного заработка и жизненного опыта и, скорее всего, без царя в голове.

Григорий поддерживал Ярослава: какой может быть детский дом?! Узнав о возникших трудностях, он развил бурную активность. Оказалось, что у него обширные связи в различных министерствах и ведомствах, потому что прежде, до недавнего своего ухода в бизнес, он работал в престижной госконторе. Благодаря вмешательству Матвеева дело в конце концов уладилось.

Григорий пригласил юношу в свой домик, налил ему и себе коньяку – скромно отметить успех.

– Дядь Гриш, – спросил захмелевший с непривычки Ярослав, – почему вы с нами так возитесь? Разве вам интересно с Настюхой... да и со мной?

– Мне с тобой интересно, Ярослав. Я тебя уважаю! – ответил не менее хмельной от гораздо большей порции спиртного сосед. – Ты – сильный мужик, порядочный, бесстрашный! Мой сын таким же растет!.. Давай вот что... Пора нам на «ты».

Они незамедлительно выпили на брудершафт, и Ярослав принялся старательно следить за речью, чтобы в ней не проскочило больше словечко «дядя», потому что Григорий пообещал на это обидеться.

– Ты ведь знаешь, Ясь, что у меня сын есть?

– Нет, откуда?!

– И дочка. Но она еще маленькая совсем. Меньше Насти. Нет... Ну как же меньше?! – Он со стоном опустил голову на руки, будто бы мучительно соображая. А когда поднял голову, глаза его были мокрыми. – Она ровесница твоей доч... твоей сестре. Просто я ее давно не видел...

– А сыну сколько, дя... Гриш?

– Сыну тринадцать... Уже четырнадцать.

– Тебе что, встречаться с ними не дают?

– Они в Австралии живут. Жена... бывшая...

Григорий попытался что-то с силой выпихнуть из горла, но не сумел. Рот сжался, и глаза налились ненавистью. Он долго смотрел прямо перед собой, и шевелил губами, и сжимал кулаки. Когда лицо его немного смягчилось, Григорий обернулся к Ярославу:

– Больше не спрашивай меня об этом. Больная тема!

С тех пор Ярослав перестал обращать внимание на разницу в возрасте между собой и Григорием и наконец понял, что тот давно уже относится к нему как к равному.

Потом Матвеев несколько раз помогал Ярославу устраиваться на работу. Они вместе искали большего заработка, лучших условий и перспектив. Несколько летних сезонов прожили бок о бок на генеральской даче. Зимой Ярослав снимал комнату в Москве, чтобы Настя могла ходить в школу. Григорий к себе не позвал: жил с родителями, потому и бежал из дому на дачу каждые выходные – что в ливень, что в мороз. Материально Григорий помогал, только когда становилось совсем туго: большую часть заработка посылал в Австралию на воспитание собственных детей. Ярослав всегда возвращал долг. Зато зимой они частенько вместе катались на лыжах, а летом – на парусных досках и яхточке, которую Гриша построил собственными руками на глазах юных соседей и при их восторженном участии.

Григорий уговаривал Ярослава идти учиться в институт, но в начале девяностых высшего образования вовсе не требовалось, чтобы сделать карьеру. Ярослав точно знал, чем хочет заниматься. Он осваивал дело сам, и странная смесь его познаний не соответствовала вузовским специализациям. Григорий как-то с грустью поведal:

– Мой Степа тоже не учится: он вынужден зарабатывать на жизнь...

Ярослав вспомнил его слова: «Больше не спрашивай об этом» – и не поддержал разговор.

Периодически в жизни Григория появлялись красивые молодые женщины, каждая из

которых именовалась просто «девушка» и никогда – «моя девушка». Время от времени он приезжал на дачу в выходные с черными кругами под глазами, жаловался Ярославу, что девушки заставляют его проводить с ними ночи напролет в клубах. Григорий никогда не съезжался с девушками – кроме одного случая, тоже, впрочем, закончившегося бесславно. Несмотря на видимую легкомысленность отношений, они могли продолжаться довольно долго. Потом девушка исчезала. Григорий не огорчался, оставаясь в одиночестве на длительное время. По некоторому эмоциональному подъему друга Ярослав догадывался, что тот снова не один. Далее отношения развивались по стандарту. После сорока пяти Григорий обзавелся собственной квартирой и попытался поломать стереотип отношений с женщинами, радикально изменив свою жизнь. Переполненный новыми впечатлениями, он оставил свою обычную сдержанность и делился с Ярославом сомнениями, недоумением и надеждами. Все закончилось быстрым и резким разрывом.

– Я подал документы в посольство Австралии, чтобы съездить к детям. Она сказала: «К бывшей своей поедешь?» – коротко объяснил Григорий.

Последние пять лет Ярославу катастрофически не хватало времени, чтобы общаться с друзьями. Прошлым летом он даже отказался, когда Григорий позвал его в большое путешествие по Волге, хотя любил такие совместные походы больше всего на свете. А Григорий, обретя собственное жилье, стал большую часть времени, свободного от бизнеса и увлечений, тратить на хозяйство. Созванивались и то теперь редко. В итоге Ярослав перестал располагать свежими новостями о жизни старшего товарища. Иногда мысленно настраивался на Григория, получал информацию: все в порядке, все по-прежнему. А вот Настя при личной встрече почувствовала что-то неладное. Странно! Надо будет позвонить!..

Дождь хлынул ровно в тот момент, когда Ярослав пристроил свое транспортное средство под стенами девятиэтажного офисного здания из стекла и бетона. Он только усмехнулся. Досадно, конечно, что брюки внизу намокнут, ну да дело житейское! Ботинки прочные, а все остальное надежно прикроет огромный зонт, который он всегда возит с собой в машине – именно на такой случай.

Ярослав шагнул в направлении холла с витринными окнами и дубовыми, сделанными зачем-то под стиль «сталинский ампи́р» дверьми, которые казалось невозможным открыть, и остановился.

Капли дождя ударились в туго натянутую ткань зонта с такой силой, будто намеревались пробить его насквозь. Тяжелые, суженные книзу, почти черные, капли тускло отблескивали в неярком уличном свете и походили на острия дротиков. Ярослав внимательно за ними наблюдал, размышляя, могут ли существовать в природе такие капли воды.

Он протянул свободную руку за пределы зонта, ладонью вверх. Струи ударили ее со всей силой, вода стремительно побежала в рукав. Жалко было мочить пиджак и рубашку; Ярослав немного опустил руку, но упрямо продолжал держать ее под дождем. Вместе с ледяной водой холод полз под одежду.

Нечто твердое стукнулось о ладонь. Холодное, острое. Ярослав быстро сжал руку и развернулся к свету фонаря. Обычная градина. Ничего особенного. Показалось! И он спокойно зашагал к оригинальному подъезду.

* * *

Вера подошла к окну, застегивая верхние пуговички на блузке. Привычный вид с высоты пятнадцатого этажа. И все же захватывало дух, когда сквозь огромное, почти во всю стену, стекло она разглядывала, как лежит у ее ног, расстилаясь до самого горизонта, необъятный мегаполис в серой дымке смога и сумерек – родная Москва. В этой стороне города не было ничего особенно примечательного: ни реки не видно, ни старинных кварталов, только в отдалении поблескивали купола двух-трех церквей, да ограда расположенного поблизости монастыря кокетничала веселой вязью белых и красных

кирпичей. И все же. Даже новостройки, даже заводы, даже унылые складские помещения и чудовищный муравейник открытого рынка казались с такой высоты необходимыми элементами стройной и ладной урбанистической мозаики.

Сейчас смог над городом как-то особенно сгустился, и Вера остро пожалела об этом: она надеялась насладиться роскошью заката. Такой уж день: все получалось не совсем так, как хотелось бы. Вместо богатой палитры вечерних красок только пятно глухого грязно-красного цвета расплывалось над горизонтом. В мрачной лаконичности этого пятна была своя тревожная красота, но у Веры острой тоской сжалось сердце.

Нет, все вроде бы прошло удачно. Можно выставить уходящему дню оценку «удовлетворительно» или даже «хорошо». Вера отвернулась от слепого заката.

Кабинет Андрея ей в целом нравился. Его так красили огромные – от пола до потолка – окна, панели темного дерева, которыми были отделаны стены, и такая же темная, тяжелая на вид мебель. Даже благородный и современный кожаный диван присутствовал. Эту деталь интерьера Андрей, по понятным причинам, особенно ценил. Комната выглядела необычно уютно и респектабельно для вузовского здания с обшарпанными коридорами и потрескавшимися рамами в аудиториях: все-таки кабинет проректора по учебной работе! Уютно... Вера вздрогнула и обхватила себя руками за локти. Здесь царил чудовищный холод зимой: отопление не справлялось с витринными окнами, и до сих пор, хотя на улице весна давно взяла свое, в щелях огромного, нелепого и помпезного здания таилась стужа. Захотелось вернуться в банкетный зал, где веселое общение, подогретое спиртным. Но теперь придется дожидаться Андрея – когда тот принесет с праздника шампанского и бутербродов с икрой, съесть и выпить с ним хоть немного, чтобы не обижать, и только после этого – назад к банкету! А лучше – домой!

Строго говоря, Андрей если и не хозяин на празднике, то один из главных виновников торжества. Ведь именно его аспирант сегодня блестяще защитился – без единого черного шара! Вера в такой ситуации ни за что не оставила бы гостей и измученного, белого от неизбывного волнения диссертанта. Но Андрей предпочел сделать себе особенный подарок – вечер в обществе любимой женщины. Его дело. Подарочек, правда, Вера слегка подпортила.

Она встречалась с Дружининым уже полгода и успела узнать про него все, что ее интересовало. Прекрасный кавалер: воспитанный, щедрый, чуткий к малейшим ее нуждам и капризам – недаром сейчас побежал за любимым Вериным лакомством. И весьма посредственный любовник. Обычно Вера с этим мирилась. Они с Андреем чаще прогуливались вдвоем, чем спали, – ходили на выставки, в театр, в парк. Но если уж тот организовывал интимную встречу и она соглашалась, то не капризничала. Всегда можно извлечь свою толику удовольствия. Сегодня не смогла переступить через легкую неприязнь к ласкам Андрея и дальше поцелуев с объятиями дело не пошло. Вера призналась, что не в настроении, намекнула на существование неких проблем, которые не стоит обсуждать. Дружинин воспринял это спокойно: вышел из возраста пылкости.

Вчера на «девичьих» посиделках много обсуждали, что такое лучший мужчина, подходящий мужчина для каждой из присутствовавших. Замужняя Вера поддерживала беседу с не меньшей страстью, чем незамужние приятельницы. А неделю назад Вера ходила на один из тех дорогуших сеансов массажа, которые могла позволить себе лишь изредка. Ее целитель не только классно ставит на место позвонки. Он вообще прекрасно чувствует тело! Он дружит с телом. Со своим. И с телом женщины, оказавшейся в его руках. Особенно льстила Вере глубокая уверенность в том, что Сла-вочка не спит со всеми клиентками подряд. Она – скорее исключение, чем правило. Тем более что он и лечит ее в виде исключения: давно бросил частную практику. У Славы уютно, красиво и тепло. С ним спокойно, как с командиром гарнизона неприступной крепости. С ним давно и четко оговорены рамки отношений, никто ничего не изображает и не делает вид. Вера только одну поблажку себе давала среди кристальной честности отношений с этим мужчиной. Когда звонила, а звонила ему всегда она сама, обязательно уверяла, что неважно себя чувствует и нуждается в исцелении. Не могла просто сказать: «Славка, что-то я давно с тобой не спала!

Хотелось бы...» Тогда и денег бы платить не пришлось. Но она скрупулезно перечисляла болячки, и сердце каждый раз неприятно сжималось – вдруг он скажет: «Прости, Верка, я больше не лечу». Ответ будет означать, что он влюбился, – это нормально; или нашел получше и помоложе Веры – это досадно до слез!.. На прошлой неделе она позвонила Славе и пожаловалась на... на... что-то там она нашла у себя в очередной раз. Сеанс прошел восхитительно...

Так же чудесно она прежде чувствовала себя только с Гошей. Может, оттого, что не была еще достаточно искушена. Давно-давно, когда они еще женихались, а потом были влюбленными друг в друга молодоженами, счастливыми молодыми родителями...

Тоска все сильнее щемила сердце.

В ее жизни неописуемо давно не было любви. А на дворе весна; просто неприлично и стыдно оставаться одной. В юности, бывало, каждую весну – новая любовь. Молодежь не стесняется в выражении чувств и нежно обжимается в самых неподходящих местах. Сегодня во время утренней лекции двое на задней парте были столь откровенны! Вера долго не решалась прервать их занятие, чтобы не прослыть ханжой, но настал момент, когда ей показалось, что они сейчас перейдут под партой к самому главному. «Или я озабоченная?» – размышляла Вера, произнося вслух с веселой вежливостью: «Может, нам всем стоит выйти, чтобы не мешать вам?» Подумала: «Теперь они все решат, что старая гримза просто завидует, и это правда!» Сквозь белые жалюзи на огромных окнах пробивались широкие горячие полосы яркого весеннего солнца. Парочка, вопреки ожиданиям, смутилась: им в голову не приходило, что преподу с высокой кафедры задние ряды видны лучше, чем передние! Что могло бы заставить Веру вести себя так же весело и безрассудно? Одно-единственное! Захотелось хныкать с подвыванием и причитаниями.

Однако посещение дамской комнаты избавило ее от дальнейшей ревизии собственной душевной и телесной жизни. Сразу стало ясно, почему слезы близко и почему организм предпочел взять тайм-аут от занятий любовью. Вера вздохнула с облегчением: она не обманула кавалера, можно не чувствовать за собой вины!

Посидела с Андреем еще пять минут, выпила целый бокал в надежде хоть немного поднять себе настроение и слизнула с трех кусков хлеба всю икру. Дружинин заметил ее бледный вид и усталую складку между безупречных бровей. Поэтому сообщение Веры о том, что она поедет домой, не стало для него новостью.

– Я отвезу тебя, Верочка!

Она с приятным раскаянием вспомнила, что с самого начала застолья Дружинин почти не пил: отказывал себе в удовольствии, чтобы доставить свою даму домой на авто! Неужели эти отношения для него – нечто большее, чем простая игра? Неужели он серьезно влюблен?! Впрочем, галантность, как талант, не пропьешь!

Вера не стала отнекиваться. Тепло поблагодарила за заботу.

Через двадцать минут она уже входила в подъезд собственной хрущевки. Тучи плотно заволокли небо, и Москва досрочно погрузилась в темноту. Гоша, конечно, еще не вернулся с работы. У Юры сегодня подготовительные курсы. Вера с наслаждением избавилась от тяжелых серег и тугих для полнеющих пальцев колец, накинула халат и смыла косметику. Оттого ли, что форточки целый день оставались закрытыми, или от надвигающегося атмосферного фронта – в квартире было душно. Вера отодвинула тугие щеколды балконной двери и решительно распахнула ее, с треском раздирая полосы клейкой бумаги. Давно пора: май на носу!

Вера шагнула на балкон. Косые полосы дождя стремительно поглощали высокие новостройки и размывали очертания близлежащих хрущевок. Вскоре первые крупные капли упали на перила и на бетонный пол под ее ногами.

«Хорошо бы дождь перестал к тому времени, когда Юрке возвращаться! Он же наверняка зонта не взял, а куртка у него короткая и без капюшона», – подумала Вера с легкой тревогой.

Дождь хлынул на руки, лицо и грудь. Вера отступила в глубь балкона, к кирпичной

стене. Восхитительный шум плотных струй, брызги и ручьи по бетону, запах свежести.

Счастье, что не стала играть в благородство, не поехала на метро, а позволила Андрею себя отвезти! Забавно! Неделю назад – Славик, позавчера – занятия в танцклассе со взрывным и притягательным Федором, сегодня – Андрей. А завтра, кстати сказать, Алексей Анатольевич с географического факультета зовет в консерваторию. Почему бы не пойти? Получается довольно насыщенная личная жизнь! А дома, между прочим, хороший, работающий, все правильно понимающий муж и любимый сын. Плохо ли? Слепой закат навеял тоску – и только!

К потокам дождя добавился град: нечто тяжело ударялось о бетон, отскакивало, снова шлепалось в воду, стучало по стене. Когда Вера выходила на балкон, было еще довольно светло, и она не зажигала люстру. Сейчас сумерки сгустились так сильно, что она не могла толком разглядеть градины. Наклонилась, протянула руку к полу – туда, где сверкала белая искра. Искра погасла. Еще и еще раз Вера повторяла попытки – ничего. Видно, градины быстро таяли. Охваченная азартом, Вера отбросила страх перед потоками холодной воды. Подумаешь! Она же дома! Через минуту сбросит мокрую одежду, согреется под душем. Женщина подскочила к самым перилам. Не так уж сильно сюда заливало: должно быть, ветер поменял направление. Здесь дождевые потоки блестели в свете уличного фонаря.

С неба сыпались фольговые фонарики с пышными плюмажами из длинных нитей. Отливая серебристым металлом, они густо вплетались в струи дождя. Фонарики были разными: одни – широкие в основании и короткие, другие – длинные и узкие, одни – помельче, другие – покрупнее, некоторые заканчивались у широкого основания круглой или продолговатой шишечкой. Елочные игрушки летели вниз не слишком торопливо – как и положено легкой фольге. Вера протянула обе руки, чтобы поймать хоть один красивый фонарик. Они падали в отдалении: дождь уже редел...

То, что стремительно летело Вере прямо в ладони, отливало темным металлом. От неожиданности она отдернула руки – и продолговатый предмет просвистел мимо острием вниз.

Женщина вновь протянула руки, но игрушек становилось все меньше. Дождь стремительно иссякал.

На улице посветлело.

Тут Вера глянула под ноги и обнаружила рассыпанные по всему балкону фольговые «фонарики». Она наклонилась и стала их собирать, торопясь захватить побольше, словно они могли исчезнуть. Набрала полную ладонь, прижала к груди, и старалась складывать в нее еще и еще. Но игрушек в ладони не становилось больше, как будто они таяли, подобно градинам. Наконец на балконе не осталось ни одного сокровища.

Вера почувствовала, как холодный ветер пронизывает мокрый халат, и поторопилась со своими трофеями обратно в комнату. Прежде чем отправиться в ванную, села на диван, по-прежнему прижимая к себе подарки дождя. «Надо бы выйти на улицу и собрать еще, – подумала стремительно. – Я же видела, как прохожие что-то подбирали с дорожки!»

* * *

Компания «Черемушки-Нефтепроект» встретила Ярослава бирюзовых тонов холлом с приглушенным освещением – как в дорогом отеле. Обилие вечнозеленых растений, цветущие азалии и китайские розы роднили этот портал крошечного нефтяного королевства с зимним садом. Пока охрана делала ему пропуск и вызванивала встречающих, Ярослав всматривался в сплетение ветвей: ему все чудилось, что между ними нет-нет да и мелькнет пестрая бабочка. Иллюзия была очень живой. Кто-то с большой любовью проектировал этот оазис.

Референт проявил максимум почтения к гостю. Мгновенно – посредством клочка бумаги с подписью и печатью – заставил охрану выполнить требование Ярослава: освободить от какого-либо досмотра его тяжелую спортивную сумку. Рамка

металло-искателя, ощутив внутри себя эту сумку, висящую на плече хозяина, истошно зазвенела. Охранники дернулись, однако дисциплинированно промолчали. Референт сразу проводил Ярослава на девятый – верхний – этаж, в кабинет президента компании. Туда же успели подойти комендант здания и главный менеджер по работе с кадрами.

Ярославу не терпелось удовлетворить любопытство: с чем связан срочный вызов? Он пока категорически не находил, что за опасность могла бы угрожать крепкой нефтяной компании средней руки.

Президента звали Евгений Ильич Корюшкин. Ярославу были смутно знакомы имя и фамилия и еще забавное сокращение от названия фирмы: «Черемушки-Неп». Компания вряд ли фигурировала в выпусках новостей, но в деловых журналах – вполне возможно. Президент ему понравился: интеллигентный дядька, деньгами и положением не упивается. И помощников подобрал вполне приличных на вид: деловые, грамотные, место свое знают. К сожалению, видно, что болен, и тяжело. Наверняка страдает постоянно повышенным давлением с бесконечными гипертоническими кризами. Еще порок сердца. Но не в этом его главная беда.

– Ну, что у вас тут случилось? – спросил Ярослав против обыкновения мягко, хотя уже догадывался – по умеренному смущению во взгляде собеседника, что его напрасно сдернули на ночь глядя с любимого ковра. Да что там взгляд – и по телефонному разговору было слышно, просто Ярослав почувствовал, что следует откликнуться на просьбу, пусть и несущественную – как если бы попросил добрый знакомый.

– Я надеюсь, что вы простите мне маленькую хитрость... – начал мужчина.

В голосе не раскаяние – уверенность, что прощение можно и нужно купить.

Ярослав вздохнул, подумал сочувственно: «Что с вами поделаешь, с хозяевами жизни? Вот за это и расплачиваетесь!»

– Я давно слышал о вашем существовании, о ваших уникальных возможностях. Но вы засекречены лучше любой разведки. Совсем недавно узнал от коллеги ваше имя, однако тот не имел ваших координат или не желал ими поделиться. Зато был щедр на запугивания: рассказывал, как трудно склонить вас к...

Ярослав хмыкнул.

– ...Уговорить вас сотрудничать, и какой у вас напряженный график работы.

– У меня предварительная запись на полгода вперед, – буркнул Ярослав, которому надоели словесные реверансы.

– Мне говорили – год... Короче, чтобы не утомлять вас... Сегодня повезло: неожиданно раздобыл ваш телефон...

Собеседник приостановился, ожидая уточняющего вопроса: у кого раздобыл? Но Ярослава это совершенно не интересовало: мало ли людей, которым он помог? И половины из них он не помнил по именам. Хотелось скорее приступить к работе: нароемся же что-нибудь интересенькое в этом тихом омуте!

– Я сразу позвонил, – закруглил вступительную часть Евгений Ильич. – Мы действительно очень нуждаемся в вашей помощи. И право, может оказаться, что это и впрямь совершенно безотлагательно!

– Тогда приступим! Ваши жалобы, опасения, подозрения. Происки конкурентов, экологическое состояние промыслов и предприятий, экология здания, проблемы с персоналом.

Ему четко изложили все, что настораживало руководство «ЧеНепа». Обыкновенные текущие проблемы, которые решаются традиционными методами. Братся за обыденщину и текучку Ярослав не собирался.

– Еще, – неуверенно добавил кадровик, – трое умерли за один год на третьем этаже в левом крыле здания. Все молодые совсем – до сорока пяти. Там и за прошлый год один покойник.

– Из одного отдела? – спросил Ярослав.

– Ну да. Вы думаете, это имеет значение? Но у всех у них смерть была естественная,

никаких подозрений на что-то...

– Какой отдел?

– Продаж.

– В вашей компании есть другой отдел, где работа была бы столь же нервной? Менеджеры у вас совсем без оклада? На проценте?

– Нет, на смешанной форме. Там обстановка напряженная: внутренняя конкуренция. Вы думаете, так просто? В этом все дело? Наш психолог тоже считает, что в этом отделе надо менять систему мотивации и перестраивать взаимоотношения сотрудников. Но она у нас идеалистка немножко. Отдел работает с хорошей эффективностью! Тьфу-тьфу-тьфу!

Ярослав слушал вполуха. Он уже раскладывал на столе свой богатый инструментарий – подобно то ли хирургу, то ли слесарю-сантехнику.

– Я сейчас проверю здание и ситуацию в целом – внутри компании и вокруг. Филиалы, дочерние предприятия, буровые установки, нефтепроводы, если есть – это отдельная работа с выездом на места. Со своей стоимостью. В оговоренную сумму входит только диагностика, – тараторил Ярослав заученно, а сердце стучало все быстрее, потому что он подходил к фразе, лишь ради которой и впрягнулся в работу. – Я берусь помогать, только если деятельность компании удовлетворяет экологическим нормам. Вначале вы учитеесь их соблюдать – с моей помощью. Затем я работаю.

Работа с фирмами в местах, где царит мир, – совсем другое, нежели с ядерными объектами, нефтяными и газовыми промыслами в районах боевых действий. Отшить пакостников-конкурентов, применяющих и подлог, и яд, и снайперскую винтовку, и примитивное черное колдовство, – это дело для экологии земли само по себе безразличное. Однако ставишь заказчикам определенные условия – и они сами позаботятся о строжайшем соблюдении экологических норм – чем бы ни занимались!

Президент вздернул брови.

– Мне говорили, что вы выдвигаете такое требование. Однако на его выполнение нужно время. А если проблему необходимо решить срочно?!

Ярослав нахмурился. Сердце по-прежнему несло в бешеном темпе.

– Дадите мне обязательства. Нарушите – пеняйте на себя! Сделаете честно и быстро – возьму с вас в половину меньше оговоренной платы. – Все. Условие поставлено. Теперь можно расслабиться. Ярослав почувствовал, что взмокли ладони и рубашка под пиджаком прилипла к спине. Спокойно добавил: – Но у вас... у вашей компании нет срочных проблем.

– Приятно слышать! Вы уже уверены в этом?

– Сейчас проверю. Ну что, – Ярослав весело улыбнулся, – начнем с вашего кабинета?

Как обычно, вначале пошли в ход серьезные приборы: для определения состава воздуха, измерения радиационного фона. Ярослав прошелся по двум этажам, внимательно исследовал перекрытия, сантехнические и электрокоммуникации. Внутреннюю отделку ему достаточно было лишь увидеть: он наизусть знал состав и свойства материалов, которые применяются в подобных случаях. Качество отделки оказалось не самым худшим, хотя в блокноте он въедливо пометил повышенную горючесть потолочных плит, излишнюю токсичность краски в коридорах. Выборочно Ярослав зашел в несколько рабочих комнат – проверить мебель, аппаратуру. Неплохо бы еще ознакомиться с атмосферой, с психологическим климатом в конторе, однако час поздний – сотрудников на местах оставалось уже совсем немного. Он подмечал, какие картинки развешаны по стенам, рисунок на чашках, в беспорядке толпящихся у немытой кофеварки, фотографии на рабочем столе.

Старался угадать, почувствовать, насколько пышно процветают здесь конфликты, ссоры, зависть, конкурентная борьба. Ничто его особо не насторожило. Напряги, конечно, присутствовали, однако в пределах допустимого.

Ярославу очень понравилось, что стены в комнатах выкрашены в разные цвета: заходишь – и не знаешь, что откроется взору на сей раз. Коридор за каждым поворотом неуловимо менял оттенок. В углу у окна неожиданно притулился маленький фонтан, окруженный сдержанным и стильным садом камней.

– Что же вы такую красоту у конференц-зала не поставили? – поинтересовался Ярослав.

Президент тепло улыбнулся, сказал тихо:

– Он ведь маленький, а там холл огромный.

– Ну, так туда побольше фонтан воткнуть. С проточной водой – чтобы пространство очищала. А этот – в комнату для переговоров или вон к себе в приемную забрали бы.

– Ксюша... Психолог наш... Она сюда попросила поместить, чтобы сотрудникам было что созерцать. Знаете... созерцают! Даже с других этажей специально сюда едут – созерцать.

– А на каждый этаж фонтанчик установить – пожадились? Это ж копейки!

– Ну, положим, услуги хорошего дизайнера – это не копейки! Однако у нас еще кое-где стоят фонтанчики, каждый – в своем стиле. Но не только. Вам покажут, если захотите.

– Тут главная задумка, – вежливо вступил в разговор комендант здания, – чтобы композиции были неожиданные. Например, идешь – раз – деревянная лавочка под окном, а вокруг – мальва и подсолнухи.

Ярослав вздрогнул: мальва и подсолнухи. На миг открылся черный провал, поглотивший свет и радость его детства...

– Живые. Горшки каждую неделю меняем. В оранжерее по спецзаказу нам выращивают. Это у нас на втором этаже.

Черный провал захлопнулся.

– Летом, – продолжал комендант, – даже семечки созрели. И кто-то их вылушил, представляете!

– Вылушил?! – Ярослав искренно расхохотался. – И шелуха под лавочкой валялась?

– Нет, по-моему. Наверное, убрали.

– Анатолий Иванович, – вступил в беседу кадровик, – вы только Ксении Алексеевне про шелуху не рассказывайте, а то она нарочно насыплет – ради достижения полной естественности пейзажа. Да еще и на клей посадит, чтобы не вымели.

Ярослав хмыкнул. Вкусы незнакомки-психологини ему все больше нравились!

– Господа, давайте не будем уходить в сторону от дела. Мы отнимаем у человека время, – сухо бросил Евгений Ильич разрезавшимся сотрудникам, посмотрев на часы. – Что вы нам скажете, Ярослав Игоревич?

– Пока ничего, – ответил Ярослав, – я еще не закончил осмотр.

Вернувшись в кабинет президента, он вынул из сумки совсем другие предметы. Толстую церковную свечу, крупный – в ладонь – хрустальный шар, две тонкие «г» – образные рамочки.

Как бы между делом глянул на присутствовавших. Все трое мужчин созерцали его арсенал с одинаковым выражением нейтральной вежливости. Вот это школа! Обычно в такой момент владельцы высоких кабинетов усмеваются. Кто нервно – мол, с каким это шарлатаном я связался?! Кто – с издевкой: вот же идиот, деревенский колдун, блин! Один человек, которого Ярослав любил и уважал, просто-напросто перестал бы с ним общаться, если бы Ярослав принялся манипулировать у того на глазах хрустальным шаром и свечой...

Ярослав зажег свечу. Не задумываясь, схватил со стола стаканчик, бесцеремонно вытряхнул оттуда карандаши, которые со стуком покатались по столешнице. Воткнул свечу в стаканчик. Взял в руки рамочки и прошелся с ними по просторному президентскому кабинету. Рамочки вели себя спокойно и дрогнули только раз – когда Ярослав проходил с ними мимо кресла, в котором сидел Евгений Ильич. Ярослав приблизился. Рамки встретились с тихим звяканьем, сцепились на секунду. Не наведенное. К делу не относится. Он просто болен, по-человечески. Надо будет его предупредить, что дело серьезное: сам не понимает! Хотя вряд ли поможет...

– Здесь чисто, – пробормотал Ярослав.

Рассовав по карманам тяжеленный шар и рамочки, он взял стаканчик со свечой и, прикрывая пламя ладонью, начал в сопровождении Анатолия Ивановича вновь обходить верхний этаж.

Самое сложное в таком деле – отфильтровать мелочи от главного. Помещения любой крупной фирмы каждый день битком набиты людьми. Сотрудники и посетители несут самую разную энергетику, оставляют следы болезней, домашних скандалов, создают и расхлебывают рабочие проблемы. Все это не имеет прямого отношения к энергоэкологической безопасности фирмы в целом. Ярослав уже достиг такого уровня мастерства, что просеивал песок человеческих судеб легко, почти автоматически. Он недолюбливал эту часть работы – слишком рутинную. Осмотрев два этажа и спустившись на седьмой, он признался себе, что скучает: «Черемушки-Неп» буквально излучал благополучие.

В холле у лифта развалилось в креслах руководство «ЧеНепа». Мужчинам не хотелось сидеть ни в кабинете, ни в уютной комнате для переговоров. Душа рвалась на свободу. Они уже откупорили бутылку коньяку, утомившись долгим ожиданием. Ярослав глянул на часы: десятый. Ну, ждать им еще не менее часа. Сами наварались, вызвав его срочно, на ночь глядя.

Ярослав почти вплотную подошел к сидящему президенту, навис над ним.

– У вас работал классный специалист. Зачем я вам понадобился?!

Мужчина улыбнулся, не скрывая удовольствия.

– Без вас я никогда не узнал бы, что мне помогал действительно классный специалист! Кроме того, с тех пор прошло уже года два. Тогда этот специалист охарактеризовал ситуацию как критическую.

Ярослав настроил мысленный взор на прошлое.

– Была критическая. Теперь все отлично. Следа не осталось. Хорошая баба!

– Такое впечатление, что вы с ней знакомы.

– Может, и знаком. Не уверен...

Образ женщины, которая создала на несколько лет вперед надежную защиту компании «Черемушки-нефтепроект», напомнил Ярославу целительницу Любу. Но можно ли быть уверенным, если общался с человеком один раз в жизни? Да и не важно! Дело прошлое.

– Ну, раз все хорошо, садитесь, присоединяйтесь к нам. Осмотр вы, как я понял, завершили?

– Какое завершил?! А ниже? Мне еще семь этажей!

– Я думал, вы уже пришли к определенным выводам...

– Нет. Ждать вам еще долго, мужики. Минимум час!

Ярослав развернулся к дверям лифта. Запах коньяка дразнил обострившееся обоняние; в пустом желудке зазвенел набат голода. Сделать перерыв? Ярослав поморщился. Хотелось скорее закончить нудную работу! Он шагнул в роскошную кабинку лифта.

Ярослав хотел перейти в режим беглого осмотра, но привычка работать на совесть победила. Он слишком дорого брал за свой труд, чтобы халтурить. Он бродил по коридорам, внимательно вглядываясь в глубину шара, отслеживая поведение пламени свечи. В правом холле язычок огня сильно задрожал. Аномалия наблюдалась в радиусе метров двух-трех. Ярослав достал рамки. Те сошлись и стали медленно вращаться. Ярослав насторожился и обрадовался: наконец что-то интересное!

На шестом уже четко просматривался пробой. Ярослав больше не нуждался в аксессуарах. Рамка, свеча – это для выявления тонких, плохо различимых энергетических неприятностей. А дырка прямо у него под ногами была мощной, хотя на удивление узко локализованной. Через дырку утекала энергия. Интересно, куда? Кто вор? Ярослав настроился, мысленно проследил со свистом уносящийся поток. Для проверки заглянул в хрустальный шар. Энергия уходила в никуда, в черную бездну. Значит, верно определил с самого начала: это не отсос, а пробой. Мимо лифтов стремительно зашагал к лестнице и торопливо сбежал по ней на пятый этаж. Комендант топал позади, не отставая.

С каждым шагом интерес Ярослава разгорался. Ситуация не совсем стандартная. Пробой локальный, но мощный. Энергия в него уходит тяжелая, низкочастотная – так называемая «жизненная сила». Такую дырку он должен был бы почувствовать, едва войдя в здание. Но не уловил даже намека.

– Что у вас тут, дальше? – спросил, быстро преодолевая длинный извилистый коридор.
– Комната психологической разгрузки, медицинский блок – ну там солярий, массаж, аппаратура всякая для диагностики, врач днем дежурит. И кабинет Ксении Алексеевны. Да, еще тренинговый центр. Ксения Алексеевна – руководитель психологической службы, – рапортовал Анатолий Иванович.

– А, которая фонтанчики... и подсолнухи... У вас в медицинском блоке никто не умирал?

– Что? Как?!

Они уже дошли до холла и остановились посередине. В воздухе плавал слабый запах полыни. Ярослав больше не нуждался в пояснениях, но вежливости ради решил плавно закруглить разговор:

– Человеку стало плохо на работе, принесли его в медчасть, а он скончался. Не было такого, как я понял?

– Бог миловал. Что-то неладно?

Ярослав слишком горел нетерпением, чтобы отвечать.

– Что это ваша Ксения Алексеевна до девяти вечера на рабочем месте?

– Не знаю. Она всегда долго. А разве... Да, свет из-под двери... Странно! Она обычно часов в восемь уходит, самое позднее – полдевятого.

– Все. Спасибо, что проводили. Идите наверх, отдыхайте. Я с вашим психологом поговорю.

– Я представлю вас...

– Не нужно! Идите! Дорогу обратно найду.

Ярослав в пылу работы терял способность ориентироваться в социальных нормах и мог не задумываясь раздавать приказания чиновникам и топ-менеджерам на их собственной территории.

Комендант безоговорочно подчинился великому специалисту по энергоэкологической защите. Во-первых, получил такое указание, во-вторых, уж очень хотелось плюхнуться в кресло и дернуть коньяку. Ярослав сейчас распознавал любую мысль и настроение другого человека, будто свои собственные.

Он громко постучал в дверь кабинета с табличкой: «Главный психолог Царева Ксения Алексеевна». Он знал, что женщина слышала слабые голоса в холле и успела подготовиться к возможному визиту. Тем не менее, дал ей еще несколько секунд, прежде чем приоткрыл дверь, и, не заглядывая внутрь, громко произнес:

– Можно, Ксения Алексеевна?

– Да, пожалуйста!

Голос нежный, мягкий, мелодичный. «Хороший психолог!» – подумал Ярослав и вошел в кабинет.

Миловидная женщина лет около тридцати на вид. В реальности побольше. Спокойная, располагающая улыбка – сдержанная, но не формальная, что приятно. Глаза вот только... Ярослав не стеснялся внимательно рассматривать то, что его интересует. Он надолго уставился Ксении Алексеевне прямо в глаза.

* * *

Веру разбудил нежный поцелуй в губы. Она отреагировала, не открывая глаз, еще слабо соображая, где находится и с кем. Отвечая все более жарко, Вера заметила, что мужчина как-то странно обнимает ее: только за шею, и еще больно упирается чем-то в ее колено. Она поняла, что сидит, а мужчина стоя наклонился к ней. Глаза под закрытыми веками не улавливали света. Вера судорожно вздохнула, и они открылись.

– Жорка, ты?! – вырвалось у нее. Она с опозданием прикусила язык.

– Кого ж ты ожидала увидеть? – ехидно поинтересовался муж. Просто пошутил – никаких подозрений! Он отлично знал, что жена никогда не позовет чужого в их общий дом.

В комнате царил сумрак, только мягкий свет уличного фонаря подкрашивал темноту теплыми оранжево-розовыми оттенками. Жора выпрямился. Его голень по-прежнему жестко прижимала коленку жены. Он не замечал. Он ждал ответа, и Вера не могла разглядеть, то ли он весел, то ли огорчен. Она нащупала выключатель и зажгла бра. Белый свет жестко полоснул по глазам. Вера зажмурилась. Пока успела привыкнуть к новой яркости пространства, Жора сел рядом и обнял жену за плечи. Когда Вера взглянула на него, он улыбался – задорно и чуточку утомленно одновременно.

– Ну, что, Верк, тяжелый выдался денек? Ты еще ни разу не засыпала вот так, сидя на диване, сколько я помню. Защитили хоть этих мучеников?

– Каких?

– Аспирантов, или вы там кого-то еще сегодня мучили?

– Жор, а где фонарики?!

Муж молча смотрел на нее. Испытующе: мол, о чем это ты? И обреченно: блицкриг сорвался, спонтанной близости не случилось, а Верка, кажется, чем-то недовольна, значит, предстоит разборка. Веру укололо угрызение совести: она последнее время так мало уделяет Жоре внимания, так мало проводит с ним времени, так нетерпима и вспыльчива! А он терпит... пока. Прежде Вера была убеждена в том, что это муж ответственен за охлаждение, которое она испытывает к нему. Теперь обиды как-то стерлись, претензии она научилась обращать скорее к себе, чем к близким людям. Но охлаждение осталось. Удивительным образом судьба чудесных фонариков, свалившихся с неба к ее ногам, сейчас волновала Веру гораздо живее, нежели судьба ее отношений с мужем: как-то было понятно, что Жора в ближайшее время никуда не денется, а вот небесные фонарики исчезли из поля зрения!

Вера заглянула за пазуху. Нету.

– Куда ты их положил? – спросила, стараясь быть максимально дружелюбной и не выказывать раздраженного нетерпения.

Жора, явно не чувствуя за собой никаких провинностей, развеселился:

– Подруга дней моих суровых, ты о чем?!

Вера растерянно обвела глазами комнату. Свет от стосвечевой лампочки, недавно вставленной в прозрачное бра за неимением выбора, до сих пор казался слишком ярким. В этом резком свете проступали потертости и застарелые пятна на обоях в давно не модный цветочек, щели дешевого мебельного гарнитура, который был куплен к свадьбе в начале девяностых и почти сразу стал рассыхаться. Взгляд царапнули дареные вазы, которые не подходили друг к другу и не имели права стоять рядом. Безупречно красивая черно-белая фотография на стене, сделанная отцом, тащила за собой хвост воспоминаний о непростом Вериним детстве – среди творчества и нищеты, божественного веселья и пьянок...

Вера почувствовала, что чудо, едва блеснув, безнадежно ускользает из рук. Глаза стремительно налились слезами.

– Нет? Ты не брал мои фонарики? Не находил? – всхлипнула она. Уже поверив, что муж ничегошеньки не понимает, добавила: – Такие фонарики, как елочные игрушки из фольги. Серебристые, блестящие.

– Понятно.

Тактичный Жора не стал вдаваться в подробности: откуда взялись, зачем нужны, что в них особенного... Сразу взялся за дело:

– Где ты их оставила? Давай поищем! Когда раздевалась – в прихожей на тумбочке? – Он метнулся было к двери.

– Нет! – надрывным выкриком остановила его Вера. Даже ухватила за руку, чтобы не уходил. – Они были здесь: у меня в руках, у меня за пазухой! Ты, когда вошел, ты делал что-нибудь в комнате? Ты... ты...

Она остановилась. С языка рвалось абсолютно немыслимое: «Ты меня не трогал?» Муж сочтет ее безумной и будет прав!

– Верочка, – сказал Жора мягко и ласково, – послушай меня. Я пришел – темнота, тишина в квартире. Думал, и ты, и Юрка еще где-то бродите. Разделся. Иду мимо комнаты,

смотрю – ты. Дрыхнешь, как сурок. Я прогулялся по коридору налево, – муж употребил эвфемизм, обозначавший в их семействе санузел, – выключил свет в прихожей и – к тебе... будить.

Он выразительно вздохнул. Вот, мол, я старался, рассказывал, и рассчитываю на достойную награду.

– А... Жорочка, а... загляни, пожалуйста, под диван. Там ничего не валяется?

Муж как ни в чем не бывало поддернул свои приличные, собственноручно им отутюженные брюки, опустился коленями на метенный три дня назад пол и внимательно обследовал пространство под диваном, под креслом, под шкафом. Вера невольно улыбнулась. Такое вот бесшабашное, бескорыстное добродушие она любила в нем когда-то, прощала ему за это многие глупости. По сей день эта черта рождала в ее душе уважение к супругу, даже нежность.

Жора между тем поднялся на ноги и принялся отваливать от стены спинку дивана, чтобы заглянуть за нее.

Вера судорожно вздохнула, сказала бесстрастно:

– Я поняла. Это был сон... Жорка, можно я тебе расскажу мой сон?!

Муж, завершивший бесплодные поиски, тут же сел рядом. Сказал с лукавой небрежностью:

– Ну, так и быть, расскажи!

Вера принялась рассказывать, как спаслась от ливня, как любовалась им с балкона, как посыпались к ее ногам серебристые небесные стрелы. Как жадно собирала их – нежные, тонкой работы, так похожие внешне на елочные игрушки из фольги, а на ощупь упругие и прочные, будто из металлического сплава. Как совала их за пазуху и в подол и благоговейно несла в дом...

Убогий желтый свет заливал убогое жилище... Вера судорожно расплакалась на мужниной груди. Жора – все-таки умница! – ее поглаживал, молча утешал, не делая никаких попыток поприставать.

– Верк, завтра пойдем в дом обоев и купим, какие тебе понравятся. – Приземленная фраза прозвучала удивительно легко и уместно. – К ним люстру присмотрим, торшер. Мне дали премию. Потом насчет мебели подумаем.

Вера судорожно вздохнула, муж не дал ей заговорить:

– Насчет Юрки не беспокойся! Мы с тобой уже достаточно отложили ему на учебу и еще отложим! Нам хватит и на то и на другое – я посчитал!

– Жорочка, спасибо, мой родной!

Вера уже возвращалась к жизни. Ей хотелось отблагодарить мужа – не за обои только, хотя приятно! – за его чуткость и такт. Но она вовремя сообразила: не сегодня!

Вскоре вернулся безобразно долго болтавшийся неизвестно где сын и застал родителей за совместным приготовлением ужина под необычайно теплую и дружественную беседу.

* * *

Определенно Ксении Алексеевне было не меньше тридцати пяти. Но и не больше тридцати шести. То есть его, Ярослава, ровесница. Она сидела за столом боком к вошедшему, и Ярослав отчетливо видел, как она стройна. Облегающая блузка, короткая юбка подчеркивали достоинства фигуры и ног. Офисный стиль на этом заканчивался. Волнистые каштановые волосы, некогда коротко стриженные, теперь, отрастая, беспорядочно обрамляли шею – непослушные кончики торчали в разные стороны. Макияжа почти никакого, а лицо-то бледное, чтобы не сказать «блеклое». Улыбка красит, но не улыбается же она двенадцать часов подряд! Ярослав успел приметить и низковатый для офисной обуви каблук изящных туфель.

Помимо хозяйки кабинета, его взгляд притягивала обширная лужа чистой воды под закрытым наглухо окном.

Ярослав представился, получил заверения, что женщина наслышана о его визите, и приглашение садиться. Она сама вышла из-за письменного стола и расположилась во втором кресле у низкого чайного столика вполоборота к Ярославу. На губах ее уже рождалось: «Чай? Кофе? Угощайтесь: мед, печенье...»

Но Ярослав снова смотрел ей в глаза.

– Ну что, Ксения Алексеевна, собрались развалить на хрен всю организацию вместе с руководством? Они, – он вздернул подбородок к потолку, – как я успел заметить, вас нежно любят.

– Меня все любят, – произнесла главный психолог «ЧеНепа» с ироничной гримасой, – кроме отдельных, особо устойчивых экземпляров... Почему развалить?

– Вы своей вселенской скорбью прошибли здоровенную дырку в энергетической структуре вашей богоспасаемой фирмы. Это невообразимо! Чтоб один человек страдал минимум на двадцать метров в диаметре с такой интенсивностью, что энергия в дыру так и сифонит! – Ярослав, увлекшись, говорил с искренним восхищением.

Сильно припухшие от слез веки открылись так широко, как только могли. В глазах, покрытых красными прожилками и розовыми пятнами кровоизлияний, тоска сменилась живым интересом.

– На двадцать метров? Так мало? Я хотела бы, чтоб моя печаль хоть краешком коснулась кое-кого. Но этот человек ничего не замечает и находится уже гораздо дальше.

– Так это вы его пытаетесь извести?

– Только не извести! Мне не за что на него злиться. Я бесконечно ему благодарна. – Губы задрожали. – Я люблю его. – Глаза привычно наполнились слезами. – Я бы хотела, чтобы он узнал, как мне плохо без него, как больно. Что я никогда не желала ни обижать его, ни командовать им. – Ксения Алексеевна теперь судорожно всхлипывала на каждом слове. – У меня одна-единственная мечта: чтобы он узнал, как я на самом деле к нему отношусь. Я всей душой ему открыта. Я, как инструмент, настроена под его руки!..

Она достала платок и принялась приводить в порядок нос и глаза.

– Словами ему говорить бесполезно – не поверит, – добавила женщина шепотом, чтобы не рыдать в голос. – Если бы душой почувствовал... Или рассказал ему кто... Все... Больше не буду. Я просто ответила на ваш вопрос.

Был момент, когда Ярослав хотел утешительно подержать ее за руку. Но, даже доверчиво размазывая слезы по щекам, главный психолог «ЧеНепа» не выглядела человеком, нуждающимся в утешении.

– Неудивительно, что мужик сбежал. Обида ни при чем. Кто ж вас выдержит с вашей силищей?! – неожиданно ляпнул Ярослав. – Кстати, это вы вон ту лужицу наплакали? – Он кивнул в сторону окна.

Она нервно хихикнула:

– Я открывала створки: любовалась ливнем... Он тоже сильный, – добавила без перехода. – Очень сильный маг, как вы! – Глаза ее посветлели от гордости. – Только не знает об этом. И не желает знать.

– «Сильный маг»! – развеселился Ярослав. – Терминология из книжки «Гарри Поттер в ночном дозоре и кольцо Всевластья»?

Собеседница весело расхохоталась. Слишком звонко, с истеричными нотками.

Ярослав вздохнул:

– Простите, Ксения... Можно без отчества?

– Разумеется. Даже лучше!

– Ксения, я должен извиниться перед вами. Я вызвал вас на откровенность, но любовные проблемы – это не мой профиль. Я не помогу вам их решить.

Она собралась что-то сказать, но только кивнула в ответ – и Ярослав продолжал:

– Тем не менее, мне нужна от вас некоторая информация и согласие сотрудничать. Ваши переживания угрожают энергетической безопасности фирмы. Как вы только это делаете?!

– Извините, Ярослав, а моей собственной, сугубо личной безопасности они разве не угрожают? Я хочу сказать... Исходя из ваших слов, масштабы бедствия так велики, что я давно должна была бы сгинуť в бездне собственной скорби.

– Вот именно! Ни хрена пока концы с концами не сходятся! Не может один человек... Почему вы сказали, что он – сильный маг?

– Думаете, он как-то влияет? Вряд ли. Если бы его еще интересовала моя персона! Это я без него дышать не могу... Простите. Он жутко злился, когда я отвечала вопросом на вопрос. Отвечаю на ваш: он облака разгонял.

– Ничего себе!

– Может, простое совпадение. Он очень хотел, чтобы мы погуляли. А дождь – как из ведра! Целый день, обложной. Такой обычно надолго. Говорит: все равно поедem, хоть на машине прокатимся! Через двадцать минут подъезжаем на место... долго объяснять... ну, где гулять хотели – дождь прекратился. Еще пять минут пешком – солнце сияет, небо чистое, голубое.

Она замолчала, а Ярослав даже забыл кивнуть. Воздействие на погоду свидетельствует и о недюжинной силе, и о способности входить в резонанс с природными явлениями, так называемыми стихиями. История могла оказаться простым совпадением. Но она, совершенно точно, была подлинной! Любящая женщина ничего не преувеличила, не добавила от себя. Это Ярослав считал с легкостью! Он с огромным интересом ждал продолжения.

В кармане завибрировал мобильный телефон. Ярослав воспринимал подобные события в процессе работы как знаки. Почему два часа подряд его никто не беспокоил, а тут, в самый увлекательный момент... Он ответил, не глядя, кто вызывает.

– Слушаю.

– Ясь, привет! – Мужской голос, чужой, абсолютно неузнаваемый. Но только один человек на свете, помимо сестры, называл его так. Ярослав открыл рот, чтобы ответить, но человек на том конце неосязаемой линии заметил заминку: – Это Гриша.

– У тебя что-то случилось?

Григорий редко звонил ему сам, а словечко «привет» использовал, только когда бывал напряжен или расстроен, оно у него всегда звучало тревожно.

– Да. Мне только что чуть башку не проломили!

– Кто?

– Потом расскажу. Одна из версий милиции – что это связано с моим бизнесом.

– Понял. Ты в больнице?

– Нет, дома. Мне уже наложили швы. Вся голова в бинтах, только ухо торчит. Я специально попросил оставить, чтобы разговаривать по телефону.

Наконец в голосе старшего товарища пробились знакомые шутовские нотки!

– Ну вот! Ты и с милицией успел пообщаться, и медицину на уши поставил. А говоришь «только что»!

– Часа три назад. Самый ливень был.

– Ясно. Ну что, я тебе нужен как специалист по защите?

– Ясь, я буду очень тебе признателен, если ты pomoжешь мне разобраться с этой историей!

– Помогу! Я сейчас приеду. Спать еще не будешь?

– Какое там спать!

– Сейчас тут с делами закончу. Минут пятнадцать еще. И еду. Жди.

– Ясь, голодный?

– Жутко! То есть... – Человеку с разбитой головой лучше не возиться у плиты. – Ничего, терпимо. У тебя в холодильнике что-нибудь есть?

– Конечно!

– Ну вот и ладно. Приеду – сам разогрею. Слышишь?

– Хорошо. Жду тебя. Спасибо!

В процессе разговора Ярослав вскочил: не любил расслаиваться, и теперь обнаружил себя стоящим у окна с видом на бескрайние огни московских пятиэтажек. Он мысленно прикоснулся к другу, успокаивая, поставил защиту ему лично и на всю квартиру. Страшно чудно было заботиться об этом гордом и замкнутом недотроге. Никогда Григорий не проявлял при нем в открытую растерянности и испуга.

– Ксения, все на сегодня. Поеду друга выручать. Завтра я вернусь, и продолжим разговор. Хорошо?

Он хотел сохранить сдержанность, но против воли улыбнулся женщине тепло и ободряюще.

Ксения явно была разочарована: она бы с наслаждением продолжила рассказ о любимом!

– Я не возражаю, – вежливо улыбнулась в ответ.

Ярослав со смешанным чувством удовлетворения и сострадания понял, что женщина будет нетерпеливо ждать его прихода.

Евгению Ильичу и его свите он сообщил, что дела в главном офисе компании в целом обстоят благополучно, однако есть небольшая локальная проблема. Он еще не очень разобрался в природе явления, поэтому денег за диагностику пока не возьмет. В следующий раз ему понадобится только главный психолог: обсудить тонкие, деликатные вопросы о «самой душе организации».

– Да, Ксюшенька – наша душенька! – сказал размякший от коньяка президент.

Ярослав внимательно на него посмотрел. Плохо, что нет времени с мужчиной поговорить!

– Евгений Ильич, еще пять минут наедине.

Помощники стремительно удалились.

– Вы знаете, что у вас со здоровьем творится?

Собеседник не удивился.

– Приблизительно, – ответил осторожно.

– У вас сосуды – как авоська с картошкой. Сгустков до черта! Вам надо срочно лечиться. Просто вот сейчас начинать!

– Я лечусь.

– Ни хрена! Не знаю, что за дрянь вы принимаете... Какие-то капсулы желтого цвета, так?

– Есть такие.

– Только организм засоряют.

– Вы можете что-то сделать? – В голосе президента появились нотки раздражения.

– Не мой профиль. – Ярослав задумался.

Он принципиально не занимался целительством. Во-первых, знаний недостаточно и нет времени на их приобретение. Во-вторых, когда лечишь, отвечаешь за больного двадцать четыре часа в сутки; а его основная работа содержит столько опасностей! Сильные удары, направленные в него самого, могут ударить и по пациентам. «Я лечу землю», – отвечал он, если упрашивали полечить, укоряли. И еще. Вылечить серьезную болезнь – это ведь не только подремонтировать организм. Надо найти ее подлинные причины, может, коренящиеся в сознании человека, может, в его прошлом, а может, и в других жизнях. У Ярослава под такую тонкую деятельность просто не заточены мозги!

Чем же помочь? Он знал многих целителей и экстрасенсов, но мало кого ценил. Здесь дело было серьезное: с края света человека вытаскивать! Вспомнил о Любе. Назвал Евгению Ильичу имя.

– Не знакомы с такой?

– Нет.

Значит, ошибся, не Люба создавала для фирмы защитные покровы. Он отрекомендовал целительницу наилучшим образом и продиктовал президенту ее телефон. Тот вежливо записал. При этом на лице бизнесмена ясно читалось сомнение: не разводят ли его на

денежки? Надо подождать, послушать, какой диагноз великий специалист по энергоэкологической защите поставит «ЧеНепу» и сколько запросит за исцеление компании – тогда будет яснее, насколько честную игру он ведет.

– Не тяните время, – попросил Ярослав. – Я с этой бабой не в доле, а клиентов у нее без вас хоть отбавляй!

Еще Ксенин пробой может его подсасывать, хотя кабинет Евгения Ильича, к счастью, далеко от ее вотчины. Ярослав решил все-таки поставить ему защиту от отсоса энергии, но крепкий защитный покров сдувало, как перышко, дуновением от близко подступающего края бездны. «Я предупредил! – с досадой подумал Ярослав. – Ну, прими же ты правильное решение!»

Дольше задерживаться не стал. Любимый старший друг, учитель, Григорий Матвеев в кои-то веки обратился к нему с серьезной просьбой и ждал – наедине со своей бедой! Ярослав поспешил на помощь.

До «Войковской» Ярослав добрался только к половине первого ночи: полузатопленная необычайно сильным ливнем автомобильная Москва встала. Пробки и заторы рассасывались так же медленно, как просачивалась в трещины и выбоины асфальта обильная небесная влага. Водители, обезумевшие от усталости, голода и тоски по мягким постелям, орали друг на друга гудками и матом из открытых окошек, сталкивались бамперами, почем зря разбивали друг другу фары и со скрежетом выкорчевывали наружные зеркала. Останавливались выяснять отношения, увеличивая хаос и неразбериху.

В животе урчало. Ярослав достал из бардачка припасенные на такой случай пакеты с сухариками, чипсами и прочей дрянью. Не помогло. Он вспомнил мясо по-матвеевски – одно из фирменных Гришиных блюд. Слюнки потекли ручьем. Потом Ярослав сообразил, что Григорий редко готовит впрок и разогревать ему сегодня предстоит, скорее всего, банальные пельмени. Живот одобрил мысль о пельменях очередным приступом урчания.

Интересно, как Матвеев представляет себе деятельность своего младшего приятеля?

В молодости Ярослав, увлеченный своим делом, порывался рассказать о нем дяде Грише, но нарвался на глухое и жесткое сопротивление. «Магия? Эзотерика? Ясь, лучше бы ты не занимался такими вещами! Я всего этого не люблю и боюсь!» Ярослав кидался спорить, горячо отстаивать свои убеждения. Григорий замыкался: «Я не хочу дискутировать с тобой на эту тему», – бросал раздраженно, надменно и надолго умолкал. Ярослав маялся: он привык откровенно обсуждать с дядей Гришей все на свете; немилость самого близкого ему друга и наставника к делу, которое казалось дороже жизни, обескураживала и обижала. Но оставалось только смириться. Заметив, что старший товарищ стал вроде бы даже сторониться его, Ярослав принял меры, чтобы избежать раскола столь дорогой ему дружбы. Он придумал обтекаемый термин: «биоэнергетическая защита в сфере экологии и бизнеса», уболтал Григория малозначащими фразами о научном подходе, сказал, что работает с точными приборами в руках, попросил помощи в освоении химии, которая, в отличие от физики, так тяжело ему давалась. Григорий постепенно оттаял, а Ярослав больше никогда о содержании своей деятельности с ним не заговаривал. Недосказанность по взаимному умолчанию так и осталась между ними зарубцевавшейся трещиной.

Теперь Григорий рискнул обратиться к Ярославу за помощью. Ярослав стал прикидывать, в какой форме обсуждать с ним все, что сумеет выяснить, чтобы не спугнуть, не дать повода пожалеть об оказанном Ярославу доверии? Со своими клиентами Ярослав так не церемонился: раз пригласили, значит, готовы поверить любому слову нетрадиционного специалиста. Усомнятся – пусть пеняют на себя! В запасе для сомневающихся всегда оставалась простая и убойная техника: считать информацию о семье, о здоровье, словить пару-тройку немудреных мыслей, наконец. Но с Гришей надо быть предельно осторожным. Упаси боже от подобных фокусов!

«Не люблю и боюсь!» – резко, как удар хлыста, звучало в ушах. Он не сказал: «Не верю».

Поток автомобилей тем временем поредел, и Ярослав вскоре свернул на тихий

пустынный бульвар. Голые деревья приветствовали позднего гостя активной отмашкой ветвей. Ох и сильный же поднялся ветер! Снова шквалистый, как тот, что принес непогоду. Теперь, судя по редющим клочьям облаков, несущимся по небу низко-низко – в свете огней города, тот же ветер прогнал непогоду прочь.

Ярослав заскочил в круглосуточный продуктовый магазин на углу, быстренько похватал там каких-то полуфабрикатов, овощей, зелени, фруктов. От продавщицы почему-то неслась волна смятения и любопытства. Ярослав кинул быстрый взгляд вниз: все ли в порядке с одеждой? Изъянов не нашел.

Белая бинтовая повязка аккуратной шапочкой охватывала голову, спереди из-под нее трогательно выбивались пегие пряди со следами модельной стрижки, сзади оставался открытым затылок. Удар пришелся по темени. Ярослав успел заметить бескровную белизну лица, даже с оттенком серости, прежде чем оказался в объятиях друга.

– Здорово, Ясь! – наконец-то громким, узнаваемым голосом. – Рад тебя видеть! Проходи.

Ярослав нетерпеливо умылся и бегом рванул на кухню.

– Бери тарелки, рюмки, – распорядился Григорий. – Я ничего не доставал: мне запретили много двигаться. Вино в холодильнике. Выбирай, какое хочешь. Под рыбу.

Ярослав, не веря своему счастью, осознал, что на плите стоит сковородка, из-под плотно закрытой крышки которой просачивается аромат почти готовой семги.

– Гриша, ну зачем ты готовил, если нельзя?

– А с ней возни немного, – протянул Григорий с деланной небрежностью. – Просто положил на сковородку – и все. Ну, специи, конечно, посыпал. Посолил.

Ярослав демонстративно застонал. Григорий – мастер простой и здоровой еды, которую он фантастически быстро готовит и которую невероятно вкусно есть!

Только успел помыть овощи, как Григорий объявил, что семга готова и ее надо срочно выключать, пока не пережарилась.

– Мне совсем немного положи. Просто чтобы тебе не скучно было одному есть. Я не голодный; специально для тебя готовил.

– Ну, рассказывай, что с тобой случилось! – предложил Ярослав, хватаясь за вилку.

– Давай сначала за встречу! – Григорий разлил по бокалам вино. – Сколько ты не был у меня здесь? Полгода?

– Больше. Летом я на дачу к тебе приезжал. С тех пор и не виделись. Так что стряслось? Излагай!

Маленький музыкальный центр на столе довольно громко проигрывал какой-то диск с классическим роком. Еще в ранней юности Ярослав был приучен дядей Гришей понимать эту жесткую, вредную для барабанных перепонок музыку и даже любить ее. Поэтому Ярослав не стал вовсе выключать звук – только сделал потише, чтобы не мешал разговору.

Он наслаждался вкуснейшей рыбой и смаковал каждый глоток хорошего итальянского вина.

– Да рассказывать почти нечего. Ко мне подошли двое пьяных мальчишек...

Матвеев рассказывал с заученными интонациями человека, которому уже пришлось участвовать в составлении милицейского протокола.

– Мальчишек?

– Лет по восемнадцать. Чуть больше, чуть меньше – не знаю. Подошли спереди. Ударили. Они, наверное, хотели оглушить и вытащить кошелек. Но я отбилась и побежал...

– Не понял. Подошли спереди и ударили по темечку?

– Нет. Один попытался ударить по голове, но я успел отбить его руку. Другой хотел меня схватить за одежду. Я увернулся от обоих и отскочил в сторону.

Зная отличную спортивную подготовку Григория, Ярослав в принципе не удивился. Но все же уточнил:

– Как тебе удалось?

– Не сложно. Они были в хорошем подпитии. Я хотел банально убежать. Прости,

история совсем не героическая!

Григорий обезоруживающе улыбнулся. Любому другому человеку Ярослав в продолжение диалога ответил бы веселой репликой типа: «Старая ты кокетка! Мне твой героизм даром не нужен; засунь его себе куда-нибудь и излагай по существу!» Григорию он тепло улыбнулся:

– Гриш, ну при чем тут героизм? Что было дальше?

– Я повернулся и успел пробежать шагов десять, по-моему. А дальше меня ударили по башке.

– Догнали?!

– Ясь, понимаешь... Милиция их уже схватила, я их опознал. Хотя лица из-за дождя плохо разглядел, но по одежде, по волосам. Собственно говоря, они сами сразу сознались. Но они пьяные вдрабадан, шатаются. Так что вряд ли догнали.

– Ты не слышал шагов за спиной?

– Как я мог слышать шаги?! Ливень был!

– Извини. Я понял. То есть в тебя чем-то бросили?

– Ну да. Попали, видимо, чисто случайно: метко прицелиться ни один из них не смог бы. Я добежал до магазина. На углу, знаешь? Там мне дали стул. Весь пол им кровью залил! У них есть аптечный киоск. Они меня перекисью мазали, пока милиция и «скорая» не приехали.

Ярослав вспомнил продавщиц с блестящими от возбуждения глазами. Усмехнулся:

– Да, развлечение ты устроил ночной смене магазина! Так чем в тебя швырнули-то? Бутылкой?

Григорий подобрался. Пообещал отрывисто:

– Сейчас покажу.

Он с усилием поднялся и вышел в коридор. Через минуту появился на кухне с белым полиэтиленовым пакетом, внутри которого угадывался некий маленький, но тяжелый предмет. Сел, медля передавать пакет в руки Ярослава.

– Я решил пока оставить это у себя – не отдавать в милицию. Понимаешь, пока не найдено орудие, вину мальчишек можно доказать только частично: нападение – да, сами сознались, а телесные повреждения – как, чем? Я не хочу через пару лет получить на свою голову двух матерых уголовников, которые будут мстить. Хорошо бы их засадили ненадолго – так только, попугали. Я сделаю широкий жест. Тогда они мне еще и благодарны останутся за то, что я их спас от более сурового наказания.

Ярослав с огромным удивлением воззрился на Матвеева:

– Хитрый ты змей! Как сумел все так быстро сообразить, да еще с пробитой башкой?!

– Ну какой хитрый. – Григорий почему-то искренно смутился и оттого продолжал с нотками досады в голосе: – У меня было полно времени до приезда опергруппы, пока я сидел в магазине с перекисью и льдом на макушке. Позвонил знакомому юристу и проконсультировался.

Ярослав рассеянно кивнул. Предмет в целлофановом пакете стянул на себя все его внимание. Появились азарт и собранность: началась настоящая работа! Сквозь непрозрачный пакет он уже почти видел...

– Ясь, у меня нет резиновых перчаток. Вот, возьми целлофановые пакетики, надень на руки.

Григорий стоял, опираясь ладонью о стол, и старался другой рукой, в которой все еще сжимал спеленатое орудие преступления, дотянуться до икеевской торбы с целлофановыми пакетами, висевшей над помойным ведром.

– Там отпечатки пальцев... их и мои... Будь аккуратен, пожалуйста: не сотри и не наставь своих!

Он говорил странно замедленно, растягивая слова. И слишком долго, слишком трудно тянулся к пакетам.

Ярослав успел вскочить как раз вовремя, чтобы подхватить друга под руки и, едва

переставляющего ноги, почти что на себе оттащить в комнату. Укладывая Григория на диван, обнаружил, что тот по-прежнему сжимает в ладони свое убийственное сокровище. Несколько секунд, пока Григорий объяснял, что у него кружится голова, что так уже было сегодня и виной тому всего лишь несильное сотрясение мозга, Ярослав смотрел попеременно на телефон – не вызвать ли скорую? – и на стиснутую руку Матвеева.

Потом бросился в кухню, напялил на пальцы два первых попавшихся куска целлофана, метнулся обратно в комнату и выхватил наконец у хозяина таинственный сверток.

Ярослав сидел в глубоком белом кресле. Руки – на коленях, на ладонях – почтительно – белый пакет, который он уже не торопился разворачивать. Он осваивался с мощностью маленького тяжелого предмета, от которой неподготовленному человеку становится дурно.

Обвел глазами комнату, будто впервые видел. Здесь произошла какая-то серьезная перемена с того последнего раза, когда он был у Матвеева в гостях. Шикарный велосипед, как обычно в сезон катания, торчит посередине. Но ощущение некоторой стесненности пространства – не от него. Журнальный столик сдвинут, тумбочка – почти вплотную к нему... Ярослав оглянулся и восхитился тем, что увидел за спиной. Электрическое пианино.

Вот это приобретение! Такие возможности, такой звук!

– Гриш, поздравляю с обновкой, ты так давно о нем мечтал! Когда купил?

– Еще в прошлом году. В конце, – бросил Матвеев довольно равнодушно.

– Ты, наверное, теперь гитару забросил – только на этом играешь?

Григорий почему-то поморщился:

– Я на этом инструменте почти не играю. Звук слишком громкий, перед соседями неловко.

– Можно же отрегулировать?

– Тихо неинтересно, – отрезал друг, всем своим видом демонстрируя, что закрывает тему.

Ярослав с удивлением пожал плечами. Что-то у Гриши не заладилось с этим пианино. Захочет – расскажет. На сегодня загадок вполне достаточно.

Григорий поднялся с дивана:

– Я сейчас.

– Сам дойдешь?

– Да.

Ярослав проследил взглядом: раненый шагал довольно уверенно.

Ярослав сидел под самой форточкой, распахнутой настежь. Любимая привычка Матвеева, которого раздражали малейшие намеки на духоту. От окна с отчаянной быстротой неся Ярославу в бок сырой, холодный воздух. Следовало накинуть какую-нибудь шерстяную фуфайку, чтобы не продуло, но ему и так было жарко. Он решил воспользоваться отсутствием хозяина и совершил маленькую диверсию: быстро вскочил и прикрыл наружную форточку. Внутреннюю предусмотрительно оставил распахнутой в надежде, что друг не заметит перемены. Вернувшись, Матвеев не взглянул в сторону окна. Ярослав вздохнул с облегчением и продолжил изучение трофея.

Только теперь Ярослав понял, насколько силен в его сознании материалистический образ мира: до сего момента он не верил, что нечто подобное вообще существует на земле. Тем менее надеялся когда-либо столкнуться с этим лично... Между прочим, такие объекты крайне редко попадают случайно в руки случайным людям.

– Гриша, как ты успел ее подобрать на бегу?

– Ее?

Ярослав задумался: в самом деле, почему в женском роде?

– Эту штуковину.

– Понял. Я вовсе ее не подбирал.

Матвеев почему-то громко расхохотался. Тут же скривился от боли.

– Ну вот, батенька, пролетарьяту уже и повеселиться не дают подлые враги, – прокартавил, очень ярко изображая Владимира Ильича, и пояснил, приподнимаясь на локте:

– Она свалилась мне за шиворот! Я обнаружил это, только когда сидел на стуле в магазине: прислоняюсь к спинке – что-то мешает.

– А-а! Повезло! – вслух отозвался Ярослав, а про себя подумал: «Все-таки не случайность» – и громко зашуршал пакетом, разворачивая.

В его руках, изолированных целлофановыми мешочками, оказался кусок ноздреватого, темного, очень твердого вещества – не то металла, не то камня, не то застывшей лавы. Размером примерно в половину крупной мужской ладони, он имел правильную, осмысленную форму. Конус, высота раза в полтора больше диаметра основания; острие немного скруглено, как будто долго испытывало на себе воздействие силы трения; у основания – монолитно соединенная с конусом небольшая шишечка, формой и размером напоминающая раскрывшуюся шишку кипариса или туи. Все вместе вызывает ассоциацию с наконечником дротика, но предмет кривоват, с шершавинками и корявостями, так что и не поймешь: рукотворный он или перед тобой кусок живой природы.

В неярком свете торшера Ярослав едва различил на темной пористой поверхности казавшиеся более светлыми бурые пятна засохшей крови. «Наконечник дротика» сильно нагрелся в ладонях. Он был при своем маленьком размере очень тяжелым, будто сделанным из чистого золота.

Определенно необычный сегодня вышел день! Ярослав впервые в жизни держит в руках настоящий предмет силы – похлеще любого шаманского бубна или иголки за нагрудничком фартука жрицы культа вуду! Предмет, который по мощности несравнимо превосходит все, когда-либо виденное Ярославом лично! А за каких-нибудь четыре часа до этого эпохального события своей жизни он встретил красивую, сильную женщину, наделенную даром невзначай проламывать пространство, а то и время...

Точно... Ну конечно! Некрупный пробой в энергетической структуре «ЧеНепа» потому и откачивает так много, что является не только пространственным, но и временным...

Забытый им ненадолго Григорий подал недовольный голос:

– Ясь, ты зачем форточку закрыл? Душно!

Между прочим, Гриша полулежал на диване спиной к окну! Ярослав шумно вздохнул и покорно собрался встать, но тут раздался шум, треск удара – форточка сама распахнулась от очередного резкого порыва ветра, стукнулась о внутреннюю, открытую – чуть стекло не разбилось! Запах сырости и озоновой свежести снова ворвался в комнату.

Ярослав ненадолго отлучился из комнаты, а когда вернулся, Григорий уже спал. Лицо разгладилось, смягчилось, стало по-детски светлым. Губы сомкнуты, он тихо дышал крупным, будто у араба, носом. Ярослав растерянно огляделся. В гостиной один диван, лечь больше негде. Жаль: ему хотелось быть поближе к пострадавшему на случай, если тому вдруг станет плохо. Соседняя, смежная с гостиной, комната представляла собой крошечный кабинет: только письменный стол, кресло, шкафы. Оставалась комфортная широченная кровать в спальне Григория. Ярослав секунду колебался, преодолевая неловкость, и направился туда, прихватив с собой «наконечник дротика» и на ходу расстегивая рубашку.

Единственная – Ярослав мысленно взял на заметку этот факт – подушка располагалась с левой стороны широченного ложа, ближе к окну. Он удивился: нужно перекатываться через кровать или обходить ее – почему не лечь ближе к двери? Однако там и устроился. «Дротик» бережно уложил на свободном пространстве в изголовье и заснул, в буквальном смысле, едва донеся голову до подушки. Ушел сразу так глубоко, что, выныривая утром, ни одного сновидения не поднял с собой на поверхность сознания.

* * *

Вера, против обыкновения, заснула очень рано, а утром легко очнулась за полчаса до звонка будильника. Слушала свист и звон весенних синиц. Самая первая мысль после пробуждения: «Вчерашнее происшествие... Ерунда, дичь! Почудилось. Какие елочные фонарики?! Зачем? Жизнь и так чудесна!» Вера открыла глаза. Солнце на голых ветвях за

окном, голубеющий кусочек неба. Удивительно, как не схожи дневное сознание и вечернее! Вчера она, как ребенок, верила в утраченное чудо, сердце переполняли тоска и горе. А сейчас она бодр и свежа, и не нужны ей никакие подпорки, чтобы чувствовать себя уверенно и комфортно в этой жизни.

Вера потянулась. Жорки уже не было рядом: он уходит на работу, когда жена еще сладко спит. Вечерняя Вера сейчас заняла бы, что уверенности и комфорта недостаточно для счастья. Нынешняя, утренняя, Вера немного напряглась. Счастье? Может, не станем начинать все сначала? В такое хорошее утро! Она еще раз потянулась. Несколько скованное получилось движение. Хорошо, а при чем тут фонарики? Глупая сцена, стыдно так! Как связано вчерашнее сновидение с неизбежной тоской о счастье, для которого почему-то катастрофически не хватает ни взрослеющего сына, ни доброго, надежного мужа, ни осмотрительных ухажеров, ни умелых – порой! – любовников? Вера лежа откинула одеяло. Резко пробрало холодом. Интенсивный внутренний диалог унес утреннюю беззаботность. Две Веры – утренняя и вечерняя – в процессе оживленной беседы сблизились, схлопнулись и вновь стали одной – тревожной, неудовлетворенной, но все же бодрой и готовой взять от этой скучной жизни все, что удастся вытрясти из ее закромов.

Она занялась гимнастикой. Просто вчера она ненадолго почувствовала себя маленькой девочкой. Это порой так приятно! А для ребенка нет большего счастья, чем много-много загадочных новеньких блестящих игрушек, и чтобы они сами собой валились в руки... Вера села на краю кровати и стала аккуратно крутить головой.

Расписание этого дня было составлено с таким расчетом, чтобы между двумя лекциями оставалась дырка в одну пару – нормально пообедать без спешки и риска быть затоптанной у входа в столовую толпой голодных студентов. Блаженный час покоя и относительной тишины, когда заветренный свекольный салатик прекрасен, как лучшее произведение ресторанного искусства, а горячая уха вызывает наслаждение сродни эротическому экстазу! Вера уже приканчивала второе, когда к ее столу подошла Мариша Ковалева с полным подносом еды. Стройная и, по Вериным меркам, жутко юная – только двадцать пять справляли в прошлом году, – Марина запросто позволяла себе оливье, мясной борщ с хлебом, компот с булочкой и прочие опасные для фигуры экзерсисы столовского шеф-повара.

– Верочка, привет! – нежно приветствовала приятельницу Мариша. Некоторые совместные увлечения, вроде позавчерашнего девичника, так сблизили этих двух женщин, что они, в нарушение строгих институтских традиций, запросто обращались друг к другу по имени и на «ты».

– Привет, Ковалева! Рада тебя видеть! Разве ты в этом семестре читаешь по вторникам?

– Нет. У меня в понедельник лекции, в среду – лекция и семинар. Сегодня я здесь, чтобы с научной пообщаться. Тебя вот встретила – тоже хорошо!

– Пишешь свой диссер, Ковалева?

В воскресенье обсуждать рабочую рутину совсем не хотелось.

– С горем пополам. Не везет мне с темой. Научная никак не может четко высказать, чего от меня хочет...

– Я забыла, кто у тебя?.. А! Я такой не знаю...

Обсудили подробности непростой Маришкиной ситуации: специальность, под которую трудно найти совет, научная – старая гримза, у которой десять лет никто не выходил на защиту, интересная тема, по которой материала не существует в природе.

Вера, никогда не стремившаяся обзавестись кандидатской степенью, едва заметно позевывала.

– А как твой старичок поживает? – спросила лениво.

– Да неважно. Тут его подрали – совсем стало тяжело: капризничает, не слушается.

– Подрали?

– Да, неприятная история... Теперь ведет себя кое-как...

– Ты с ним все-таки поаккуратнее. – Вера искренне улыбнулась. – Он такой славный!

– Я знаю. Я стараюсь, но иногда терпения не хватает!

Вера взглянула на большие часы у выхода. Полчаса остается до конца перерыва. Маринка может бесконечно говорить о своих проблемах. Если не перевести беседу в другое русло, они не успеют обсудить главное. Марина будто почувствовала – сама сменила тему.

– Как ты после нашей встречи? – спросила со значением. – Необычное что-нибудь заметила, новости есть?

– Мне вчера очень странный сон приснился. – Подойдя к самому интересному, Вера медлила, оттягивала удовольствие. – Тебя ливень не промочил?

– Еще как! – Ковалева оживилась, и Вера с досадой поджала губы: сейчас опять будет долго рассказывать о себе, слова не вставишь! – Я возвращалась после семинара, когда он начался. Стояла на остановке минут десять – ни одной маршрутки. А я усталая, голодная, как зверь. Плонула, пошла пешком. Надеюсь, что успею до дождя. У меня зонта с собой не было, вельветовое пальто. Я вчера на себе испытала, что значит «промокнуть до нитки». Когда я ввалилась в дом, на мне, в самом деле, нитки сухой не было! Родители так хохотали! Сказали: «Как ты ухитришься попадать в необычные истории?! Мы в жизни ничего подобного не видели! Будто тебя в реке искупали!»

– Послушай... – Вера замялась. – А ты видела... Просто сильный ливень? И все?

– Не просто сильный! Ниагарский водопад какой-то!

– Мне под этот ливень приснился сон, – повторила Вера.

– Очень интересно! Расскажи!

Вера сжато описала вчерашнее происшествие. Слушая ее историю, Ковалева успела прикончить обед, и обе поднялись.

– Ничего не осталось? – серьезно спросила Марина. – Ни единой дождинки?

На душе потеплело. Юная приятельница свято верит в сверхъестественное, которое для нее реальнее любых повседневных происшествий обыденной жизни. Уютнее жить в детском мире волшебства.

– Не знаю... – протянула Вера. – Мне интересно, почему я стала путать сон и явь. Может, от усталости? Или у меня психоз?

Вера с усилием толкнула массивную столовскую дверь.

– Нет, Верочка, я не думаю, чтобы тебя постигло психическое расстройство. Ты роскошно выглядишь, вид цветущий!

– Спасибо! Такой комплимент вдвойне приятно слышать от женщины!

Вера была по-настоящему польщена. Ковалева – модница с современными вкусами и честная девочка – врать во имя комплимента не станет.

Раздался звонок. Вера невольно вздрогнула. Улыбка сбежала с лица. Через десять минут – на галеру. Сотни полторы «платников» – слабо мотивированных, нахальных, расхлябанных юнцов и девиц, которых можно и собрать, и построить, и заставить слушать раскрыв рты... Только для этого приходится в течение четырех академических часов плясать на ушах!

Сверху послышался многоголосый щебет и топот множества ног по лестнице: студенты неслись в столовую.

– Верочка, в сторонку, а то сейчас сметут!

Марина нежно приобняла приятельницу за плечи и отодвинула с прохода. Вера про себя беззлобно усмехнулась: не может девочка не руководить! Даже не задумывается, что старшая и более опытная в вузовских коридорах подруга сама в состоянии сообразить, когда и как увернуться от резвой студенческой толпы, теряющей остатки разума по пути от аудитории до столовой. Маришка автоматически придерживается убеждения, что только она способна обо всем и обо всех как следует позаботиться. Вот невестка кому-нибудь достанется!

– Что это? – Ковалева провела ладонью по Вериному плечу, деликатно коснулась груди. – В чем у тебя джемпер?

– Не знаю. А что там? – Вера опустила голову и скосила глаза вниз, стараясь разглядеть

при тусклом освещении, какой непорядок приключился с ее одеждой.

– Он мокрый как будто. Вот, вот же, отблескивает, видишь? А на ощупь совершенно сухой!

Вера провела рукой по вязаному полотну и слегка вздернула брови: все вроде нормально. Однако Марина продолжала выразительно пялиться на ее грудь, так что Вера забыла о толпившихся вокруг студентах и неприлично потянула джемпер, ухватив его на самых выдающихся местах. Сердце екнуло: поверхность поймала случайный луч света из окна и блеснула серебром. Вера снова аккуратно провела по ней пальцами, изучая ощущения. Шерсть пополам с синтетикой. Сухая. Только почему-то холодная. Взволнованный голос Марины будто разбудил ее:

– Этот отблеск тебе ничего не напоминает?

– Люрекса здесь нет. Я терпеть не могу дешевки с люрексом!

– Ну разве это похоже на люрекс?! – укорила молодая приятельница. – Скажи, ты в этом свитере была вчера на балконе?

– Я надела халат... Да, поверх свитера.

– Подумай, вспомни. – Речь Ковалевой приобрела размеренность и властность. Именно так подруга вещала на посиделках, когда наступала ее очередь развлекать других. Одного лишь виртуозного владения голосом было достаточно, чтобы Маринка снискала уважение в глазах Веры!

– Подумай, вспомни: дождь, потоки воды, фонарики из фольги с длинными нитями, ты прижимаешь их к груди... Они мокрые?

– Да! Они были мокрые, с них лилась вода. Я стряхивала ее, прежде чем...

– Не стирай эту вещь, – сказала Марина с мягкой улыбкой, настойчиво и торжественно, – сохрани подарок от Создателя сновидений!

У Веры заколотилось сердце. Девочка, конечно, играет. Со старшей подругой, с самой собой, с волшебством. Совсем скоро непонятному оптическому эффекту найдется простое и скучное объяснение. И все же, почему бы не счесть отблеск воды на поверхности давно просохшей одежды добрым знаком?

– Спасибо, Мариш, ты меня порадовала! Значит, все-таки есть на свете чудеса?

– Есть, – ответила девушка абсолютно серьезно.

– Ладно, рада была тебя видеть. Пойду. Мне надо успеть подняться на одиннадцатый этаж до звонка. Сейчас проверки идут – ты об этом знаешь?

– Да, знаю: следят, чтобы преподавы приходили в аудиторию вовремя. Пойдем вместе до лифта: мне на первый этаж. Я тоже была очень рада с тобой пообщаться!

Они успешно просочились сквозь густую упругую студенческую массу, весело громыхавшую голосами, хохотом, непрерывными проигрышами мобильных телефонов.

Около лифтов тоже было многолюдно, но они располагались в торце коридора, прямо у огромного, еще не мытого после зимы окна. Вера опустила глаза и в белом свете дня увидела свою одежду такой, какой сегодня утром сняла ее со спинки стула: красивый, пестрый джемпер тонкой вязки – безо всяких признаков промокания и водяной пленки на поверхности. Быстро перевела взгляд на Марину, собираясь сказать: «Вот и кончилось волшебство!», но тут темные автоматические двери прямо перед ней раздвинулись. Стоявшие рядом люди слегка посторонились, пропуская выходящих. Над дверью горела зеленая стрелка, направленная вниз. Ковалева наскоро обняла подругу и, как только кабина опустела, шагнула вперед. Уже внутри лифта, уворачиваясь от загроможденно влетающих вслед за нею пассажиров, обернулась:

– Счастливо, Верочка! Помни о нашем деле!

– Пока, Маринка! Старичка своего береги, не обижай!

– Постараюсь!

Темные двери поползли навстречу друг другу. Марина подняла руку в прощальном жесте. Тонкие девичьи пальцы, узкая ладонь, обнажившееся предплечье, сгиб локтя – вся кожа блестела серебром, будто рука была погружена в толщу воды, пронизанной лунным

светом. Так же странно светилось Маринино лицо. Двери лифта со скрежетом сомкнулись.

Рядом, наоборот, открылся новый проход, и Вера шагнула под зеленую стрелку, указывавшую вверх.

* * *

Он начал медленно возвращаться к реальности, когда сквозь сомкнутые веки забрезжил серенький рассвет. Приятное, волнующее тепло с правой стороны касалось его голого плеча, бока, дразнило под одеялом у бедра. Такие ощущения может дарить лишь разгоряченное и размягченное сном женское тело. Ярослав отчетливо почувствовал, как упругая и бархатистая кожа ластится к его подмышке, нежной петлей обвивает ногу. Его организм отреагировал раньше, чем сознание, и только тут Ярослав выскочил из блаженной дремоты и окончательно проснулся. Глаза намеренно зажмурил поплотнее. Вместе с сознанием и вслед за другими, более древними функциями организма в нем проснулся азарт исследователя.

Прежде всего Ярослав похлопал ладонью по правой половине кровати. Она, как и следовало ожидать, оказалась пустой. Ощущение близкого присутствия обнаженной женщины стало более размытым, но не исчезло вовсе. Ему даже почудилось, что в воздухе витает слабый, приятный аромат легкой парфюмерии – не духов, скорее туалетной воды или дезодоранта. Продолжая исследование, Ярослав настроился на энергетику незримой гостьи. Может, какой-нибудь неприкаянный дух его морочит? Нет, безусловно, живой человек. Точнее, его, то есть ее астральная проекция. Ярослав легко считывал энергетическую структуру. Однако черты лица ее хозяйки расплывались, и имя не шло на ум. Он не впервые сталкивался с подобным феноменом: женщина, с которой находишься в связи – особенно если связь очень уж хороша! – может незримо, но явственно присутствовать в постели, даже пребывая в этот момент на расстоянии сотен и тысяч километров. Но прежде в таких случаях Ярослав всегда сразу точно знал, какая прекрасная дама удостоила его тайным визитом. Сейчас он терялся в догадках. Женщина казалась чужой. Разве что типаж... Довольно чистая, светлая энергия, сила несколько неравномерно перераспределена в пользу верхних центров. Этакая утонченная художественная натура, которой два высших образования не мешают изящно одеваться; от запаха выгребной ямы падает в тяжелый обморок. Впрочем, возможны многочисленные вариации характера. Тип энергетики ясен – и только! «Я с ней не спал», – уверенно заключил Ярослав. Тут сознание наконец прояснилось окончательно, и Ярослав сообразил, что лежит в чужой постели. Гостья, следовательно, приходила не к нему.

Ощущение энергетического присутствия между тем бесследно рассеялось. Ярослав не успел разглядеть мысленным взором внешность героини – да и ни к чему! По дороге в ванную он с удивлением подумал, что у Матвеева, оказывается, с личной жизнью на данный момент все в порядке. «Н-да, любовные дела, семейные истории, прочая дребедень – не мой конек! Предполагал одно, а все наоборот».

Охаживая свое тело колючими, ледяными струями душа, Ярослав внезапно расхохотался и вслух пробормотал:

– Извини, Гриш! Не понял я сразу! Я ведь все-таки с ней не... Почти – не считается!

Григорий глубоко спал, вопреки своему обыкновению пробуждаясь с восходом. Ярослав бесшумно скользил по квартире, стараясь не тревожить пострадавшего. На кухне, чтобы не греметь посудой, всухую пожевал сыр и хлеб. Вернулся в спальню: решил снять постельное белье, на котором нагло дрых всю ночь. Тем более что оно выглядело сильно несвежим. Григорию нельзя много двигаться, значит, надо помочь ему – заново застелить кровать. Он сразу нашел в объемистом трехстворчатом шкафу отделение с постельными принадлежностями, принялся их перебирать, отыскивая широкую простыню. Попадались почему-то все время полуторные – старые и застиранные. И это – в квартире, современно и со вкусом обставленной! Ярослав удивился. Женщина – утреннее видение, куда она-то смотрит?!

Безуспешные раскопки открыли его взору самое дно глубокого ящика. Оно было выстлано широкоформатным темно-зеленым пакетом, под которым угадывалось нечто мягкое. Ярослав решил, что сейчас обнаружит искомое, и приподнял угол пакета. Аккуратно сложенная, в отличие от скомканных и перемешанных пододеяльников, простыней, наволочек, женская ночнушка – очень короткая, на тонких бретельках. Прямо посередине груди – трогательная парочка пушистых мультяшных зверушек и надпись: «Love is where you find it». Рядом с ночнушкой – стрейчевые брючки в мелкую светло-серую клеточку. Ярослав неподвижно созерцал эти сокровища. «Похоже, его девчонке нет и двадцати! Ничего себе!.. Может, это дочкино?» Дочь приезжала к Матвееву в гости пару лет назад. Но нет: одежда была дешевенькая, китайская, с рынка, а не добротная, из Австралии; кроме того, вещи окружала уже знакомая Ярославу аура.

Он быстро вернул на место и разгладил зеленый целлофан, завалил его сверху ворохом постельного белья. «Не мое дело. Я ничего не видел. Сам скажет, где и что взять». Ярослав слез со стула, на который взгромоздился, чтобы порыться в ящике. Щеки пылали от смущения так, что хоть лучины о них зажигаи. Но к пробуждению Григория он успел прийти в себя.

– Гриша, я так и не въехал вчера, почему ты решил обратиться ко мне. Пойми правильно: я только рад! Но в чем ты видишь мою роль? У тебя юристы знакомые, и милиция вроде хорошо к тебе отнеслась. Преступников отловили. Что я могу для тебя сделать... как... как специалист?

Матвеев медлил с ответом, и Ярослав напряженно ждал: от того, что скажет Гриша, зависели и дальнейшие действия, и степень откровенности, с которой Ярослав станет их объяснять Григорию.

Тот заговорил с растяжкой и расстановкой, взвешивая каждое слово:

– Ясь, я знаю, чем ты занимаешься. Я не люблю об этих вещах говорить... – Звенящие интонации злости и страдания в голосе. – Я даже стараюсь о них не думать... Но что-то такое, видимо, есть... По-моему, эта штука... Она не просто ... камень...

– Магический предмет, ты хочешь сказать? Предмет силы? – не выдержал Ярослав.

– Я подумал: может, на меня охотится какая-нибудь секта?.. Я хочу, чтобы ты сказал, действительно ли этот предмет обладает особой силой! – закончил Матвеев решительно.

«Ах старый внешторговский лис! Вот почему ты не отдал «дротик» милиции!» – про себя прокомментировал Ярослав и вздохнул: ну не может человек выложить все сразу напрямую – даже близким людям, даже давнему другу. Такой характер, такая выучка. Не понять, но и не переделать! Приходится принимать как есть.

– Предполагаешь, что секта позарилась на твои средства, квартиру и решила тебя извести посредством магического предмета, похожего на ритуальное оружие?

Григорий едва заметно вздрогнул, пожал плечами.

– Вряд ли. Ты, Гриша, извини, не такая уж крупная дичь.

Григорий кивнул. Спросил напряженно:

– Ты уже готов мне что-то сказать про этот предмет?

– Да. Этот предмет обладает особой силой. Ее природа мне пока не ясна. Ты хочешь узнать, кто, с какой целью и каким образом пытался применить его против тебя?

– Я хочу узнать, кто на меня напал и зачем. И какое воздействие оказывает на человека эта штукавина. Ясь, ты поможешь мне в этом разобраться?

– Конечно помогу!

У Ярослава в голове уже роилось множество соображений. Он не имел представления, как считать информацию с предмета такой мощи. Чистая энергия, которая изливалась из «дротика», смывала все следы. Ярослав решительно не видел, чтобы с ним были связаны какие-то черные замыслы, не слышал запаха агрессии. Вообще, впечатление было такое, будто «дротика» почти не касались человеческие руки, и он в буквальном смысле свалился с неба. Как долго держал это орудие при себе глупый пьяный пацан – между прочим, глупый ли, пьяный ли, еще предстояло уточнить, – держал прежде, чем швырнуть вдогонку

утекающей добыче? «Дротик» нес на себе лишь четкий энергетический след Григория – ведь был залит его кровью.

– Гриша, я понял задачу. Мне нужно провести исследование ... в лабораторных условиях, – произнес Ярослав, с непривычной тщательностью подбирая слова. – Можно я возьму это с собой?

Григорий помедлил. Ответил напряженно:

– Да. Да, конечно, бери.

Было видно, что решение далось ему с трудом. Ярослав тепло улыбнулся, глядя другу в глаза:

– Спасибо за доверие!

– О чем ты говоришь, Ясь? – отвечал Матвеев светским тоном. – Конечно, я тебе доверяю. Ты только отпечатки пальцев не сотри. И мою кровь. – Он наконец тоже улыбнулся.

Перед уходом Ярослав тщательно проделал все необходимое, чтобы защитить квартиру и ее хозяина от злоумышленников. Даже нарисовал в некоторых местах охранные руны, к чему прибегал только в особо тяжелых случаях. Однако в процессе работы Ярослав никак не мог почувствовать ни отдаленного присутствия, ни коварных намерений тех сил, что предприняли атаку на Григория прошлой ночью. Этот факт тревожил: неужели противник столь мощен и виртуозен, что Ярослав не в состоянии распознать даже следов его присутствия?! Подумал: не позвать ли Григория к себе – пожить, пока ситуация не прояснится. Но враг, если таковой существует, вчера потерпел неудачу и в ближайшие несколько дней не рискнет повторить налет. За это время Ярослав должен разобраться в происходящем!

Уходя, он поинтересовался у Григория:

– Тебе кто-нибудь поможет по хозяйству?

– Мне ничего не нужно.

– А готовить?

– Я справлюсь! – произнес Матвеев с киношным пафосом и добавил «под Ильича»: – Вы, батенька, полуфабрикатов мне заготовили на десять лет вперед. Я непременно справлюсь!

На том и распрощались. Ярослав подивился поначалу, что Гриша определенно не желает привлекать на помощь свою девушку. Потом решил, что не в характере Григория предстать перед молодой особой женского пола слабым, беспомощным, короче – уязвимым... Стало грустно.

Расстались тепло, с взаимными изъявлениями благодарности и добрыми пожеланиями. Печаль не отпускала: Ярославу остро захотелось, чтобы сейчас было лето, маленький лесистый необитаемый остров посреди рукотворного моря, плеск воды у забытого удилища, жар костра, Настька, сосредоточенно помешивающая в котелке уху, и чтобы дядя Гриша, настраивая гитару, подбадривал ее возгласами вроде: «Работай, старайся! У нас на корабле пассажиров нет! Все – члены команды!» А потом громко, со звенящим водным резонансом запел бы что-то из Пресли или Вертинского.

«Так и будет!» – решил Ярослав, садясь в машину. «Адын, савсэм адын!» – охарактеризовал фразой из старого анекдота не то положение Григория, не то свое – и развеселился.

Закрывая дверь за Ярославом, Григорий услышал звонок городского телефона. Боясь делать резкие движения, медленно направился в кухню. Если и не успеет – не страшно: всегда сможет перезвонить сам. Он и впрямь опоздал: призывные трели телефона смолкли. Однако номер не определился: должно быть, набирали с сотового. Ну и ладно, главное, что это не родители: те, разумеется, звонили бы с городского и, зная о происшедшем, сразу разволновались бы: как там сын, почему не подходит. Григорий поморщился, размышляя о том, что надо звонить родителям, отвечать на бестолковые взволнованные вопросы матери и

бороться с ее паническими комментариями в духе «Московского комсомольца». В это время подал голос мобильник. Не зарегистрированный в списке и незнакомый номер. Любопытно, кто бы это? Григорий принял вызов.

– Але!.. Слушаю вас!.. Говорите, вас слушают!..

Он бодро выкрикивал в трубку стандартные фразы. Подобные ситуации всегда наполняли его азартом: кто там прорежется наконец в невидимой дали и с чем пожаловал? Однако на сей раз его любопытству не суждено было получить удовлетворение: запиликал отбой.

Резкий звук болезненно отдался в раненой голове. Григорий похолодел. Что за таинственные звонки с утра пораньше? Кто-то проверяет, жив ли он, дома ли он? Страх сковал ладони. Он едва разжал пальцы, чтобы выпустить из них телефон, который со стуком опустился на деревянную столешницу.

Григорий нахмурился и зло сжал губы. Привет от «Московского комсомольца»! Со вчерашнего для его трясет из-за обыкновенной уличной драки!

Ясь обещал, что все будет в порядке... А можно ли доверять Ярославу? Он – хороший, добрый и порядочный мальчик. Но какой он специалист? Ясь молод, у него бездна амбиций и нет высшего образования, у него ветер в голове, он прежде носился с такими завиральными идеями... В чем состоит его метод? Если Ясь дурит людей, то обманывает и самого себя... Глупости! Григорий слышал такие хвалебные отзывы о работе парня из самых независимых источников, от скептиков, от профессионалов в области охраны!..

На душе немного полегчало.

Не мужское это дело – жить и бояться!

* * *

Марина влетела в аудиторию за минуту до звонка. Вера совсем не ожидала вновь увидеть ее так скоро! Добродушно сыронизировала:

– Ковалева, вот и ты! Сколько лет, сколько зим!

Подружка смотрела без улыбки. Лицо бледное и встревоженное, взгляд жесткий, требовательный. «Ну и характер! – в который раз подумала Вера. – Если не заставит сделать по-своему, так убьет!» Подумала отвлеченно: о ком-то другом – не о себе. Сама Вера ковалевских сверкающих глаз не боялась: чувствовала, что находится в другой весовой категории – возраст, жизненный опыт, семейное положение. Делить им нечего! Она скорее сочувствовала Маринке: плохо женщине жить с таким характером, не полезно!

– Что случилось, Мариш?

– Мне опять эсэмэска пришла!

Вера, уже настроившаяся на лекцию, а потому острая и ироничная, в последний момент прикусила язык, чтобы не спросить: «Неужели? Это такая редкость?»

– Анонимная? С угрозами?

– Вот, почитай!

Марина протянула ей простенький серебристый «слайдер». Вера взяла в руки телефон, прищурилась, чтобы разобрать мелкие буквы: «Весна. Твой сон хрупок, не так ли? Знаешь, что и тебе не избежать жестокой раны! Тебе чего-то не хватало? Жди! Скоро мало не покажется!»

У Веры холодок пробежал по спине. Мелькнула трусливая мысль: «Надо бы держаться от Ковалевой подальше: еще неизвестно, чем отприкошетит дружба с этой девушкой и близкое знакомство с ее маленькими секретами!» Тут же и устыдилась, и успокоила себя: «Мало ли кто с кем дружит! Не угадаешь, не рассчитаешь, не убережешься!» Одного только слишком тесного знакомства с таинственным Ярославом было достаточно, чтобы жить в постоянном страхе за свою безопасность! В любом случае Вера совершенно не представляла, как прокомментировать происходящее. Произнесла задумчиво единственное, что пришло в голову:

– Больше похоже на предупреждение, чем на угрозу...
– Не знаю, – тревожно отозвалась Марина. – Я была уверена, что со старичком приключилась простая неприятная случайность. А теперь...

Оглушительно зазвенел звонок.

– ... Я ума не приложу, что и думать! – договорила Марина и торопливо добавила: – Все, Верочка, извини, что опять тебя тереблю своими проблемами. У тебя уже лекция. Я побежала!

– Постой! Видишь, они еще несколько минут будут собираться. Скажи мне, это которая по счету?

– Эсэмэска? По-моему, пятая. Или четвертая. Я не помню точно. Надо посчитать.

– Когда началось? Когда ты получила первую?

– Прошлой весной. Год назад. По-моему, примерно в такое же время. Потом осенью. Лето я жила спокойно, забыла обо всем...

– У кукукнутых обострение бывает весной и осенью. Вот, опять весна.

– Да, но еще одна пришла перед Новым годом.

Студенты шумно рассаживались: гремели стульями, шуршали пакетами, грохали о стол толстыми тетрадями в твердых переплетах. Девушка, воровато косясь в сторону кафедры, разворачивала фольгу и громко ломала шоколадку. На все аудиторию распространился запах растворимого кофе: кто-то держал под столом пластиковый стаканчик из автомата.

Простая и светлая мысль озарила Веру.

– Ковалева, ты их сохранила?

– Не все. Только предыдущую. И вот эту сохранию. А те... Мне было так неприятно, что я их стирала.

– А не обратила ли ты внимания, может быть, приход эсэмэсок как-то связан по времени с нашими посиделками?

Марина удивленно подняла брови.

– Не знаю. Летом вовсе не было. А в остальных случаях... Надо вспомнить! Спасибо, Верочка! Побегу, а то меня уже совесть мучает, что ты из-за моих проблем лекцию вовремя не начнешь!

– Не забудь сообщить мне о результатах своих размышлений! – улыбнулась Вера.

– Огромное спасибо еще раз! Ты меня привела в чувство! Пока, Верочка!

«Интересно, – соображала Вера, раскладывая на кафедре затрепанные листочки с текстом лекции, который она воспроизводила уже пятнадцать лет. Давно пора бы обновить лекции или хоть распечатать по новой листочки, но к первому не было стимула, а до второго руки не доходили. – Интересно, почему из всех участниц посиделок только Марина получает анонимки неприятного содержания?» Вера, сделав вид, что поворачивается к доске, трижды плюнула через левое плечо и постучала по деревянному коробу кафедры. «Впрочем, если другие не жалуются, это не означает, что они ничего не получали. Надо будет позвонить остальным, спросить».

– Здравствуйте, рада всех видеть! Мне приятно, что вы пришли в такое трудное для занятий послеобеденное время! Надеюсь, что вас вдохновит сегодняшняя тема: «Физиология сексуального развития».

Студенты обрадовались, оживились. Обрадовалась и сама преподавательница. Она-то, автоматически вытащив из папки листочки, на которых лежала закладка, и не заметила, что достала свой любимый материал! Он выигрышный, молодежь всегда принимает его на ура. Вера расслабилась и непринужденно погрузилась в пучину, имя которой «аудиторная работа».

* * *

Покидая дом Матвеева, Ярослав задержался в подъезде, точнее, в тамбуре между двумя входными дверями. Надежно укрытый от посторонних глаз, он поднял обе руки и возвел

энергетическую защитную мембрану. Тонкая энергия текла легко и мощно. В темноте – лампочка здесь не горела – он почти реально увидел золотистое свечение. Для верности повторил про себя: «На эфирном уровне...» Густое, тяжелое, однотонное свечение. «На астральном...» Золотистый свет становится будто сотканным из тонких нитей. Они разного качества, разной толщины, разных оттенков. Они сплетаются в сложный и четкий узор. «На ментальном...» Ментальная энергия – очень светлая, беловатая, будто выплывшие от зноя полуденные лучи. Ее нити так тонки, что не разглядеть ни узора, ни структуры их переплетения. Похоже на вуаль, невестину фату... Ярослав скоро почувствовал, что защитный занавес насытился энергией до предела. Еще находясь в квартире Григория, он проделал то же самое со стенами, полом, потолком, окнами. Сделано все, что возможно! Он ещё любил выдать клиенту предметы уровня примитивной деревенской магии – вроде четверговой соли или заряженной водички, чтобы самостоятельно ими пользовался, включился в процесс самозащиты. С Гришей такой метод не подходит.

Все. Он вышел на крыльцо. Яркое солнце еще не коснулось этого укромного уголка двора. Ярослав поспешил покинуть холодную, тяжелую тень восьмиэтажного дома. С наслаждением пожурился в солнечных лучах. Неожиданно подумал, что если весна и дальше будет такой дружной, то можно будет выпустить на участок Скинхеда: пусть голое мерзлявое животное тоже погрееется на солнышке и пощиплет зеленой травки!

Открывая дверцу машины, Ярослав поднял глаза на уровень седьмого этажа. В детстве мама, если не была в смене, обязательно смотрела в окно, провожая его в школу. Привычка отыскивать взглядом знакомые окна почему-то сохранилась на всю жизнь. На сей раз холодно блеснули пустые стекла. Григорий ненавидел всяческие шторы и занавески, поэтому окна его жилища, в отличие от других, не пестрели нарядно, а угрюмо смотрели темными провалами.

«Блин, надо ему повесить тюль и плотные шторы, да поскорее, как бы ни брыкался! – подумал Ярослав. – И предупредить, чтобы не подходил... Бред! Полная глупость! Угловой корпус так близко: крыша, окна квартир. Если этим путем до сих пор никто не воспользовался... Не то я делаю. Все не то!.. Примитивной угрозы Гришиной жизни не существует. Нет ни снайперов с винтовками, ни наблюдателей с биноклями. Никому он на хрен не нужен – директор крошечной фирмочки, в которой весь персонал – четыре человека. Да он зарабатывает столько, что до сих пор снимает вместо дачи деревянную хибару без удобств и ездит на машине, которой лет десять...»

Определенные накопления у Матвеева, конечно, были, и Ярослав об этом знал. Накоплений этих хватило бы на покупку роскошной квартиры в элитном доме, нормальной дачи, престижного авто – если бы не Гришин консерватизм. И только. Что-то он регулярно отправляет в Австралию, детям. Ради всего этого любая секта может попытаться охмурить одинокого человека. Но при чем здесь убийство? Да еще ритуальным оружием необычайной силы? Если это оружие, конечно, а не предмет, способный оказывать, например, психотропное воздействие. Тоже, кстати, оригинальный подход: треснул по башке со всей дури – вот тебе и психотропное воздействие!

Что-то пошло не так с этим нападением: великая сила не обрушилась на Григория всей мощью, а лишь «приласкала» слегка и осталась в его руках. Натолкнулась на защиту? Разумеется: Ярослав всегда держал под защитой близких людей. Но его силы не хватило бы, если бы «дротиком» грамотно и целенаправленно воспользовались. Значит, пользовались неграмотно и бесцельно? Хотели только временно выбить из колеи, устранить от активной жизни и стукнули для этого, за неимением под рукой пустой бутылки, предметом силы?

Еще вариант. Тупые конкуренты хотели тупо попугать. Наняли не менее тупых исполнителей, у которых в руках случайно оказался магический «дротик»... Восхитительная чушь! Нет у Матвеева конкурентов. Его фирма занимает свою нишу. Без Гришиных знаний и уникального опыта в этой сфере бизнеса нечего делать... Да тут и рассуждения не нужны! Видно, слышно: в пространстве чисто, не существует никаких конкурентов! Сам Григорий на вопрос Ярослава твердо ответил, что никого конкретно не подозревает.

Ярослав вырулил со двора и остановился: прежде чем искать ближайшее отделение милиции, хотел завершить размышления.

Те элементарные соображения, которые стремительно разворачивались сейчас в его сознании, не сумели родиться вчера только по причине сильной усталости.

Итак, материальные ресурсы, которыми обладает на данный момент Матвеев, могут заинтересовать лишь примитивных бандитов и аферистов. А примитивных Ярослав давно бы заметил, считал и раскусил. Если уличная драка с применением уникального предмета силы не была все-таки удивительной случайностью, то за ней стоят персонажи, которые по силе равны Ярославу или превосходят его. Следовательно, и ставка в игре куда более высока, чем можно предположить, подсчитывая матвеевские доходы.

Покрутив с разных сторон тему матвеевского бизнеса, Ярослав не почувствовал интуитивного отклика. Личные дела и связи? В пространстве слабо затеплилась некая широкая и весьма размытая область.

«А может, это женская месть?!» – вдруг родилось романтическое предположение. Ярослав не успел усмехнуться: в пространстве вновь потеплело! Он рванулся уточнять – снова глухо, как в вату, стали падать его вопросы, почти не вызывая ответных колебаний. «Это сделала женщина?» Тишина, похожая на «вряд ли». «Это связано с женщиной?» – «В некоторой степени». «Попытка мести?» – «В некотором роде. Не совсем». «Месть покинутой женщины?» – «Нет». «Неудачливого соперника?» Стало совсем холодно. Пустота. У Ярослава больше не складывалось вопросов; пространство лежало перед ним открытое, гулкое, холодное и не торопилось на халяву сыпать ему на голову небесную манну ответов.

Ярослав ввел в электронный навигатор наименование своей ближайшей цели.

В отделение милиции, где пока держали двоих молодых людей, учинивших ночью злостное хулиганство с попыткой грабежа и телесными повреждениями, Ярослав явился как доверенное лицо Матвеева. Его оставили наедине с задержанными. Мальчишки были напуганы. В похмельных головах крутились нехитрые соображения: какие статьи впают и сколько дадут? Хоть бы только крендель, которого они треснули по башке, остался жив и здоров, чтоб его черти побрали! И ни малейшего намека на высокие, тайные мотивы вчерашнего нападения. Может, некто использовал парней помимо их воли и сознания?

Ярослав поднял ладони. Ровный, мягкий, как утренний туман, поток холодной белой энергии окутал обоих юнцов, легко проникая внутрь совершенно беззащитных тел, нежнейшей паутиной оплетая клетки тканей, нервные окончания; заструился внутри позвоночного столба – по спинному мозгу. Бестолковые похмельные головы, истерзанные раскаянием, отчаянием и бесплодными поисками спасения, заполнились белым сиянием – будто чистая повязка укрыла гнойную рану. Глубины памяти, наглухо запечатанные для обычного, дневного сознания, распахнулись. Ярослав приступил к исследованию. То задавал вопросы, то самостоятельно включался в информационный поток.

– Владимир, как в твои руки попал вот этот предмет?

– Это кренделя... Которого мы... Он первый начал! Он сам...

Холодная волна прокатилась по телу от макушки до пяток.

– Он ударил меня этой штукой. Руку мне обжег – вот. Я бы его не выпустил!

Края прорехи на рукаве куртки были оплавлены и на коже – округлая рана! Ярослав отчетливо «видел», как тупое, страшное в своем стремительном движении орудие вспарывает рукав куртки; ладони, вцепившиеся в Григория, разжимаются, тот отпрыгивает назад, за черную завесу дождя. Внизу, на асфальте, поблескивает крупный конусообразный камень.

– Саша, посмотри на этот предмет. Ты видел его прежде?

– Да. Он падал Вовке на руку. Потом – вниз. Его никто не держал!

Приятель хватает пожилого мужчину в плаще за руку. Саша виснет на левой руке жертвы. У «кренделя» – Матвеева – растерянность на лице, потом – ожесточение. Вдруг он резко отстраняется назад. В следующий момент его белеющий в темноте кулак, который кажется огромным, летит Саше в скулу. Очень медленно рядом наклоняется Владимир.

Выпрямляется. Камень летит сквозь дождевые струи вслед растворяющейся среди них фигуре.

Получалось: камень то ли с неба свалился, то ли находился в руках Григория.

Мальчишки, между тем, продемонстрировали идеально чистое сознание, за ними никто не стоял, их поступками никто не руководил, кроме их собственного примитивного разума... Если только не существует некто, на порядок сильнее Ярослава.

Причем этот некто заранее догадался, что Матвеев обратится за помощью к специалисту такого уровня, как Ярослав, и надежно скрыл свои следы.

– Вот так и становятся параноиками, – сказал себе Ярослав.

Или, продолжал он размышлять, Гриша запросто носил с собой в кармане плаща секретное оружие, предмет силы, а пустив его в действие, затеял какую-то сложную интригу с участием младшего товарища, бесконечно ему преданного.

– Да, – подтвердил самому себе Ярослав, – так и становятся параноиками!

Со следующей частью головоломки удалось справиться на удивление легко и быстро. Несколько телефонных звонков – сначала знакомым людям, потом – незнакомым, трудная поездка по центру города, полтора часовое ожидание, приятно совмещенное с обедом в ресторане, – и он уже готов сообщить Матвееву интересные новости.

– Гриша, привет! Как самочувствие? Происшествий не было?

Ярослав завел мотор.

– Да нет... Ничего такого.

– Ты чего-то не договариваешь? Хочешь, я приеду? Помочь что-нибудь...

– У меня все есть, спасибо, Ясь! Ко мне родители сейчас приедут... – Григорий тяжело вздохнул. – Навещать. «Гриша, когда ты только остепенишься?!» – произнес строгим голосом, подражая манере своего отца.

– Ну, держись там! – посочувствовал Ярослав, трогаясь с места и выруливая в сторону Черемушек.

– «Вот видишь, – с горечью продолжил собеседник, пародируя на сей раз мелодичное контральто матери, – ты смеялся над «Московским комсомольцем», а там правильно пишут, что кругом бандиты, нельзя поздно ночью ходить по улицам»... Надо полеживать дома на диване под боком у жены, – едко добавил Матвеев, – и пить пиво!

– Угу, ты в депрессии, тебе не до моих новостей! – поддел его Ярослав.

– У тебя есть новости? Что ж ты молчал?!

– Есть отпечатки пальцев с предмета... – Ярослав чуть не сказал «предмета силы», но вовремя поправился, – которым тебя ударили. Отпечатался один из нападавших и еще некто. То есть ты. И все. Причем предварительно предмет никто не вытирал.

Ярослав колебался, сообщать ли остальное. По телефону, сейчас. Говорить ли об этом Матвееву вообще?

Камень-то не с дороги подняли. Он – сказал один из лучших экспертов Москвы – на земле вовсе не лежал. Может, с неба свалился, выпал из дождевой тучи. Или еще дальше летел. А может, и не вчера прилетел, а долго хранился в специальном месте. Да и верно ли назвать камнем то вещество, из которого состоит «дротик», правильно ли назвать этот предмет творением человеческих рук или явлением природы? Чтобы получить на такие вопросы надежный ответ, нужен очень сложный, суперсовременный прибор. У криминалистов такой есть, правда к нему очередь на несколько дней. Но кто знает, какие тайны хранит в себе вещество «дротика»?! Ярославу не хотелось светиться с ним в серьезной организации. Лучше найти аналогичный прибор в каком-нибудь мирном НИИ.

Но вот что досадно: отпечатков вообще очень мало, частично они стерты по неосторожности. Ярослав просил определить, нет ли Гришиных пальчиков, оставленных раньше, чем отпечатки Владимира. Не вышло.

– Ярослав, а причины нападения удалось прояснить?

– Гриша, похоже, что это была самая банальная попытка тебя обокрасть. Я на девяносто процентов уверен, что это так, но еще поработаю. Потерпи, ладно? У меня еще

другая работа. Ввязался уже в одно дело – не отменить! Если что – сразу звони!

«Если эта штука и впрямь падала с неба, – размышлял Ярослав, оглябая очередной колодец и направляя шины к латаному полотну Профсоюзной улицы, – почему бы Григорию не коснуться ее случайно рукой в момент падения? Это могло выглядеть так, будто он держит ее сам. Но где тогда ожоги, как у Вовки? Надо бы настроиться на ситуацию и просмотреть ее напрямую – не через чужое сознание!» Беда в том, что Ярослав чувствовал себя слишком заинтересованным в результате. В таких условиях велика вероятность ошибки!

А еще он считал абсолютно неэтичным просто взять и мысленно «прощупать» старого друга. Уже паркуясь около голубого здания, он решил: Гриша скрытен и порой делает тайну из самых банальных мелочей – просто в силу привычки. Но если задать вопрос в лоб, он никогда не выкручивается, не хитрит. Либо буркнет: «Не хочу дискутировать на эту тему!» Однако ныне не тот случай, чтобы гонор проявлять. Либо выложит все как есть... Либо Ярослав совсем не знает старого друга и... Паранойя. Тогда – паранойя!

На сей раз компания «Черемушки Неп» не устроила Ярославу торжественной встречи. Подобно любому простому смертному гражданину, которого рутинные дела влекли в недра этого скромного, но достойного представителя нефтяного бизнеса, Ярослав Полевой получил выписанный заранее на его имя временный пропуск. Разве что с особой пометкой: освободить от досмотра! Секретарша президента сообщила, что шеф, к сожалению, уехал, сегодня уже не вернется. Оставалась встреча с Царевой, но к ней Ярослав отправился не сразу. Вначале обошел оставшиеся этажи. На сей раз без свечи, рамок и прочих причиндалов: разгар рабочего дня – незачем шокировать сотрудников! Он убедился, что, помимо мощного энергетического пробоя в самом центре многоэтажного офиса, серьезных проблем в этом здании и у этой компании в целом на данный момент не существует.

Ярослав постоял перед знакомой дверью на пятом этаже, поисследовал мягкую, светлую волну, которая легко преодолевала деревянную преграду. Дырка энергетического пробоя никуда не делась, но как бы локализовалась, сконцентрировалась в пределах кабинета Ксении Царевой. Только вот разрушительный потенциал ее остался прежним.

– Гремучая смесь, Ксения Алексеевна! Вы еще опаснее, чем показались мне вчера, – строго сказал Ярослав, входя в кабинет.

Царева выглядела более свежей и спокойной, чем сутки назад. Глаза весело блеснули навстречу Ярославу. «Не испугалась, – автоматически отметил он про себя, – поняла, что шучу». Его душа рвалась открыться навстречу ласковому теплу, исходившему от этой женщины, струившемуся из ее глаз, обвивавшему легкими завихрениями все округлости ее стройной фигуры.

Ярослав придерживался строгого правила: пока работа не окончена, никаких романов с представителями клиента не заводить. Кроме того, связываться с умной и свободной женщиной детородного возраста для легких отношений он считал безответственным и просто глупым. Однако сейчас он почти готов был забыть свои золотые правила и принципы. Он даже перестал замечать, что Ксения – отнюдь не блестящая красавица.

Ксения Алексеевна поднялась, чтобы дать руку для пожатия и заварить чай. И Ярослав ясно представил, как хороша она в объятиях. В деталях и подробностях вообразил, почувствовал, как прижимает эту женщину к себе, как она легонько целует в ответ – целует куда придется – в губы, в бицепс, в широкую грудь...

– Так что за гремучая смесь, Ярослав?

Царева, склонившаяся над чайным столиком, на секунду вполоборота повернула голову к нему – метнулась копна волос с медным отливом – и вновь сверкнула улыбкой.

Ярослав резко очнулся от своих грез. Он вспомнил, что эта женщина принадлежит другому мужчине и душой, и телом. В глубине ее существа царил ледяной холод печали и отчаянной верности. Он колотл беспощадными иглами и отталкивал чужого, случайно забредшего на огонек любви.

– «Лед и пламень», – честно ответил Ярослав. – Леди, вы проковыряли в пространстве

энергетическую дыру размером с комнату, в нее давно должно было засосать вас и полцарства в придачу. Извините за каламбур! А вы при этом распространяете вокруг себя качественную позитивную энергию.

– А дыра осталась? – Ксения стала серьезной.

– Да.

– Угу. Хотите сказать, что я – великая волшебница, «Ночной дозор» отдыхает? – усмехнулась главный психолог «ЧеНепа».

– Ну, безопасности Москвы и Московской области ваши душевные порывы не угрожают. Этот особнячок вы тоже не взорвете... надеюсь!

– Особнячок? – Она прыснула, как девчонка, разбрызгивая мелкой водяной пылью горячий чай из поднесенной к губам чашки. – Значит, нет никакой гремучей смеси, – заключила с подчеркнутым разочарованием.

– Рано успокоились, леди.

Она вздернула тщательно выщипанную бровь в кокетливом удивлении. Определенно многое изменилось в облике Ксении Алексеевны за прошедшие сутки. Глаза выразительно подведены; длинные узкие серьги подчеркивают стройность обнаженной шеи; туфли так и норовят продемонстрировать тонкий каблук не менее семи сантиметров длиной. Между прочим, когда сегодня Царева поднялась ему навстречу, Ярослава неприятно царапнуло, что она оказалась ростом выше него. Вот они, каблочки!

Даже волосы лежали пышной, ровной волной, хотя вряд ли подверглись насилью укладкой. Собралась девушка! Привела себя в чувство, вот и дырка поменьше стала.

Ярослав только сейчас понял, что Ксения испытывает неловкость за вчерашние сопли и бледный вид. Одновременно она мечтала продолжить разговор на единственную интересовавшую ее тему.

А Ярослав медлил, не знал, как начать.

Неловко было вникать в очень личные подробности взаимоотношений малознакомой женщины с неизвестным ему мужчиной. Его интересовало только одно: мог ли человек, с которым общалась Ксения, вольно или невольно пробить существенную брешь в довольно хорошей, грамотно построенной защитной структуре «ЧеНепа», и если да, то как он это сделал. Если знать, как и зачем сделано, убережешь легче и прикроешь надежнее.

– Ксения, покажите мне фотографию вашего этого... неверного возлюбленного.

– Почему неверного? Он был абсолютно верен... И после довольно долго оставался один. Сейчас – не знаю... Ярослав, так получилось, что у меня нет ни одного его снимка.

Опять за ресницами блещут слезы. Что за наказание?! Ярослав, всю юность провозившись с маленькой сестрой, привык утирать девчонкам сопли. Но когда плачет взрослая женщина в макияже и на каблуках, это... Это, в конце концов, просто мешает работе!

– Незадолго до окончательной... размолвки он очень сильно меня обидел. Я в мыслях искренно с ним рассталась. Порвала. Ну и сделала символический жест. Сначала разорвала все фотографии, потом этого показалось мало – я разломала диск. Легче стало.

Ксения на некоторое время так увлеклась, что перестала плакать, но теперь губы снова задрожали.

– Было бы проще, если бы в тот момент и расстались. Я по собственной воле послала его подальше, хоть и мысленно, но это важно. Злость помогала не цепляться за него. Но он тогда сам позвонил. Не извинялся, но было понятно, что чувствует себя виноватым и хочет загладить. Он потом так трогательно просил прощения – не напрямую, а намеками, так искренне благодарил за то, что простила...

Она аккуратно прижимала платок к глазам, чтобы влага впитывалась не размывая тушь. Губы кривились, но Ксения не смущалась. Ярослав, как и вчера, подумал, что не знает способа выразить сочувствие этой женщине, поддержать ее, когда она сама так стойко держится, когда она столь сильна!

– После того случая прошло каких-нибудь три недели, и мы... окончательно... Вот

тогда уже я позволила ему навязать мне чувство вины, поверила, что сама совершила роковую ошибку. Короче, я не успела попросить его записать мне новый диск. Хотите, я вам мысленно его «покажу»?

Ярослав расплылся в довольной улыбке: приятно иметь дело с грамотным человеком!

– Давайте!.. Хм, н-да!

На таких женщины «западают» автоматически. Лет сорока – сорока пяти. На голову выше рослой Ксении, атлетические плечи с бицепсами, трицепсами и прочими полезными аксессуарами, узкий таз. Волосы темные с проседью. Глаза светлые. Лицо загорелое, мужественное, обросшее стильной трехдневной щетиной. Улыбка сверкает белизной ровных зубов. Какой-нибудь знаменитый теннисист или горнолыжник с обложки глянцевого журнала! Ярослав думал, что у Ксении более тонкий вкус!

Он описал то, что видел.

– Да, очень похоже, – подтвердила Ксения.

«Сильный маг» не прятался и не закрывался от специалиста по энергоэкологической безопасности. Напротив, показалось, будто слегка подался навстречу.

– Хороший мужик! Наш человек!

– В каком смысле «наш»?

Как объяснить? Этот человек наверняка не ударит собаку и бросится на помощь утопающему. С ним интересно бы пообщаться, и есть шанс понять друг друга. Главное, есть чувство некоей близости, понятности энергетической структуры, как бывает в родственных отношениях. Между прочим, похожее чувство родственности возникло у Ярослава и в отношении самой хозяйки кабинета – возникло, может, еще в день знакомства, но теперь было замечено им и усиливалось с каждой минутой. Есть в эзотерике особое, не биологическое, не социальное понятие рода.

«Уж не собрался ли я влюбиться? – подумал Ярослав. – Ведь хороша!» На Ксении Алексеевне лежала печать принадлежности другому мужчине. Ярослав именно так это и видел: старомодный штамп синими чернилами, вроде «завизировано» или «оприходовано», с подписью из неровных, острых, готически вытянутых букв... Такая печать взламывается за одну ночь, было бы желание обоюдным!

– Ну, так, – сказал Ярослав, не собираясь вдаваться в подробности, – хороший, открытый.

– Открытый?! – с сомнением покачала головой собеседница. – Впрочем, вы – мужчина. С вами все по-другому.

– Угу. – Ярослав кивнул не слушая.

Он считывал способности и возможности «сильного мага», как открытую книгу. Картина получалась интересная. Способностей – хоть отбавляй! Возможности, мягко говоря, посредственные. Были у мужика отличные задатки. Хочешь – лечи, хочешь – ясновидь все, что вздумается, хочешь – управляй людьми, подчиняй их своей воле сотнями, тысячами. Царственный венец – не частое явление!

– Крупным бизнесом ворочает?

– Не таким уж крупным...

Многословность главного психолога как рукой сняло: Ксения старалась не отвлекать Ярослава. Похвально. Пришлось снова признать: умная женщина!

У мужика нет энергии, чтобы обеспечить реализацию его блестящих задатков. Но он в любую минуту может собрать этой энергии сколько угодно. Стоит захотеть. У него свое дело, он явно при деньгах, значит, способен по собственной воле подключаться к ресурсу. Деньги – эквивалент силы. Как золотой запас. Есть у тебя тонкая энергия – она же сила, – деньги льются рекой. Нету, а денег хочется – вкладываешь свою жизненную силу и гробишься, подобно рабу на золотом прииске. Мужик здоров. Значит, и на поддержание формы ресурс берет. А вот магию не практикует. Это точно!

Кстати, интересно, не ворожит ли Ксения? Уж больно грамотна, когда речь заходит об эзотерических материях! Впрочем, кто в наше время неграмотен? Только ленивый и

нелюбопытный! Вот беда. Про мужчину всегда можно точно сказать: практикует или нет. А про женщину – не получится. Каждая женщина – ворожея не потенциальная, а действующая. Догадывается ли она об этом, нет ли. Такова ее анатомия, такова физиология всех ее тонких тел!

– Ксения, сами ворожите?

– Что? А! Ну, разумеется. Как любая женщина! – Царева кокетливо улыбнулась.

Ясно! Ничем специально не занимается. Мысли, по ходу дела, преспокойно читает. «Как любая женщина!» Ярослав вернулся к образу мужчины, который почти осязаемо присутствовал в комнате.

Мужик со способностями, ничего такого не практикует, но под влиянием сильных эмоций может наворотить все, что угодно, не контролируя себя. Облака разгонял? Мог. Хотел ли достаточно сильно? Вопрос!

«Ты облака разгонял, когда с Ксенией своей гулять ездил?» – мягко, предельно вежливо спросил Ярослав у мысленного образа красавца атлета. «Я не думал об этом», – неожиданно легко пришел ответ. «А неосознанно? Ты?» – «Отчасти. Они бы все равно разошлись часа через полтора. Но тогда было бы поздно». – «Понял, спасибо... А вот к этой дыре имеешь отношение?» Ярослав мысленно окинул пространство вокруг себя и Ксении, демонстрируя локальный энергетический катаклизм, внутри которого пребывал в настоящий момент. «И да и нет». – «Ты ее проделал?» – «Нет». – «А кто?» – «Не знаю. Не могу ответить. Я сам не понимаю, что это... Мне больно это видеть!.. Я пойду, ладно? Я не хочу вспоминать Ксению: мне это больно!» – «Постой! Ты сказал, что имеешь отношение к дыре. Она угрожает жизни и здоровью Ксении и многих других людей. Ее надо убрать! Помогите мне понять, как она образовалась!» – «Не могу! Не хочу! Я ничего не могу с ней сделать!»

Почувствовав резкое сопротивление, Ярослав не стал удерживать контакт силой, несмотря на то что некое очень важное озарение уже готовилось вспыхнуть в сознании. Он был уверен: озарение никуда не денется, оформится чуть позднее – и только. Главное и так ясно: напрямую от объекта информации не получить. Природу аномалии придется исследовать самому.

Ярослав вернулся к остывшему чаю и усиленно налег на печенье: обычная его реакция на работу с тонкими уровнями – зверский аппетит. Ксения заметила, что специалист по нетрадиционной безопасности вышел из транса.

– Ярослав, удалось что-то выяснить?

– Забыть вас не может, мучается бедолага! – выпалил Ярослав, затолкав за щеку печенье, и густо покраснел. Он вовсе не собирался обсуждать с Царевой чувства ее избранника, тем более в таком небрежном тоне!

– И что же ему мешает вернуть меня, отношения? – усмехнулась собеседница с едкой горечью.

Ярослав совсем смутился:

– Ксения, извините, меня это не... я не выяснял.

– Жаль! Разбредили вы мне душу своим сообщением!

Ярослав сконфуженно жевал. Ксения опустила глаза и добавила шепотом, как бы позволяя собеседнику услышать собственные мысли:

– Не думала, что он тоже страдает!.. Его выбор, его зона активности. Как быть? Не хочу, чтоб ему было плохо. Ярослав! – добавила Царева громко, с нарочитой небрежностью. – Вы уж в следующий раз, если будете устраивать с ним сеанс связи, спросите, что я должна сделать, чтобы помочь ему поверить мне.

У женщины снова задрожали губы, и Ярослав обреченно подумал, что если однажды встретит ее на улице веселой и незареванной, то вряд ли узнает. Мгновение он размышлял, прилично ли в такой обстановке продолжать жевать, и решил: Ксении будет только легче, если почти посторонний человек отнесется к ее терзаниям как к естественному фону беседы.

– Испугался он вашей силищи, вот и смылся, – сказал Ярослав, запив большим глотком чая очередное печенье. – А мог бы постараться и стать сильнее: ресурс есть. Слабанулся, не

выдержал испытания. Он не достоин вас!

Последние слова Ярослав нарочно бросил небрежно и безапелляционно. Он, правда, так думал и надеялся, что его авторитетное суждение поможет утешить Ксению Алексеевну. Лицо Царевой окаменело. Она долго размышляла, прежде чем ответить.

– Мало что можно сказать более оскорбительное женщине, чем назвать ее ребенка уродливым и глупым или ее избранника – недостойным! – И она замолчала, не имея намерения продолжать.

Ярослав от растерянности усилил нажим:

– Да что это за мужик, который столько времени болтается, как цветок в проруби, решение принять не может?!

– Не может?

Ярослав с опозданием прикусил язык. Про непринятое решение он считал, когда мысленно беседовал с возлюбленным Ксении. Но зачем же рассказывать ей об этом, зря обнадеживать?!

– Вы сами мне вчера говорили: мол, обещал подумать, стоит ли продолжать ваши отношения, да и сгинул.

– Разве я уже успела вам это рассказать? Странно!

Ярослав удивился самому себе: надо же, как точно угадал!

– Но я была уверена, что он принял решение. Просто ушел тихо, без выяснения отношений, чтобы причинить мне как можно меньше боли.

Ярослав с сомнением покачал головой, но продолжать тему не стал.

Царева вежливо поинтересовалась:

– Природу пробоя вы разгадали?

Ярослав кратко изложил то, что узнал.

– Я надеялся избежать расспросов, которые были бы для вас тягостными. Но не вышло, – подытожил он.

– Ярослав, я принесла кое-что. Не знаю, поможет ли вам это. Был момент, когда воспоминания почти задавили меня. Что бы ни происходило вокруг – проехала темно-вишневая машина, рядом упомянули знакомое имя, от прошедшего мимо мужчины повеяло знакомым одеколоном, любой шаг, любой чих, любое дуновение ветра, – все вызывало цепочки дорогих мне ассоциаций. Я каждое воспоминание прокручивала в голове миллион раз, чтобы сохранить, чтобы не утратить ни единой мельчайшей детали. Слезы – литрами, сопли – ведрами... В конце концов я буквально начала задыхаться от этих деталей, мелочей, чувств тогдашних, эмоций нынешних.

Ярослав сочувственно покивал.

– Настал момент, когда я поняла, что коллекцию воспоминаний необходимо срочно оформить и упорядочить. Я надеялась таким образом освободиться от них, чтобы начать жить с чистого листа.

– Давайте ваши записи!

Читать чужой дневник – все равно, что заглядывать в замочную скважину! Но так уж не хотелось снова любоваться, как льет слезы Царева-Несмеяна!.. У Ярослава перед глазами уже стояла толстая синяя тетрадь в клетку. После его требования она незамедлительно появилась из черной кожаной сумки владелицы. Ярослав перелистал страницы.

– Ого! Вы даете!

Тетрадь была исписана больше чем наполовину убористой скорописью. Каждый лист – с обеих сторон, и строчки – на каждой клеточке.

– Вы разберете мой почерк?

Неровные буквы, острые, летящие. Много исправлений, зачеркиваний, вставок.

– Есть люди, для которых это абсолютно не читаемо. Для других – наоборот. Любимый говорил: понятный почерк.

– Я согласен, – откликнулся Ярослав.

Сам он писал округло, убористо и очень ровно. Однако такой тип почерка, как у

Ксении, хорошо знал и читал легко.

– Если позволите, я возьму с собой. Верну. Максимум три дня. – Ксения кивнула. – Не жаль опять оставаться без своей коллекции?

– Я сделала ксерокопию. – Ксения смущенно улыбнулась. – Она местами плохо читаема, поэтому вам – оригинал.

– Какая ж вы... предусмотрительная! – удивился Ярослав.

– Зануда редкостная, – кивнула Ксения.

Тетрадь хранила тонкий запах духов, и Ярослав размышлял, не будет ли его спортивная сумка теперь напоминать дамский ридикюль.

В холле летала бабочка. Крупная экзотическая бабочка с небесно-голубыми крыльями и черным мохнатым туловищем. Она то появлялась, то исчезала среди зелени. Ярослав остановился и откровенно, как мальчишка, глазел. Бабочка, будто польщенная его вниманием, присела на огромный алый цветок китайской розы, встряхнула крылышками и замерла. «Я не ошибся! Все же тут водятся бабочки!» – похвалил себя Ярослав и мысленно воздал должное главному психологу: надо же с такой легкостью пробивать столь странные и коммерчески абсолютно бесполезные идеи! Среди листвы мелькали еще два или три пестрокрылых насекомых, но тех Ярослав не сумел толком разглядеть. Открывал дубовые двери с особой осторожностью: как бы не выпустить на волю одну из жительниц райского уголка! Между прочим, совершенно непонятно, как они, правда, все до сих пор не разлетелись!

На улице уже темнело. Ярослав с удовольствием отметил зеленоватый оттенок неба над оврагом и белыми пятиэтажками, предвещавший долгие прозрачные сумерки. Еще один признак оформляющейся, крепнущей, набирающей силу весны!

* * *

После окончания второй пары она даже чуточку задержалась: было много вопросов – и веселых, и дельных. В коридоре ее подждал Андрей. Сдержанно поздоровались. Андрей выглядел измученным. Заговорщицким полупшепотом сказал:

– Верочка, я хочу тебя проводить! Поедешь со мной?

– На машинке прокатиться? – пропела Вера, будто кошка, потягиваясь, томно мяукнула. – После четырех пар на ногах? С удовольствием! А тебе не трудно, Андрей? – добавила заботливо. – Ты выглядишь усталым. Сейчас поедешь по пробкам, намучаешься!

Они уже шагали по длинному коридору к лифтам.

– Зато подольше побуду с тобой наедине. – В ответе проректора слышалось больше искренности, чем простой галантности. – Впрочем, если бы ты согласилась поужинать со мной в каком-нибудь приятном заведении, я был бы просто счастлив, а пробки за это время станут меньше!

Вообще-то Вера планировала вернуться домой пораньше и провести вечер с мужем. Вчера совместное прошлое, которое, казалось, давно засохло и покрылось пылью, как букет безвременников, вдруг зашевелилось между ними, дохнуло свежестью словно заново рождавшихся чувств. Однако возрождение увядших чувств к родному мужу, который всегда под боком, подождет два часа, пока Веру вкусно покормит в хорошем ресторане влюбленный в нее коллега – интересный собеседник и заботливый кавалер!

Не прошло и получаса, как Вера пожалела, что поменяла свои планы. Андрей, прежде не замеченный в грехе уныния, сегодня замучил ее жалобами.

Преподаватели разболтались: не выполняют план по учебным пособиям, опаздывают, болеют и отказываются выходить на замены. Студенты совсем – ну совсем! – обленились, думать не хотят, да им и нечем, зубрить не заставишь... Вначале Вера пыталась перевести разговор в более позитивное русло и на темы, более ее интересовавшие. Но Андрей вновь сползал к наболевшему. Оставалось дать ему выговориться.

Самой большой головной болью проректора был факультет переподготовки, который

повесили на него в нагрузку и с которым он просто не знал, что делать. Оказалось, что платное дополнительное образование, дабы приносить доход, должно ориентироваться на краткосрочные курсы для домохозяек, которым хотелось бы за три недели освоить какую-нибудь модную специальность или просто развлечься, поучившись «чему-нибудь интересенькому».

– Понимаешь, Верочка, нужно что-то кассовое! И лучше эксклюзив, чтобы шли именно к нам!

Андрею с горем пополам удавалось извлечь невесть откуда уникальных специалистов в нетрадиционных областях знания. Например, одна группа с успехом занималась исследованием собственных сновидений. Другая взялась изучала основы натуральной косметологии. Вера в свободное время с удовольствием посещала и те и другие занятия. Самым прибыльным обещал стать курс Инны Троицкой. Об этой харизматичной женщине шла молва. Она десять лет изучала в Индии искусство танца и йоги, на родине добавила к древним знаниям современную медицину. Обеспеченные домохозяйки, изнуренные заботами о собственной внешности и отягощенные грузом нерешенных, даже не замеченных ими семейных проблем, толпой шли учиться искусству целительного движения и биоэнергетической защиты. Только что Андрей набрал аж две группы одновременно, да с предоплатой!

– Где ж ты ее нашел? – удивилась Вера.

– Где нашел, там и потерял, – вздохнул Андрей.

В глазах друга Вера заметила нездоровый блеск и поняла, что он добрался в своем списке неудач и трудностей до самого горестного на данный момент пункта.

– Ты, Верочка, разве Инну не знаешь? Она на факультете физкультуры числится на четверть ставки. Так, ради трудовой книжки.

– Я не знала! – воскликнула Вера.

Ковалева когда-то хвалилась, что еще в студенческие годы училась у самой Инны Троицкой, но Вере и в голову не пришло, что все это могло происходить в стенах родного института! Кроме того, Марина и Троицкая не сошлись характерами. Вышло у них нечто вроде истории косы и камня, а точнее – двух налетевших друг на друга острых кос. Так что Вера и не пыталась выяснить у Ковалевой, как связаться с Инной.

– Надо же, живая легенда! Я читала ее статьи. Послушай, но на курсы-то к ней можно как-то попасть подешевле? Со скидкой.

– Да курсы надо отменять! – воскликнул Андрей с досадой. – Инну пригласили в Германию на целый год. Едет. А у меня – дыра, которую ничем и никем не закрыть, и возврат уже оприходованных денег. Там такие суммы! Кто всю эту кашу заварил? Я! Кто все дело провалил? Тоже один я остался виноватый!

Андрей принялся дрожащими пальцами выколупывать из упаковки таблетку адефана.

«Совсем расклеился», – подумала Вера, глядя на него с брезгливым сочувствием. Этот мужчина все больше становился близок ей как друг и все меньше соответствовал ее представлениям о хорошем любовнике. Ну почему Андрей позволяет самодуру ректору отчитывать себя за возникновение неприятной ситуации, в которой вовсе не виноват?! Да еще искренне расстраивается по этому поводу! Что за мягкотелость! Ей страшно хотелось помочь доброму, но слабохарактерному Андрею!

– Если целительное движение и биоэнергетическую безопасность возьмется преподавать другой человек, это поможет сохранить аудиторию? – поинтересовалась она задумчиво.

Маринка, эсэмэска с неясной угрозой, тревога за себя, тоска по ласкам Ярослава, который за последние пару лет не инициировал ни одной встречи...

– На уровне заговоров от сглаза и порчи? Верну мужа в целостности и сохранности, отверну сопернице голову навсегда? – усмехнулся Андрей.

– Законы физики, химии в популярной форме, точные приборы, основы восточных

боевых искусств, – запальчиво перечислила Вера те крохи, которые когда-либо слышала от своего массажиста о его настоящей работе, окруженной завесой тайны. Вот бы и впрямь у него поучиться!

– Ты о чем мне сейчас говоришь? – удивился Андрей. – Ты знаешь человека, который взялся бы все это преподавать домохозяйкам?

– Знаю человека, который все это умеет, но он дорого возьмет...

– Думаешь, Инна себя дешево ценит?

Вера представила: Ярослав в этих стенах каждую неделю – было бы неплохо! А еще, глядишь, Маришкина проблема решится. Стоп!.. Молодая, уверенная в собственной неотразимости, свободная, как ветер, Ковалева обязательно пойдет на курсы. Ее так и манит мистика! И она в институте не единственная красавица... Сорокалетней Вере с богатым опытом, «Антиседином» на почетном месте в ванной, морщинками у глаз, которых уже не скрыть, – Вере нужны конкурентки?.. Казалось бы, глупости. Она не контролирует круг общения Ярослава. Однако... Пусть тот увлекается кем угодно не на ее территории, не на ее глазах!

– Нет, ерунда, Ярослав загружен работой выше головы.

– Ярослав?

– Он не согласится! Он пошлет меня подальше с таким предложением!

– Да я понял, Вер, понял! Ну что ж делать, раз этот Ярослав такой занятой, а я – невезучий!

* * *

Пестрая крапивница задела крылом автомобиль Ярослава и растворилась в сумерках. Эта, наверное, уже не из «ЧеНепа». Обыкновенная московская бабочка, проснувшаяся с весной между рамами в соседней хрущевке.

«Блин, забыл!» Он еще в прошлый раз хотел спросить Ксению, правда ли, что она всегда задерживается на работе допоздна и с чем это связано. Он, конечно, и так догадывался: знакомый старый диван, вязкая лень одинокого вечера, бесконечный телефонный треп с подругами о чем угодно – лишь бы забыть, не думать, не ждать единственного желанного звонка, выключенный пораньше мобильник – чтобы не надеяться получить эсэмэс... Короче, чем позже вернешься в этот ад, тем лучше. И все же, не помешало бы спросить. Но вот беда, забыл! В его голову слишком назойливо рвутся другие мысли...

В святая святых – рабочей сумке, под дневником брошенной женщины, благоухающим духами, на самом дне лежало загадочное орудие нападения, обладавшее немереной силой – не благой и не враждебной. Орудие, неизвестно кем и с какими целями пущенное в ход. Орудие, возможности и силу которого предстояло как-то изучить.

Рабочий день закончился. Нужно было просто предложить подвезти Ксению. Во-первых, этого требовала элементарная вежливость. Женщинам это всегда приятно, независимо от характера отношений! Во-вторых, как раз и расспросил бы... В-третьих! Понаблюдав бы, что будет с энергетической пробоиной: вдруг она потащится за Ксенией, а не останется на территории офиса? Как в этом случае поведет себя: уменьшится или, напротив, расширит свои границы, станет более или менее агрессивной.

Ярослав размышлял, картинно опираясь локтем о крышу собственной машины. Можно дожидаться Ксению Алексеевну здесь! Любой благовидный предлог, почему задержался – и предложение подвезти. Пригласить в ресторан – чисто по-деловому...

Ярослав распахнул дверцу и плюхнулся на сиденье. «Так и сделаем!» Поставил диск с нежной релаксационной музыкой, расслабившись, настроился на режим отдыха: очищение, гармонизация души и тела, восстановление сил. Одновременно он лениво поглядывал на вход в грациозное здание компании «Черемушки-Нефтепроект». Тяжелые двери то и дело открывались, выпуская усталых сотрудников. Холл был мягко освещен изнутри, а снаружи,

как ни странно, фонари отсутствовали. Ни дать ни взять подъезд НИИ советской эпохи! Ярославу приходилось напряженно вглядываться, чтобы различить против света знакомые черты. Впрочем, он чувствовал, что Ксения пока не покинула рабочего места. Чтобы четче видеть, опустил оконное стекло.

Странная уличная сценка привлекла его внимание. Мальчик лет десяти с загорелой не по сезону кожей и льняными волосами бегал взад-вперед, пытаясь запустить воздушного змея. Его окружила целая стайка детей, явно происходивших то ли из ближнего, то ли из дальнего зарубежья. Все дети были очень смуглыми, темноглазыми и черноволосыми. По-арабски удлинённые черты лица. Красивые, но чумазные мордашки. Скорее, нежели черты лица, бросалась в глаза одежда. Если светловолосый мальчик был одет в ковбойку с закатанными рукавчиками и узкие штаны чуть ниже колена, то его товарищи по игре носили прямые длинные рубахи – в основе своей белые, а ныне – серо-буро-замызганные. Ни брюк, ни шорт под рубахами не просматривалось. Дети бегали босиком.

Как ни дергал светловолосый мальчишка своего змея, как ни подбрасывал его вверх, расписной хвостатый лоскут отказывался подниматься ввысь.

Смуглым зрителям в конце концов надоели бесплодные метания счастливого обладателя воздушного змея. Они, бурно жестикулируя, обсудили что-то между собой и снялись с места. Прокричали мальчишке слова вполне дружелюбного прощания. Тот огорченно махнул рукой им в ответ, еще немного потеревил своего змея и растерянно остановился спиной к Ярославу, сжимая игрушку в опущенной руке и свесив голову.

Ярославу нестерпимо захотелось самому попробовать запустить змея! Он взялся за ручку дверцы, но в этот момент услышал, как мальчика окликнули. Тот вздрогнул и повернулся на голос. Тут только Ярослав заметил, что слева от пацана, у расстеленного прямо на земле покрывала, с какой-то мелочовкой на продажу сидит женщина в просторном черном одеянии, подогнув под себя ноги. Лицо женщины было почти полностью замотано черным платком. Так повязывают платок в странах мусульманского Востока: одни глаза сверкают из щели, да виднеется благородная горбинка тонкого носа. Ярослав удивился: в таком одеянии выйти на московскую улицу – до первого же милицейского патруля! Но женщина излучала спокойствие. Не видя лица, Ярослав точно знал, что она уже не молода. Она обладала низким, надтреснутым голосом.

– Белый господин не захотел показывать своим недостойным товарищам, как летает его рукотворная птица?

– Не получилось! Раньше змея запускал папа. Я только смотрел. Хотел сам попробовать – вот видите, не сумел!

Собеседники находились так близко, что Ярослав ясно различал приглушенные уличным шумом реплики.

Женщина гортанно рассмеялась:

– Белый господин так весело шутит!

– Я не шучу. – Мальчик пожал плечами.

Женщина перестала смеяться:

– Правда, мой господин?

– Я правда не знаю, как запустить этого дурацкого змея!

Женщина подалась вперед, вцепившись взглядом в лицо мальчишки. Она молчала. Мальчик переминался с ноги на ногу.

– Господин еще не знает своей силы... Мой белый господин может много такого, чего бедная женщина не в силах и вообразить своим скудным разумом! Мой долг – показать белому господину его силу!

Мальчик вновь повел плечами – будто поежился.

– Скажи, мой сладкий, ты хочешь, чтобы твоя птица полетела?

Мальчик кивнул.

– Нужно произнести это громко, будто ты командуешь войском!

– Я хочу, чтобы змей полетел!

– Дерзко прошу господина: поверь бедной женщине! Первый и последний раз в жизни – поверь! Ты можешь заставить свою птицу лететь! Это так же просто для тебя, как для меня – заставить лететь эти песчинки!

Она опустила руку, зачерпнула горстью сероватый песок, подбросила верх. Песчинки вперемешку с пылью покрыли ее одежду.

Мальчик вспомнил руки отца, расправляющие змея, разматывающие его длинную веревку. Он четко представил, как отец держит маленькое цветастое полотнище, как ведет веревку...

– Я могу заставить змея лететь! – произнес он звенящим голосом.

– Воля моя тверда! – подсказала женщина следующую реплику.

– Воля моя тверда, – повторил мальчик.

Поднял игрушку, побежал вперед. Внезапный порыв ветра взметнул песок с земли, песчинки с тихим шорохом посыпались на корпус машины и – сквозь приоткрытое стекло – в салон.

Мгновение спустя змей трепыхался высоко в безоблачном небе. Мальчик заливисто смеялся, уверенно поводя веревкой то в одну, то в другую сторону.

«Странно, почему солнце светит так ярко? – подумал Ярослав. – Ведь уже вечер!»

Мальчишка самозабвенно шлепал босыми ступнями по горячему песку.

– Скажите, а долго еще ждать автобуса? – спросил он свою вдохновительницу. – А то я уже давно из дому ушел, мама, наверное, меня ищет!

– Зачем же моему господину ждать? Господин просто должен повелеть автобусу прийти! Помнишь волшебные слова: «Хочу и могу, воля моя тверда!»

Мальчик вспомнил, как однажды в его присутствии дедушка – заместитель министра – вызывал по телефону машину с личным шофером.

– Хочу, чтобы немедленно пришел автобус! – произнес с горделивой властью. – Хочу и могу.

Он мотнул головой – будто послал подчиненного со всех ног выполнять поручение.

– Воля моя тверда!

Последнюю фразу мальчишка произнес по-русски, и Ярослав сообразил, что до сего момента звучала арабская речь! Весьма примитивная – как раз на том уровне, на котором он понимал!

Справа, у самого горизонта за клубилась пыль. По дороге неслись, дребезжа и подскакивая на кочках, раздолбанный рейсовый автобус архаичного вида.

«Дорога узкая! Если эта колымага не затормозит, то вмажется мне в крыло!» – подумал Ярослав.

Он схватился за ключ зажигания, чтобы завести мотор и отъехать на тротуар.

«Какой тут тротуар?!» – изумленно подумал, глядя на узкую полосу припорошенного песком асфальта, зажатую между двух выцветших полотнищ песка и сухой травы. Автобус вдалеке тащил за собой маленькую песчаную бурю, а прямо перед капотом ярославова автомобиля дрожал знойным маревом раскаленный воздух. Женщина у дороги рассмеялась. За ее спиной, в отдалении беловато-желтоватое резко сменялось широкой полосой морской синевы. «Откуда солнце, песок и море?!» – подумал Ярослав, безуспешно крутя ключом: мотор не заводился.

Наконец до него окончательно дошло, что он находится внутри необычайно выразительной галлюцинации. Как выбраться на поверхность нормального дневного сознания, он даже отдаленно не представлял!

Он оставил в покое брелок и ключ зажигания. Попробовал взглянуть сквозь знойное марево в белый воздух над желтой пустыней. Где-то тут должно стоять здание компании «ЧеНеп», вот тут, прямо перед глазами должен обнаружиться ее, по воле дизайнера, плохо освещенный подъезд! Ничего похожего на московскую улицу не проглядывало. Зато автобус рассосался в пыльной дали вместе с радостно загружившимся в него мальчиком. Женщины с дешевыми сувенирами тоже простыл след. Остались желтый песок и драный асфальт под

голубым небом.

«Неужели Ксения подмешала наркотик в чай? Зачем? Чтобы я ее не провожал? Чтобы врезался в фонарный столбик? Как я мог не заметить опасности? Надо вычистить организм. Надо усилить поток!» Наконец Ярослав ухватился за вполне здравую идею! Поток энергии невозможно подделать, сочинить, нагаллюцинировать. Если он идет, то в любом состоянии сознания воспринимается одинаково. Наркотики, снимая блоки сознания, иной раз открывают ему путь... Но чаще, напротив, погружают в черную бессветную бездну.

Поток энергии лился через макушку, вдоль позвоночного столба, по рукам и ногам – чистый, сильный – как обычно. Ярослав не обнаружил в теле присутствия каких-либо психотропных веществ. Огляделся по сторонам. На пустыню спускались синие сумерки. Сквозь них засветились уличные фонари.

В ватную тишину врезался звонкий петушиный крик. Второй. Третий. Ярослав увидел здание «ЧеНепа», прохожих на тротуаре, троллейбус с освещенными окнами и понял, что звонит его мобильный телефон. Надо обязательно ответить: зацепиться за реальность, пока есть такая возможность!

Незнакомый номер. Мужчина, с добрыми намерениями, почти друг.

– Слушаю!

– Ярослав, я много помогал тебе в свое время?

– Андрей Васильевич, ты? Здорово!

– Привет! Ну так как, поможешь ты мне теперь?

– Что у тебя?

– Я тут... проректорствую...

– Уже проректор?! – Ярослав изо всех сил старался удерживать нить беседы. Он поднял оконное стекло и включил на полную мощность кондиционер, чтобы избавиться от ощущения палящего зноя. – Рад за тебя!

– Спасибо, конечно... Кроме того, я за факультет переподготовки отвечаю. Коммерческий. Тот еще геморрой! Там хорошие деньги! Богатенькие идут учиться... Ярослав, у меня курс горит: группа набрана – преподавателя нет. Проведи занятия по биоэнергетической безопасности! Институт хорошо заплатит!

– Сколько? – задал Ярослав вопрос, который его ни капельки не интересовал.

Лишь бы поддержать разговор, лишь бы слышать в трубке живой голос реально существующего человека!

– Ты без степени? Триста за час – легко!

Ярослав промолчал: Андрей явно вынул не все козыри из рукава!

– Если часть народу не разбежится после Инкиного ухода... Короче, не меньше двадцати человек группа – сделаем пятьсот в час! Я думаю, ректор мне не откажет! – с гордостью добавил старинный приятель.

– Андрей, – Ярослав скучиво вздохнул, – ты не представляешь, как я занят! Я в командировках все время. Там... другие заработки!

– Я понимаю все, – сообщил Андрей упавшим голосом. – Надеялся, что ты мне просто по дружбе поможешь, – продолжал старый приятель. – Плохи мои дела, не справляюсь с этой коммерцией, будь она неладна!.. Да и курс мог получиться очень увлекательный. Я бы сам поучился! Такие уникальные знания, как у тебя, – их же надо кому-то передавать, делиться!

У Ярослава кольнуло где-то в виске: «Надо делиться!» Нечто до боли знакомое, нечто имеющее отношение к нему, Ярославу, лично.

Они никогда не считали себя близкими друзьями. Издавна контактировали по делу.

Около полутора десятков лет назад Андрей Васильевич Дружинин преподавал в том же самом педагогическом, который тогда еще не назывался академией, и активно собирал материал для докторской диссертации. В вузы допускали вольнослушателей: вахтер крайне редко требовал предъявить студенческий билет. Ярослав Полевой из принципа учился только тому, что желал знать и уметь. В зависимости от графика работы, ходил на лекции то

в один из педов, то в МГУ, даже в Керосинку Матвеев пристраивал его по знакомству на лабораторные занятия. Ярослава интересовали естественно-научные и некоторые прикладные дисциплины.

Дружинин, блестящий лектор, иллюстрировал сухой теоретический материал историями научных поисков и открытий, в том числе собственных. Молодой биофизик занимался изучением «резонансно-полевого типа взаимодействия» и разработкой хитроумного прибора для улавливания и анализа «тонких» энергий. Идея была уже не оригинальной, но еще модной. После лекции Ярослав подошел к Андрею Васильевичу и предложил себя в качестве добровольного помощника: лаборанта или подопытного.

Дружинин сухо осведомился:

– Экстрасенс?

Вся страна была помешана на экстрасенсорике и «парапсихологии».

Ярослав смутился и не смог скрыть:

– Я хочу научиться!.. Но пока не выбрал у кого, – добавил уверенней. – Все должно быть серьезно. – Дружинин одобрительно кивнул. – А к вам я...

– В добровольные «кролики»? – вдруг весело воскликнул Андрей Васильевич. – Кому ж они не нужны?! Приходите!

Подопытным Ярославу пришлось пробыть совсем недолго. Чувствительные, тонкие приборы в его присутствии сначала зашкалило, а потом они совсем сломались. Дружинин отнесся к досадному происшествию с неописуемым восторгом. Человека с таким удивительным энергетическим потенциалом он еще не встречал!

– Знаете, Ярослав, – сказал он убежденно, – вся эта ерунда: техника, формулы – для тех, кому от природы мало дано, а хочется прикоснуться к чудесному. Не тратьте времени попусту! Развивайте свой дар!

Он был знаком со многими уважаемыми в области эзотерики людьми и направил Ярослава к действительно хорошим учителям. Андрей неизменно относился к занятиям Ярослава с искренним уважением, порой консультировал, когда тому не хватало знаний.

Ввязываться в какую-то дешевую аферу с курсами переподготовки не хотелось. Но отказывать Андрею – тем более. Кроме того...

– Андрей, услуга за услугу, пойдет?

– Чем я могу тебе помочь?

Ярослав мысленно протянул сквозь пространство гибкую золотистую трубочку, представил, что все произнесенные им слова остаются внутри ее невесомых, но упругих стенок.

– Хочу проанализировать химический состав одной интересной вещи. То ли камушек, то ли железка, то ли в земле лежала, то ли с неба упала. Это возможно сделать в лабораториях твоей академии?

– Можно, но у нас старое оборудование... Я бы предложил кое-что получше! В Горном институте у меня друг. Работает на великолепном новом приборе. И сам отличный специалист: биохимик, геолог.

– Класс! Давай телефон!

– У меня с собой нет. Когда ты сможешь подъехать в институт?

«Возьмешь телефон – и сгинешь! – считал Ярослав немудреное опасение своего собеседника. – Нет уж: утром деньги – вечером стулья!» Что ж, значит, попреподаем?

– Завтра с утра пойдет?

К моменту прощания Ярослав несколько ободрился. Идея преподавания своего ремесла содержала изюминку! Пусть придут десятки учеников.

Если из них найдется хотя бы пяток человек, достаточно заинтересованных и талантливых... Да что там – хоть двое, хоть один! Постепенно сложится своя школа, своя команда! Язвы матушки-земли перестанут быть только его, Ярослава, головной болью!

Воспоминание о головной боли вызвало коротенькую, но яркую цепочку ассоциаций: целительница Люба, ее отказ помочь, ее подарочная подсказка: «Делиться надо!» Андрей

повторил ему те же слова! Люба еще сказала: «Тебя сестра просила. Недавно». Сестрица Настасья давно и безуспешно уговаривала Ярослава учить ее. Но Анастасии – юной, порывистой, горячей – точно рано! А вот всерьез заняться поиском других учеников, похоже, пришла пора! Например, Ксения – вполне подходящая кандидатура...

Ярослав вздрогнул. Тупо воззрился на ярко освещенный подъезд. Галлюцинация, потом беседа с Дружининым, размышления об учительстве... За это время Ксения могла двадцать раз продефилировать мимо него. И один раз она это сделала! Ощущение близкого присутствия Царевой исчезло. На вахте подтвердили, что Ксения Алексеевна покинула здание минут десять назад.

На улице было по-вечернему зябко, сильный ветер закачивал в город довольно чистый и очень влажный воздух. На свежееуложенном асфальте тротуара и мостовой не просматривалось ни единой кучки песка.

Ярослав вернулся в машину. Скорее домой! Для подстраховки он включил автопилот, которым ни разу не пользовался, хотя чувствовал себя таким бодрым и свежим, будто только что отлично выспался. Только голова немного кружилась: слишком сильный поток энергии проходил сквозь все его существо.

Он выбрался из сети московских улиц на кольцо. Здесь было видно, как гнутся деревья под порывами ветра. Опять, наверное, по Москве и области штормовое предупреждение! Впереди, превышая все мыслимые ограничения скорости, неся огромный КамАЗ с открытым кузовом. Оттуда непрерывно летело назад облачко песка. Песок сыпался на лобовое стекло. От греха подальше Ярослав ушел в другой ряд: вдруг в следующий момент полетят камни?! Свернул на шоссе.

И заметил движение на сиденье справа. Сердце бешено заколотилось. Ярослав повернул голову. Рядом сидела Ксения. Она была в потертых джинсах и синей рубашке с короткими рукавами и рисунком в виде оранжевых пальм. Рубашка слишком просторно облегла фигуру и была явно с чужого, причем мужского плеча. Ксения подтянула коленку к груди и, опершись о нее щекой, смотрела прямо на Ярослава. Женщина улыбалась, и в глазах ее читалась сумасшедшая нежность. Ярослав неуверенно улыбнулся в ответ. Ксения не отреагировала. Стало ясно: она смотрит не на Ярослава, а сквозь него. Ярослав застонал. Прислушался к себе и обнаружил, что поток энергии непрерывно и неуправляемо усиливается. Тогда он понял, что происходит.

Нет, это не новый глюк! Это обыкновенная астральная проекция Царевой, многократно усиленная бешеной энергией, которую не обуздать. Интересуется девушка его реакцией на свои записки, усиленно думает о нем – и все.

– Дай ты мне до дому спокойно доехать! – вслух взмолился он. – Как только приеду – начну читать!

Ксения улыбнулась и открыла дверь. «На полном ходу!» – автоматически ужаснулся Ярослав. Но за дверью обнаружился неподвижный и очень веселенький пейзаж: тихая улица дачного поселка, утопающая в зелени, зеленые же ворота деревянного забора, красная крыша небольшого деревянного дома, освещенная оранжевым вечерним солнцем. Туда и вышла Ксения, аккуратно прихлопнув за собой дверцу.

Ярославу полегчало. Скорее всего, он не безумен. Просто оказался в эпицентре не совсем понятного процесса – мистического, мощного, но не враждебного... пока.

Ветер взметнул пыльное облако и бросил прямо в лобовое стекло. Раздался характерный шорох. Ярослав понял: снова песок.

– Ничего, – пробормотал с ожесточенным азартом, – разберемся!

Он въехал на тихую, безлюдную, слабо освещенную улочку селения, которое официально до сих пор называлось деревней, фактически же давно превратилось в дачный поселок, а со временем хаотично обросло серьезными коттеджами за высокими заборами. По привычке открыл окно и слушал шорох шин по песку и камешкам. Воздух был сырым, пахло лужами от вчерашнего дождя, сладкой молодой зеленью, где-то атмосфера взорвалась резким ароматом расцветающей раньше обычного черемухи. Размеренное, неторопливое

дыхание жизни, как будто всего в каких-нибудь тридцати километрах отсюда не шумит неумолчным гулом Московская кольцевая автодорога, не бьются лихорадочным пульсом артерии изможденного вечной бессонницей, всклокоченного суетой города.

Спасибо Грише: это он когда-то помог Ярославу выбрать и купить участок земли именно здесь! У Матвеева тут прежде жили дальние родственники. Ярослав до сих пор не видел в ближнем Подмосковье поселка лучше своего – и тихого, и мирного, и зеленого! Он все звал друга в гости, но тот до сих пор не собрался приехать.

Тревога, вызванная необъяснимыми событиями последних часов, немного отступила. Ярослав прислушался к своему состоянию: голова не кружится, поток энергии пришел в норму. Он запер ворота и нырнул в салон автомобиля за сумкой. Сумка почему-то была очень теплой. Он удивился: «Что же это там греется под сиденьем? Надо завтра проверить!» Ярослав поморщился: терять время!

Принеся сумку в спальню, сразу принялся ее разбирать. Все вещи, которые там находились, в разной степени нагрелись. Например, тетрадь была не просто теплой – горячей! Так же – и лежавшая рядом с ней коробочка, в которую он положил «дротик». Ярослав досадливо прицокнул языком: перегрев предмета силы – небезопасно! Но что теперь поделаешь!

Он быстренько покормил кота, сам перекусил тем, что послал ему дружественно настроенный по отношению к хозяину холодильник, и с нетерпением взял синюю тетрадь, все еще хранившую тонкий аромат духов, но успевшую вернуть себе нормальную, комнатную температуру.

* * *

«Март. В гости к К. Коттеджный поселок, большая компания. В том числе пришли его родители – соседи К. Сам не приехал. Мама показалась слишком чопорной, строгой, какой-то далекой, а папа – чем-то недовольным. (В тетради было зачеркнуто слово «брюзгливым»). Стыдно и досадно: потом-то выяснилось, что я им сильно понравилась! Проходит несколько дней – К. говорит: ему родители меня живописали, он сказал: «А телефончик?»

Через несколько дней – незнакомый мужской голос: представился. Поняла только по имени и ситуации, так как фамилию не запомнила. Голос понравился: веселый, молодой, бодрый, любимый мною баритональный тенор. Договорились о встрече в Кунцевском парке – чтобы близко от моего дома, а ему – от работы. В какой-нибудь другой день.

Среда. Яркий, солнечный, веселый день. Его звонок; я на занятии с персоналом. Перезваниваю в перерыве. Каждый раз, когда он звонит, искренно говорю: «Рада вас слышать!» Он кажется несколько удивленным такой реакцией, польщенным. Говорю, что работаю в Черемушках. Он – радостно: «Так. Так!» Спрашивает, когда заканчиваю, никак не комментирует. Помню два таких одинаковых созвона. То ли это происходило перед двумя встречами, то ли дважды – перед первой.

Назначили встречу на углу парка, у автобусной остановки. Иду на нее из дома: отпросилась пораньше с работы, чтобы подготовиться. Рыжее кожаное полупальто, юбка, колготки, полусапожки, распущенные длинные волосы. Довольна своим видом. Вижу его еще от газетного ларька: ясно, что мужчина кого-то ждет. Не нравится: кажется, что маловат ростом; старомодный синий плащ, зонтик за спиной, тоже по-старомодному – обеими руками на поясище; седой. Выглядит старым, унылым и запыленным. Медлю: сбежать бы, да неудобно! А тут и он меня заметил. Смотрит без улыбки. Перехожу, сдержанно улыбаюсь первая. Он коротко – в ответ. Анфас он симпатичнее. Погода резко испортилась: облачность, ветер, мерзну в своем легком наряде. Кажется, впечатления на него не произвела.

Суховато расспрашивает – больше о моих занятиях, интересах, склонностях. «Ну а как с культурной сферой?» Будто я на экзамене или трудном собеседовании. О себе: был недавно в клубе Горбунова на концерте какой-то рок-группы – с товарищем: группа их молодости.

Хотел в Питер на концерт «Роллинг стоунз», но не собрался и не жалеет: там было слишком много народу (в голосе – сожаление). Имеет богатую фонотеку. Меня это удручает: музыкой не увлекаюсь, рок не люблю, сказать на эту тему нечего, да и не интересно. В детстве у него была собака, ездил с ней далеко, на окраину, на собачью площадку. Говорит с трогательной доверчивостью: «С тех пор я хочу собаку!» Но в одиночку за ней ухаживать трудно. Я: «Так тяжело, когда животные болеют и умирают!» Вяло соглашается. На вопрос о культуре начинаю что-то лепетать про театр, чувствую себя двоечницей. Он признается, что тоже редко бывает, – это приносит мне некоторое облегчение. Кунцевский – парк его детства.

Снег на дорожках весь растаял – реки! Можно пройти только по березовой аллее. Где-то, чтобы перепрыгнуть через ручей, подает мне руку. Холодная. Прикосновение есть – контакта нет. Погуляли какой-нибудь час – больше податься некуда. Провожает до подъезда. Несказанно удивляюсь: думала, еще куда-нибудь пригласит посидеть. Тем не менее чуть веселее и теплее, чем весь разговор: «Я вам еще позвоню!» Обещаю себе, что пойду на вторую встречу, хоть первая и не вдохновила.

После этого ровно две недели тишины. Мысленно ставлю на нем крест. Спокойно: не очень-то и хотелось.

Вдруг прорезался. Такой же бодрый, заинтересованный голос по телефону. По какой-то причине не выходит встретиться сразу. То ли в этот раз, то ли в следующий он говорит: «Это и к лучшему, а то я повредил ступню, хожу с палочкой». Перекачался в спортзале: дорвался! Не раз беседуем по телефону. Все дольше, но я продолжаю чувствовать себя скованно. Ровно месяц спустя – новая встреча: пригласил сходить в ресторан неподалеку от моего дома. Я такого места не знаю. Когда перезванивает, чтобы подтвердить встречу, за час до выхода, уточняю, в чем идти: прохладно, ветрено, если еще гулять, то лучше бы в джинсах. Он говорит: «Конечно, я сам в джинсах!»

Светло-голубые джинсы, синяя джинсовая рубашка заправлена в них, на шее – оранжевый платочек и оранжевые венецианские серьги в ушах. Плюс оранжевые носочки. Весенняя шутка! Довольна собой! У меня уже короткое каре, которое мне очень нравится.

На улице быстро становится ясно, что в этот раз можно было одеться и полегче: облака ушли, солнце греет, ветерок легкий, теплый. Мне даже жарковато.

Опять встреча на углу. У него светлые рыжеватые брюки. Неужели это джинсы?! Мой вид по сравнению с его слишком демократичен. Он подтянут, легок в движениях, если и прихрамывает, то почти незаметно. Цвет волос потом опять не смогу определить, но это не седина... не совсем седина... не только седина. Он определенно выше меня ростом! Стрижку мою не заметил.

Предлагает идти либо в тот ресторан, который находится в парке – его товарищ говорил, что там отличные шашлыки, либо еще в какой-то очень хороший ресторан у «Пионерской» – он сам бывал там прежде. Шашлыки в парке решительно отвергаю: страшновато! Соглашается с моими опасениями легко, но формально: по-настоящему я его не убедила.

Идем пешком до «Пионерской» и дальше. Что-то с интересом рассказывает. Уже не чопорный, потеплее, но еще очень сдержанный. Упоминает несколько раз: «мои сыновья». Думаю: разве у него не дочь – второй ребенок? Упоминает и дочь. Разве у него трое? Чую, что вопросы на эту тему не будут приветствоваться. Куда торопиться? Сам расскажет! Он – легко: «Я вам не рассказывал, что у меня есть приемный сын?» – «Нет». Бывшая жена вышла за иностранца, родила от него...

История звучала легко и непринужденно. Много позже узнала, что легкости нет и в помине. Слышала от К., что жена не просто ушла – бросила с особой жестокостью, поступила подло. В чем именно заключалось дело – К. молчит. Я сама поняла. Австралия до сих пор сильно заинтересована в молодых женщинах, тем более если те приезжают с дочерьми. У них слишком много одиноких мужчин. А в начале девяностых получить визу было так просто! И никто не стал проверять, подлинная ли подпись стоит под доверенностью, выданной отцом на своих детей.

Австралии не повезло: родился мальчик. Новый муж ушел, когда ребенку было года полтора. Отец сыном вовсе не занимается. А мальчику уже десять лет. Ему грустно: все в школе рассказывают, как проводят выходные, каникулы со своими отцами, а ему и сказать нечего. Старший сын, который большей частью и воспитывает парня, придумал: «Папа, а ты усынови его!» «Я согласился. Другие люди десятки лет бьются, чтобы хоть одного ребенка родить, а тут – готовый сын «на халяву»!» Я искренне подтвердила, что это здорово. Про себя подумала: «У него есть взрослые дети, которыми не надо заниматься, так как они живут далеко. Старость подстрахована еще и приемным сыном. Множество увлечений, удобный, комфортный быт. Ему ничего не нужно! Вряд ли он захочет менять свою жизнь».

Рассказывал про младшего: как тот в первую встречу произнес первые в своей жизни слова по-русски: «Привет, папа!» А дальше: «Пиво есть?» Это старший в шутку его подучил. Много позже узнала, какой он сам любитель шуток и розыгрышей. Как-то рассказал об одном сложном и не беззловонном розыгрыше, который он сочинил и срежиссировал. Жертвой стал коллега по работе, исполнителями – весь отдел. Жертва потом сильно обиделась, но, кажется, досталось ей поделом. Суть истории я совсем не запомнила. Поняла, что он может быть великолепным, смелым организатором, но очень жестким.

Долго искали ресторан. Ходили туда-сюда возле метро. Нашли. Закрыто-заколочено. Чувствую разочарование и легкую досаду: плохо подготовился к встрече. Виду не подаю. Говорит, что знает ресторанчик на Горбушке. Можно доехать, а можно и пешком туда дойти. Я – про себя: можно было бы и до центра доехать – с гарантией нахождения и качества!

На пути «Турист» с отделом техники. Попросил – заходим. Смотрит витрины, восхищается, что нашел какие-то блочки, которых в других местах нет или они там значительно дороже. «Я сюда вернусь, куплю». Великодушно предлагаю ему сделать это сразу. Твердо отказывается, хотя чувствую, что ему хочется. Но: «Я буду долго выбирать, хочу многое тут посмотреть, вам это не интересно, не хочу задерживать!»

Ярослав отказывался признаться самому себе, как сильно волнуется! Он крепился, когда герой Ксении рассказывал о бывшей жене и детях: мало ли случается в жизни самых удивительных совпадений? Он не решался поверить той информации, которая приходила в голову, минуя текст. Но такое знакомое словечко «блочки»!.. Он уже совершенно освоился с почерком Царевой, но страдал от принятой ею малопонятной системы сокращений. Тем не менее следующие страницы он проглатывал так торопливо, как только мог, отыскивая среди строк имя героя: назвала же она его хоть где-нибудь – по рассеянности или от избытка чувств!

«Проходим мимо пиццерии. Ему не понравилось, что зальчик маленький – на два столика. А я бы там, пожалуй, осела: уютно! Вскоре, побывав в тех краях снова – по делам, я обнаружила, что там есть второй зал – достаточно большой. Скрепя сердце делаю вид, что считаю нормальной эту прогулку. Идем к Горбушке.

Рассказывает что-то про свою няню, ее судьбу, сложные семейные отношения. Была старушка-соседка, которая за ним присматривала, и была еще няня. Одна из них была добрая, а другая наговаривала на него. Трогательно, что он рассказывает о детстве, но сложно уследить за повествованием. Боялась спугнуть наводящими вопросами. Как впоследствии выяснилось, здесь интуиция меня не подвела: не любит расспросов и не поощряет! Ничего толком не запомнила. Много позже осознала: он частенько непонятно говорит – разборчиво, но со множеством недомолвок, в которых безнадежно теряется смысл.

Он сообщает, что на Смоленской есть болгарский ресторан. В следующий раз можно будет пойти. Я – с энтузиазмом: «Интересно, люблю пробовать национальную кухню разных народов!» Про себя: почему бы не доехать до Смоленки сейчас? Так я этого и не поняла. Может, ему трудно было перестроиться на другой план действий, а может, мои слишком демократичные джинсы были тому виной.

На Горбушке не оказалось того ресторана, на который он рассчитывал. К счастью, нашли другой. Громкая музыка, вид вниз на торговый ряд. Осели. Впервые в жизни ела бифштекс с кровью, доверившись его мнению, что это безопасно! Правда, не вкусно. Здесь

разговор пошел уже свободнее, оживленнее. О чем?..

Еще по дороге он рассказывал, что дома есть несколько растений. В том числе китайская роза. Ухаживая за ними, он взял на вооружение то ли анекдот, то ли воспользовался советом приятеля. Тот, когда жена уезжает, чтобы не сгубить растения, забывая их поливать, всю зелень убирает в подвал, в темноту. Он на лето переставляет свои растения в самый темный угол самой темной комнаты, чтобы меньше пили жидкости. Для розана скоро как раз наступит пора перестановки. Я подумала, что это хорошая идея, хотя растению от такой жизни нет радости. Было приятно, что он держит цветы!

Вышли из ресторана рано: еще солнце вовсю, часов 7–8 – не больше. А он уже провожает меня домой. Солнце слепит глаза. Он надевает роскошные темные очки (узкие, почти черные, выгнутые). Сам не догадывается мне предложить. Но я демонстративно жалуюсь. Он сразу понял и исправился. Надела и шла в них, борясь с чувством неловкости: ему-то теперь трудно, а он не сам дал – я почти выцганила. Будет еще обо мне думать плохо. Между прочим, это была первая его вещь, которую я надела на себя!

Проводил до дома. И опять – изредка телефонные звонки.

Беседы по телефону дольше, но по-прежнему чувствую некоторую натянутость. Однако с удовольствием думаю, что он не отказывается от общения. Явно он долго раскачивается, следовательно, к осени мне обеспечен свежий ухажер с походами изредка в ресторан. Неплохо, чтобы развеять осеннюю тоску! Продолжаю гадать, как же выглядит и говорит мой настоящий суженый.

Все что-то мешает нам встретиться. Он не проговаривает. Просто спрашивает о моих планах и никуда не приглашает, и не объясняет своих дел».

– Ничего не понимаю, – пробормотал Ярослав, отрываясь от чтения, – где же неземная любовь?

Рукопись погрузила его в мир холодного, беспристрастного анализа. Ксения препарировала события и чувства с неторопливой тщательностью патологоанатома. Препарировать труп погибшей любви... Это уже не просто сила личности... Жесткое излучение! Вот какое ощущение вызвало у Ярослава чтение «мемуаров» Царевой. Страшнее, чем свет хирургических ламп – жесткое излучение, для которого нет преград, которое способно пронизать любой предмет до самой сердцевины и, лаская сиянием, разрушить все...

«Спустя всего несколько дней после 21 июня (!) – очередной телефонный разговор. Он собирается через день с сыновьями по Волге на две недели. Жалуюсь на дачные проблемы: начало строительства, старый дом разломан, предстоит лето в городе и на стройке. Надежда: вдруг позовет с собой в путешествие?! Погода плохая: дождь льет непрерывно. Говорю: «По моим наблюдениям, циклонический дождь не бывает дольше трех дней, чаще даже полтора-два»; значит, к началу его путешествия уже пройдет! Он – с искренним энтузиазмом: «Да, по моим наблюдениям, тоже так! Вы мне очень понравились тем, что так любите природу!» Мне вдруг становится легко, весело и игриво. «Вообще-то я люблю природу не для того, чтобы кому-то понравиться!» Он смеется и разъясняет нечто в том смысле, что редко встречал женщин, которые интересуются природой. Я подивилась про себя: вот уж не думала, что наблюдать за погодой и любить все живое и зеленое – это так уникально для женщины! Еще целый час обсуждаем закономерности погоды, мои проблемы с проведением лета. Он обещает, что, когда вернется, «постарается компенсировать» мне утерянный отдых: пригласит в Дачное (к родителям) и привезет туда второй велосипед, чтобы можно было вместе кататься, и еще в какой-нибудь поход на природу. Верю. Приятно. Наконец лед растоплен! И в поход хочется отчаянно...

Но все повторяю себе и подругам: это не тот, это не может быть тот, предназначенный мне мужчина! Мы с ним такие разные: он увлекается музыкой, я – наоборот; он – водоплавающий, я – сухопутная; он любит спорт, я – диван; он говорит на нескольких языках, я с пяти лет никак не освою английский. Он вообще безумно талантлив! Он еще пишет коротенькие рассказы – любопытные истории из собственного прошлого, которые

печатают в иностранных журналах. А я... я, правда, неплохо рисовала в юности, но так и не научилась делать это правильно, профессионально. Он все любит доводить до конца, даже если это уже скучно и не нужно, а я легко бросаю то, что мне стало неинтересно.

Он – не одиножды: «Не понимаю и не уважаю людей, которые бросают начатое дело на середине!» Но однажды признался, что сам страдает от потребности все и всегда доводить до конца. Впоследствии я сама заметила, как тяжело ему дается доведение до конца некоторых дел.

Например, он седьмой год строит новую лодку – никак не может достроить. Ему уж и надоело, и слабо представляет, где и когда будет на ней ходить. По правде говоря, и делать ничего толком не делает. Так, раз в год по обещанию выточит пару деталей, приладит, пошкурит что-нибудь. Но идею не бросает – и висит над ним эта лодка тяжким грузом: надо, а не хочется! Если бы друг не помогал – с большим энтузиазмом, но редко из-за занятости, – дело, похоже, вообще не сдвигалось бы с места. А друг уже и имя ей придумал. Грустно прозвучало: «Это последняя лодка, которую я построю в своей жизни...» В то же время он гордится тем, что не сидит без дела. Не раз с видимым удовольствием повторял: «Зачем мне все это надо?!»

Пытаюсь объяснить «болельщикам»: «Ему же ничего не надо! Он доволен жизнью. Почему он решил со мной познакомиться, зная, что меня прочат замуж, а не просто так?» На самом деле штамп в паспорте меня интересовал меньше всего. Был уже один штамп. Но я хотела, чтоб всерьез – не легенькое и краткосрочное. Мне отвечают: «Вот он и доведет начатое дело до конца – женится на тебе!» Аргумент кажется убедительным. Кроме того, он же серьезный, ответственный человек. Если бы не хотел семью, не стал бы знакомиться со мной. А логика и профессиональное чутье настаивают: ему ничего не надо! Повторяю как заклинание: «Только бы не он, только бы не он!»

Середина июля. Хотя и не отработала года, получила двухнедельный отпуск. Сижу на даче в своем маленьком домике – караулю фундамент большого строительства. Одна: старшее поколение в Москве.

Эсэмэс: «Случаю. Жду встречи» (именно с такой забавной ошибкой). Очень неожиданно! Не думала, что он проявится до возвращения из путешествия! Вечер. Я решила, что он хорошо клюкнул у костра, что это ничего не значит, развлекается просто. Не хотела делать авансы, поэтому ответ типа: «Здравствуй! Как вы там? Как поход?» Мне казалось, что текст получился довольно дружелюбный и теплый. Но все, кому пересказала короткую переписку, осудили: «Надо было написать, что ты готова немедленно к нему туда приехать – составить компанию, чтобы не скучал; надо было сказать, что ты тоже скучаешь!» Я – недоуменно: «Но это же неправда! Я не скучаю, а туда к нему набиваться – значит навязываться. И вообще, он же это просто так ляпнул, спьяну, это для него ничего не значило!» Он потом, когда уже были вместе: «Я ведь тогда и правда почувствовал, что скучаю и жду встречи. А ты так холодно ответила!»

Факт: на мою эсэмэс он не ответил, хотя она содержала вопросы. Затюканная болельщицами, я решила исправить положение. Написала ему еще одну эсэмэс: как, мол, дела, где вы сейчас находитесь, как погода. Ответил коротко, сдержанно. Что погода отличная, что они в Рыбинске, что позвонит, когда вернется. Я еще написала какие-то пожелания. Не ответил. Слегка засомневалась: не навязываюсь ли?

Позвонил по сотовому, как только приехал. Сказал: только сегодня проводил сыновей. Всю ночь не спали: разговаривали со старшим. У них много общих тем, всегда есть о чем поговорить. Сказал, что уже просмотрел сделанные фотографии. Много красивых. Я – честно: очень люблю фотографии, особенно путешествий! Хотела бы увидеть! Когда буду в Москве? На этой неделе не собиралась: надо держать руку на пульсе строительства. Может, мне удастся зазвать его в гости на дачу? (Чтобы показать, что я не собираюсь продинамить нашу встречу.) Он неожиданно с энтузиазмом соглашается. Даже готов приехать в будни после работы: ему же так удобно ехать по этой дороге!

В телефонных разговорах каждое начало звучит: «Ксения, привет! Как ты?» – а потом –

на «вы». Радуюсь намеку на избавление от формализма и расстраиваюсь, когда все возвращается в прежнее русло (вот так и шли все наши взаимоотношения в целом!).

26 июля. Вторник. Сегодня!

Волнение. Может, лучше не приезжал бы? А если сразу захочет перейти к самым близким отношениям – соглашаться? Что уж резину тянуть – надо сразу проверить, подходим ли друг другу в том, что наиболее трудно поддается коррекции.

С утра собрала несколько корзинок малины, остатки клубники.

Тогда еще был такой неудобный тариф: даже если он звонит мне, то с меня снимается половина суммы. А у меня с деньгами плохо из-за строительства. Всего полгода, как я работала в «ЧеНепе». На дом хватило пополам с родителями – а жить не на что. Наверное, понимая это, он обменивался со мной эсэмэсками. Спросил, что привезти из еды. Я – честно: «Будет вареная картошка, салатик из свежей зелени – и больше ничего: у меня нет холодильника и готовить практически негде». Он: «...Привезу что-нибудь поинтереснее вареной картошки». Царапнуло: сам же чуть раньше в телефонном разговоре или при встрече рассказывал, что любит молодую картошку! Пренебрегает моим угощением, хотя должен бы понимать мои объективные трудности! Одновременно испытываю неловкость за то, что гостя потчевать нечем. Отвечаю ему именно в том смысле, что мне неловко. Он: «И на солнце бывают пятна!» Сажусь на диванчик в уголок у окна и плачу: почему не принять меня такой, какая есть? Почему этот новый знакомый такую мелочь оценивает как пятно, как недостаток?! Разбаливается голова. Через силу готовлюсь к встрече: собираю зелень для салата, чищу пресловутую картошку, достаю посуду, пилю салат. Кажется, он еще позвонил с дороги и, в частности, попросил картошечку не сварить, а поджарить. С ужасом согласилась: не умею, но молчу об этом! В моей семье жарить картошку – это священнодействие, к которому отец никого не подпускает! Пожарила с лучком – и репчатым, и зеленым, но под крышкой. Получилась бледная, без корочки и развалистая. Минут за пять до расчетного времени его приезда зашла соседка.

Он звонит ровно в то время, как я рассчитывала. Диктую ему последовательно, куда сворачивать. Соседка предупреждает: нашу центральную просеку асфальтируют; он там не проедет. Значит, надо встречать!

Я уже собрана: шортики, фиолетовая блузка. Ничего более приличного не нашлось. Джинсы с меня, похудевшей от строительных страстей, сваливаются, да и жарко в них.

Бегу встречать. Дорожные работы идут у седьмой просеки. К нам не проехать: гора асфальта и гора песка, которые раскидывают рабочие.

Перед черно-золотой горой – никогда прежде не виденная мною машина. Только бы не его! Первое впечатление: старая, дремучая консервная банка, хоть и иномарка! Потом узнала, что это качественная и еще вполне распространенная среди уважающих себя людей модель «вольво». Бордовая – здоровенная и нелепая. (До сих пор я выискиваю взглядом в потоке эту машину и радуюсь, когда удастся отыскать, и нет для меня лучше автомобиля на свете!) Вышел из машины именно он. Опять смотрит строго, без улыбки, даже насупленно, будто недоволен, пока я подхожу. Потом поняла, что он так сосредотачивается в незнакомой или потенциально опасной ситуации. Оказываюсь совсем близко – расплывается широкой улыбкой. Поздоровались. Да он намного выше меня! Обсуждаем, как быть. Чувствую неловкость, будто я сама эту дорогу сделала непригодной для проезда или должна была заранее знать, что происходит. Вариант один: объехать по шоссе и свернуть к нам от деревни.

По дороге он предлагает: «Вы тут безвылазно сидите на участке, а можно поехать погулять!» Сама хотела ему это предложить!!! Даже собрала все необходимое для купания. Мне все легче с ним: мы сходно мыслим! Обсуждаем, как лучше: ехать гулять, а потом поесть или наоборот? Он говорит, что пообедал и пока не голоден, а про меня не спрашивает. Я из вежливости хозяйки соглашаюсь с его планом сначала кататься, хотя живот уже свело от голода. Выходит странный для меня спор о ягодах: я собираюсь взять их с собой, чтобы подкрепиться на пляже, а ему это кажется диким, понимаю, что не будет есть.

Обидно: малина! – это же самое ценное, что есть на участке! Она дорогая на рынках, а такой свежей и не купишь! И я так старалась, собирала, так радовалась, что ее в этом году необычайно много! А он не ценит! Вместе с тем приятно, что он не ленится куда-то еще ехать после работы и долгой дороги. (Потом узнала: он просто не любит ничего перехватывать и перекусывать перед обедом.)

Подъезжаем к нашей просеке с другой стороны. Теперь здесь перекрыто черной кучей! Опять мне неловко: не рассчитала!

Он спрашивает, можно ли объехать по другой просеке. Отвечаю, что проход у леса точно есть, а вот насчет проезда – не уверена. Пробуем. Узкая тропинка среди высокого бурьяна. И выбираться задним ходом вверх сложно, и развернуться проблематично. Какие-то пожилые женщины беседовали посреди дороги и внимательно наблюдали за нашими маневрами. Он: «Наверное, думают: что это они тут катаются туда-сюда?!» Меня немножко отпускает: он воспринимает ситуацию с юмором и, кажется, без недовольства. А мне, когда я рядом с ним, безразлично, кто и что о нас подумает: он – мужчина, он отвечает за социальные контакты. Я так от этого отвыкла с тех пор, как перестала прятаться за папину спину!

Возвращаемся к асфальтовой куче. Все еще не проехать. Приятная женщина моих лет на «жигулях» остановилась за нами, выходит из машины. Мы тоже вышли: решили отнести вещи, продукты в дом, собраться и – на прогулку. Он затеивает милую беседу с той женщиной о перспективах проезда по перекрытой дороге. Меня будто и рядом нет. Но мне это даже приятно: создается впечатление, что мы – супруги со стажем, почему он и не делает реверансов в мою сторону. Впрочем, я-то знаю, что это не так, и мне кажется, что он нарочито общителен: хочет проверить мою реакцию. Я стою в двух шагах и спокойно улыбаюсь. Он ведь приехал в гости ко мне, не станет же он в моем присутствии по-настоящему знакомиться с другой женщиной, вплоть до обмена телефонами! Пусть флиртует сколько хочет. Непривычно чувствовать себя в роли пассивной пассажирки без права голоса!

На участке: рабочие положили обвязку дома и начинают ставить остов. К моменту, когда мы вернулись с прогулки, остов уже стоял весь – с оконными рамами и стропилами крыши. Это воспринималось как чудо: то ничего не было, пусто – и вдруг – дом стоит! То же произошло за этот день с моими чувствами.

Переодеваюсь в купальник – плюс что-то сверху. Потом пускаю в дом его переодеться, сама вышла – жду. Он появляется в застиранных длинных шортах дурацкого вида (из американского флага) и линялой майке. Такая одежда его не красит. Говорю рабочим, что едем погулять. Те отнеслись с большим пониманием и радостью. Причину радости поняла потом: они свалили с объекта пораньше!

Он наконец заметил мою новую стрижку – каре, с которым я была еще на прошлом свидании, и горячо одобрил: сказал, что мне очень идет и так гораздо лучше, чем с длинными. Когда-то позже он заметил, что никогда не похвалит то, что ему не нравится. Каждый его комплимент был весом и открывал мне меня новую – красивую, незнакомую.

Думаю только о том, чтобы оказаться на пляже и тихо там посидеть: голова болит едва выносимо. О необходимости потом готовить стол думаю с ужасом. Между прочим, он навез кучу еды – это очень приятно! Правда, не учел, что у меня из-за отсутствия электричества не действует холодильник, хотя я об этом упоминала, и привез скоропортящиеся продукты: курицу, купаты, все – свежее. У него хорошая сумка-холодильник. Это напоминает детство: у нас есть старая сумка-холодильник, которой больше лет, чем мне, и в которой при мне возили продукты на дачу, когда я была совсем маленькой, а прежде – до меня – ее брали с собой в путешествия, в поездки по выходным на пикники и экскурсии. Светлый ассоциативный ряд: дед, путешествия, раннее детство! Он по старинке основательный, если ездит с сумкой-холодильником на такие небольшие расстояния!

Едем, беседуем. У него в речи несколько раз промелькнуло «ты». Изнуренная выканьем, предлагаю закрепить упрощенную форму обращения, так и не дождавшись

прямой инициативы с его стороны. Для него оказалось рановато: он потом много раз сбивался обратно на «вы», что меня страшно удивляло, так как я не чувствовала дистанции, а он казался таким контактным.

Темы беседы.

Я призналась, оставив свое намерение молчать об этом до последнего, что не умею жарить картошку, что сегодня делала это первый раз в жизни и неудачно, так как вышла она без корочки и рыхлая. Он: это очень хорошо, он без корочки как раз и любит, а с корочкой опасно для здоровья. Реабилитировался в моих глазах за «пятна на солнце»! Потом он вообще эту картошку нахвалить не мог: зеленый лук придает вкус грибов – его это восхитило!

Потом я рассказала, что друзья поехали на машинах на Торопу, чудесное место: сосновые леса, озера. Вот бы его – любителя походов – туда заманить как-нибудь! Он тепло засмеялся, но ничего не сказал, и я почувствовала: не хочет. Позже выяснилось, что он убежден, будто в большой компании у каждого главная задача – показать себя, выпендриться: привлечь всеобщее внимание, лучше всех произнести спич, рассказать самую интересную историю, перекричать других. Впоследствии поняла: он должен выбирать себе компанию только сам, а остальное для него – насильственный ассортимент. Боюсь, что я – такая же!

Выезжаем на шоссе. Он говорит, поворачивая, что кто-то на обочине валяется; пьяный, наверное. Я и не увидела, хотя с моей стороны! Он тормозит: «Надо посмотреть, что с человеком, а то потом не простишь себе!» Вышел из машины, подошел, посмотрел. Вернулся: пьяный, спокойно спит. Я в восторге! Зауважала и записала в хорошие люди. Еще восприняла ситуацию как знак: ведь это было одним из ключевых пунктов моей программы!

Едет ровно 90 км/ч по пустой дороге на хорошей машине. Мне это кажется излишней осторожностью. Не люблю, когда мужчина робок за рулем. Потом я проехала по той же дороге на своей – тогда еще – таратайке и поняла: если дать больше, на этих колдобинах машине будет очень плохо.

Мечтаю о пляже и как покажу ему красивый спуск с высокого холма к нашей красавице – Вейне, к водохранилищу. И вдруг: «Смотри: табличка «Яхт-клуб»! Заедем, посмотрим, что там?» Соглашаюсь, хотя от души надеюсь, что там – ничего ценного и мы скоро поедем дальше: чем меньше колыханий раскалывающейся голове – тем лучше! Он лихо разворачивается посреди шоссе, направляемся под табличку».

Вот и ворвались в напряженные, нервные записки Ксении запах речной воды, и ветер, несущий плеск волны, и хлопанье паруса! Ярослав уже не сомневался в том, чье именно имя встретит на страницах записок! «Чудес-то не бывает! – пробормотал он. – Если только у Гриши обнаружится двойник!»

«Длинная, хорошо асфальтированная дорога. В конце ее – цивилизованная стоянка, решетка забора, пост охраны. Есть шанс, что нас не пустят. Но нет! На 20 минут – просто прогуляться до клуба – можно. Снова асфальтированная дорога, только пешком, крутой спуск. Берег, песок, деревянный домик, железный ангар, несколько маленьких лодок с мачтами у самой кромки воды. Молоденькие два парня и девушка. Он хочет взять лодку покататься. Я мечтаю, чтобы не получилось: лишь бы не колыхали! В другой раз! Но все возможно. 400 рублей час. А охрану они сами предупредят. Он слишком активно общается с клубной девушкой. Милая, открытая, простая, лет восемнадцати. Даже знакомится с ней: «Меня зовут Гриша, а вас?» – «Маша».

Только сейчас Ярослав вспомнил и запоздало удивился: а как же образ темноволосого загорелого античного атлета высоченного роста с широкими плечами в обрамлении бицепсов и трицепсов, которого он своим собственным третьим глазом видел во время второй беседы с Ксенией? С первых же страниц записок «атлет» стал утончаться, обретая аристократичную, слегка сутуловатую худощавость, а волосы постепенно выгорели до пепельно-русых. Ярослав будто слышал знакомый веселый голос с нотками самодовольства: «Как мы над тобой подшутили, а?» Теперь все сомнения были изгнаны синим по белому выведенным

коротким именем, и Ярослав окончательно осмыслил: то, каким женщина видит своего избранника, порой не совпадает с его истинным обликом. Если же мужчина с ней согласен, то до истины вовсе не дойдешь, пока не увидишь этого человека живьем! Например, Гриша самого себя видит мрачным шкипером, густо заросшим темной щетиной. Темноволосым восприняла его и Ксения из-за пегости, вызванной сединой. В итоге темная шевелюра стала одной из самых устойчивых и правдоподобных характеристик мысленного образа.

Ярослав уже добрался до цели своих изысканий – имени героя записок, однако по инерции продолжал читать.

«Рассказывает ей, в каком яхт-клубе состоит сам. С мальчиками тоже активно общался, но так и не познакомился. Похоже, опять проверял меня на глупую ревность: зачем еще ему восемнадцатилетняя барышня? Я стояла рядом и благодушно улыбалась: хорошо, что он нашел, с кем поговорить, а то у меня на это нет сил!

Он потом много раз заводил беседы о ревности. Убеждал в прописной истине, что мужчина по природе своей должен заглядываться на многих женщин. Однажды он среди других фото случайно показал мне на компьютере изображение обнаженной женщины в бане: милое лицо, длинные распущенные природно светлые волосы, мягкие формы. Я отнеслась к этому фото спокойно: ну, какая-нибудь бывшая пассия, только не ясно, почему он расстался с такой красивой и милой. А он смущенно прогнал с экрана фотографию без комментариев. Позже в тот же день в сильном подпитии с пафосом говорил: «Увидела фотографию обнаженной женщины – а ты не ревнуй! Может, это просто знакомая!» Я и не думала ревновать: сейчас-то он мой и не изменит – я знала! Еще: «Ненавижу глупую ревность!» Но в тот момент на берегу он этого не говорил, а я догадалась: проверяет! Еще: «Я – двухмакушечный. У меня всегда в жизни два увлечения, две страсти. Но, слава богу, к женщинам это не относится. В один период у меня только одна женщина. Я не разрываюсь между двумя». Безоговорочно поверила ему. Потом поняла: он делает другой выбор – между женщиной и независимостью. Свобода каждый раз оказывается более желанной возлюбленной.

Выбирали лодку, разбирались с размером (уместятся ли двое) и такелажем. Я стояла рядом, слушала непонятные разговоры. На меня поглядывали как на женщину, которую мужчина собирается катать на яхте, ублажать и развлекать. Чуть-чуть неловко перед молодежью: не глуповато ли в моем и его возрасте демонстрировать публике период активного ухаживания?! Вспоминать странно, будто о другой жизни! Теперь не смутилась бы. Ведь приятно на самом деле, когда красиво ухаживают – в любом возрасте! Я никогда прежде не находила романтики в парусах... И с ним видела, скорее, изнанку этой красоты: тяжелый труд, длительная, занудная подготовка, сырость от протекающего днища лодки, теснота, ограниченность движений... И что удивительно, все это успела принять и полюбить! Мнение подруги-литературоведа: феномен «Душечки». Возможно...

Стали готовить лодку. Сидела на пенке на берегу и радовалась, что они там так долго возятся и моя помощь не требуется: не надо напрягать голову!

Долго ли, коротко ли, поплыли. Стал объяснять, что, когда он перекидывает гик на другой борт, надо срочно пригибать голову, иначе ее снесет. Головы лишаться так не хотелось, хоть она и сильно болела! Обещал заранее давать команды. Я всю дорогу боялась и голову старательно берегла. Однажды он забыл дать команду, я пригнулась сама, а он потом все-таки вспомнил, извинился. Еще надо пересаживаться с борта на борт, так как он перемещается с каким-то канатом в руках, чтобы держать гик, а я для равновесия должна оказаться на другом борту. Причем желательно, чтобы мы пересаживались одновременно. А я-то надеялась, что на лодке меня с моей бедной головой наконец перестанут колыхать! Смирилась с судьбой и изо всех сил старалась поддерживать разговор. Даже полегчало немного.

Картинка: он стоит в лодке, а я сижу. Он что-то говорит и смотрит на меня сверху ровно вниз. Мы – посреди водохранилища, вдали – зелень берегов, над его головой – парус,

мачта и голубое небо. Его серые глаза – яркие, промытые. Впечатление, что это не глаза, а сквозные дырки, через которые просвечивает небо. Они очень выразительны, они полны желания и мощного драйва. В этом нет любви, но есть готовность и намерение – воля. Потом, много раз вспоминая тот взгляд, я мурлыкала про себя из Богушевской: *«И, отражаясь в зеркалах, Я вижу страх в своих глазах, А в его глазах – Небеса, И, отражаясь в небесах ... Я вижу дым в своих глазах, И огонь я вижу в других, И, отражаясь в том огне, Я вижу, но как бы на дне, Все тот же страх В своих глазах»*. Так все и происходило!..

В лодке тесно, трудно уместиться. Он: «Мы – большие», то есть лодка рассчитана на людей поменьше или на одного. Кажется, впервые прозвучало: «мы»!

Из тем беседы помню только одну. Он рассказывал про сына. Очень честный, порядочный человек. Ему 28, он не женится, так как ищет единственную, чтобы на всю жизнь. У него есть подруга – китаянка – в кино сходить, поговорить. Но на той он не женится, поскольку она – не верующая. Между прочим, Гриша тоже не верующий, хотя какого-то бога он все-таки признает. Позже говорил: «Людей, которые причинили мне зло, бог всегда потом наказывает. А если я кому-нибудь делаю гадость, то бог, в которого я не верю, меня потом обязательно наказывает».

Мне почудилось, что, рассказывая о сыновних поисках, он опять изучает меня, ему важно, как я это прокомментирую. Сказала правду: я его очень хорошо понимаю, надо обязательно найти человека, который будет дорог, к которому будут чувства и который подходит, а не просто так – жениться, потому что уже пора.

Я тогда удивилась: что же для них означает «быть порядочным» по отношению к женщине? В какую-то из следующих встреч, когда мы уже были близки и когда он снова заговорил о сыне, я ввернула: «А девушка-то, с которой сын дружит, знает, что он не собирается строить с ней более серьезные отношения, жениться?» Ответил: «Не знаю, мы это не обсуждали». А на следующем свидании он пошел на серьезное объяснение – принялся расставлять многоточия в наших отношениях. Об этом – в свою очередь. Думаю, я его немножко спровоцировала, к чему и стремилась. И еще думаю, что он понял мою реплику именно как намек...

Несмотря на напряг от того, что я все время старалась поддерживать беседу и быть в этой беседе на высоте, прогулка принесла новые и приятные впечатления. Увидела ту часть родного водохранилища, где никогда не бывала прежде, да еще с самой середины, откуда всегда так красивы зеленые холмистые берега! Прежде каталась под парусом только однажды на катамаране – на Святом. Маленькое озерцо, ничего не успела толком заметить, почувствовать. А тут – в полной мере: ни тархтения мотора, ни хлопотливого шума весел – только изредка легкий, необязательный, немного таинственный плеск волны о днище. И тишина! Повезло: ветер был хороший, ровный.

Григорий не взял с собой часов и беспокоился, как бы нам вернуться ровно через час. Я немного удивилась: разве для него 400 рублей – большая сумма? Тем паче за любимое занятие, да перед девушкой показать себя! Но потом ветер стал стихать, как обычно бывает к вечеру. Успеть бы вернуться под парусом! Мы видели, как встала другая лодка далеко, посреди водохранилища. Когда подобрались поближе к берегу, прошли мимо еще одной лодки с обвисшими парусами.

Весело воскликнул: «Смотри, нам везет!» К нам приближалась рябь по воде – крошечным пятчком. Объяснил: так идет ветер. Неподалеку от причала встретили пожилого серфингиста, который подталкивал доску вперед, раскачивая свой парус из стороны в сторону. Он посмотрел на нас с удивлением. Григорий его не заметил. Потом я рассказала – он сожалел: интересно было бы пообщаться!»

Крайне любопытно!

Вначале Ярослав читал внимательно, чтобы найти хоть какие-то зацепки для решения своей задачи. Когда понял, о ком идет речь, необходимость в этом отпала: он и так отлично знаком с характером Григория! Потенциальные магические возможности? Ярослав как-то не акцентировал на этом внимания, но всегда знал: да, задатки у Матвеева есть – еще какие! Но

Гриша, оказывается, при необходимости с легкостью пользуется своим даром! Осознанно или сам того не замечая? Этого в принципе невозможно определить! Ксения не придавала значения деталям, которые ему сказали очень много.

Облака разгонял? Броско. Но докажи-ка, что они не сами разошлись! А вот идти под парусом, когда и справа, и слева, и даже в непосредственной близости от тебя плавсредства встали намертво из-за полного штиля, возможно только в том случае, если удачно словишь локальное движение воздуха над водой. Но тебе ведь нужно еще и направление выдерживать! Практически нереально, чтобы такой ветерок сопровождал лодку до самого берега, не повернул, не исчез... Было над чем поразмыслить!

«Мы успели вернуться. Его аппаратом пофотографировались на длинных шатких мостках. Он восхитился: «Как приятно, что ты и сама готова фотографировать, а не только требуешь, чтобы снимали одну тебя!» Чем больше впоследствии он рассказывал о своих «девушках», тем больше казалось, что это какие-то монстры и оборотни. Основная их характеристика: «глупые и жадные». Я тогда думала: раз он теперь связался со мной, а я, слишком очевидно, под прежний стереотип не подхожу, значит, он решил радикально поменять и сценарий взаимоотношений. Не учла, что типаж «девушки» легче сменить, чем собственное поведение.

Он хотел еще искупаться, а меня отталкивали холодная вода и переодевание в неудобном ангаре. За разговором про купание он забыл. Спыхватился, только когда мы пришли к машине. Я выразила сожаление, пугаясь, что сейчас он потащит меня назад. Но он махнул рукой.

По дороге домой рассказывала, что люблю дальние путешествия на авто. Я всерьез переживала: если мы с ним сойдемся, то придется путешествовать только по воде, а это медленно и не всюду попадешь. Такие мелочи казались жизненно важными – чудно! Он сказал: «Вот почему ты моему папе так понравилась – папа тоже «дальнобойщик!» Приятно удивлена: с его папой мы видели друг друга три минуты и обменялись двумя фразами типа здрасте – здрасте – приятно познакомиться – взаимно.

Сказал, что наличием водохранилища с яхт-клубом ценность моей дачи сильно повышается в его глазах. Добавил: «Прости меня за такой цинизм!»

Въезжаем снова на родную грунтовку. Медленно поворачивая на проселок, он заметил, что наш пьяный уже на ногах – еле-еле – и ищет свою сумку. Прокомментировал, что ее, наверное, украли, пока мужик спал. Какой внимательный – все замечает!

С тоской думаю о необходимости готовить ужин: голова опять раскалывается! Однако неожиданно все страдания заканчиваются!

Оказалось, что дорогу уже сделали. Я предложила ему припарковаться у соседей напротив: их все равно нет, а если и приедут, то не раньше пяти утра. Вопрос про себя: а он-то до пяти утра уедет? Рабочих нет в помине, хотя час не поздний. И стоит полный остов дома, вплоть до оконных рам и стропил – только обшивай! Это выглядело как чудо: два часа отсутствовали, уезжали от пустого места, вернулись – дом стоит!

Ужин он почти полностью взял на себя: пожарил курицу, разогрел картошку. Все – очень-очень быстро. Ели-пили прямо в моей тесной домушке, где сосредоточилась на время строительства вся жизнь большого дачного дома. В беседку не пошли: там рабочие сильно намусорили, убирать долго. Сначала была идея сделать шашлык, но на это у него не нашлось драйва.

В каком-то промежутке: то ли пока курица готовилась, то ли после ужина и до чая, мы посмотрели на его ноутбуке фотографии: «The best of Volga» – о недавнем путешествии. Смотрела на одном дыхании: и красиво, и интересно! В этом наши вкусы совпадают! Очень захотелось показать ему свои фотки из путешествий, из дачного. То, что висело в домике на стенах, его насторожило: «Кровавые закаты!» У меня не было таких ассоциаций! Надо реабилитироваться: у меня такая красивая Черногория – ему должно понравиться!

Впоследствии видела фотографии, сделанные им на Тишковском, Пестовском, Икшинском водохранилищах. Некоторые висели в рамках у него на даче. Мы и тут

похожи: у него на даче – фотографии местных пейзажей в рамках, и у меня! Только у него еще висела фотка его самого, что-то мастерища в лодке. Я бы себя на стенку не вывесила... Сказал: «Я – певец икшанских просторов!»

Раньше, еще когда катались, он рассказал, что во время путешествия по Волге у него был день рождения, причем юбилей: пятьдесят! Он не любит дней рождения, старается сбежать от официозных застолий и формальных спичей. Вместе с тем несколько раз обиженно повторил: «Мне ничего не подарили!» Только родители – статуэтку, которая ему абсолютно не нравилась. Жаловался: родители вообще вечно дарят что-нибудь ненужное и не в его вкусе. А те картины, которые он родителям дарит, красивые, радостные и теплые, они задвигают в дальний угол! Я хотела во время ужина предложить тост за его прошедший день рождения – мол, хороший именинник десять ден! Но от многообразия впечатлений и головной боли забыла. Потом долго очень сожалела и стыдилась. Позже купила ему маечку типа тенниски, которая мне понравилась и, как я успела заметить, была в его стиле. Денег из-за строительства не было совсем, в фирме работала недавно и большего позволить себе никак не могла. Он принял достойно, всячески демонстрировал, что понравилась. А потом, в разговоре о другом, мягко подсказал: он любит, чтобы летняя трикотажная вещь была с воротничком. Я тоже всегда так делаю и тоже люблю с воротничком! Учла, но не успела ничего подходящего найти... Я слишком многого не успела сделать, пока была с ним – так и тянутся хвосты...

Он активно хвалил мой салат из дачной зелени. Дочиста «обработал» миску! Было приятно!

После ужина предложила ему пить чай из самовара. Он с энтузиазмом согласился. Рассказал, что подарил родителям для их загородного дома настоящий тульский самовар – старинный, восстановленный. «И что ты думаешь, они хоть раз его поставили?!» Я собралась растапливать – как хозяйка и человек, знающий технологию. Он неожиданно попросил довольно решительно: «Можно я растоплю?» Я согласилась, хотя подумала, что вряд ли он справится с непривычки, и приготовилась подсказывать. Оказалось, он очень любит всяческие печки и является по ним большим специалистом, так как некоторыми маленькими переносными печками-плитками пользовался в путешествиях по воде. Да и костры в походах регулярно надо разводить.

В качестве разжиги я достала пачку листов из рукописи своей диссертации. Он стал приглядываться к почерку, что-то прочитал. Сказал: «Красивый почерк, разборчивый!» Сильнее польстить мне невозможно! Мой почерк, который с детства считали корявым и нечитаемым, назвать красивым! Позже увидела его почерк. Оказалось: они похожи!!! Он пишет путевые журналы – короткие, деловые, без лирики заметки в амбарных тетрадах: где удобно причалить, какую деталь заменил, а какую предстоит найти и купить. Любимый дед вел путевые заметки и технический журнал автомобиля в том же стиле и в таких же амбарных тетрадах!..

Научил меня разжигать любой огонь с помощью березовой коры. Самовар у него горел – загляденье! У меня ни разу так не получилось, чтобы совсем без сбоев, без повторного разжигания. Чай сервировали на верстаке у сарая. Я предложила подыскать более чистое и комфортное место, но он сказал, что обожает верстаки: много и с удовольствием плотничает. А мне у верстака тоже нравилось: уютно сидели в шезлонгах друг против друга, разговор стал легче и непринужденнее. Чай, печенье, обалденно вкусный пирог с черносливом, который он привез. Очень теплая ночь: сидели до полвторого, и я не зябла в шортах. Чувствовала, что он не хочет уезжать.

Все-таки не рискнула предложить ему остаться до утра: голова предательски болела по-прежнему, я еще не была уверена, что готова к близости, а возиться с укладыванием его и с завтраком не было сил: впечатления переполняли, зашкалило. Если бы так и сидеть до утра за чаем у верстака!

Ели, наконец, ягоды. Нахваливал! Обещала дать ему корзину с собой – согласился с охотой.

Он засобирался. Чувствуя неловкость, все-таки выдержала – не предложила остаться. Он решил не переодеваться: ночь, никто не увидит, что он в дачных старых шортах!

Велел мне обязательно завтра утром изжарить купаты, чтобы не испортились. Но на следующий день я ехала в Москву, привезла их домой свежими и забросила в морозилку. Время от времени доставала оттуда по штучке. Последнюю купату торжественно съела в ноябре, после разрыва, давясь слезами.

Стала собирать грязную посуду – спросил, справлюсь ли с ней сама, не надо ли помочь. Мало того что готовил, так еще и посуду мыть! Отказалась, так как от усталости хотелось скорее остаться одной. Только от усталости! Отнесся к моему отказу легко, не настаивал, что несколько смазало впечатление от самого предложения.

Прощаемся на просеке у его машины. Он: «Ну, давай обнимемся!» Целомудренно, по-дружески. Но: я попала в его объятия и почувствовала... Что не хочу из них вылезать? Что хочу его? Что мне так очень хорошо?.. Скорее, почувствовала уже не «я», а нечто теплое, живое, доброе, трепетное, возникшее не во мне, не в нем – в «мы». Дальше еще поболтали. Приятно, что он склонен «зацепляться языком» – мы и в этом похожи! Заметила эту особенность еще в телефонных разговорах. Значит, ему хочется и важно что-то мне сказать! Обсудили тему роста. Он опять повторил, что мы – высокие. Я ответила, что он значительно выше меня. Он: «Еще не хватало, чтобы я был ниже тебя!»

Опять прощаемся. Он: «Давай поцелуемся!» Опять целомудренно: по-дружески, в щеку. И вдобавок еще раз обнялись. Я сдалась, пропала, готова на все. Но он удивительно тонко чувствует мое настроение, или наши состояния так точно совпадают: не сейчас! Просто не сейчас.

Стал размышлять вслух, как ему лучше выехать: то ли подать вперед и там сманеврировать, то ли задним ходом. Позабавило: «А может, тупо развернуться?» Оказалось, его любимое словечко. Ничего себе тупо! Развернуть на нашей узкой просеке такую длинную машину! Однако он справился довольно легко и без моей бестолковой помощи. На прощание громко пообещал, предельно понизив голос: «I'll be back!» Думаю, было похоже на Терминатора, но я не смотрела. Обещание страшно обрадовало!

Через несколько дней он спросил в эсэмэс: «Ты еще будешь зазывать меня к себе на дачу?» Тогда окончательно стало ясно: ему не в лом сюда ехать, чтобы увидеться!

Накрыла собранную на верстаке посуду большим тазом – от кошек и прочей живности. Завтра помою! И наконец-то спать!

А вместо сна до пяти утра сочиняла стих. Несколько позже он обрел законченную форму, но основное придумалось уже тогда:

Ветер
колебанием занавеси на окне
входит ко мне
в дом.
До
того, как меня встретил
и стал нужен,
обретая имя того, кто с тобой дружен,
как тебя звали,
ветер?
Вздых в дальнем
углу моего жилища —
плеском волны о днище.
Облаком – пыль, и трепещут паучьи сети:
достойной опоры ищет
ветер!
Ищет – и не находит —

ни в доме моем, ни в природе.
Но тот,
кто его ждет,
расставляет на всякий случай
перемет парусины летучей.
Попадись ему,
ветер!
Брось гоняться за листьями,
ломать города и ветки.
Щурит веки,
пережидая шквал,
тот, кто тебя позвал.
Он тобою давно бредит;
в его мыслях один
ветер;
в его сердце гудит
ветер...
Он ко мне спешит, чтоб поверить
самому себе
и в любовь.

На следующий день писала об этом В.Л., а та мне: «Ставлю тебе диагноз как доктор: ты влюбилась! Поздравляю!»

Утром спохватилась: обещанную корзинку забыла ему отдать. Написала эсэмэс: «Как доехал?» Попросила прощения за то, что не предложила остаться, мол, постель неудобная (что правда), с душем проблемы. Вдобавок – паническое: «Гриша, а ягоды-то?! Забыли!» Его ответ: «Ксюша, спасибо за заботу! Остаться было невозможно по многим причинам. Без ягод за завтраком страдал!»

Начался активный обмен эсэмэсками. Каждый день – минимум по две, а то и больше. Я думала, что ему не очень хочется писать: эсэмэски – развлечение для зеленой молодежи, да и некогда на работе настукивать тексты. Но хотелось поддерживать контакт, чтобы он не потерял интереса, а звонки я не могла себе позволить. Были очень нежные: «Вечер. Ты слушаешь «Маячок». (Я рассказывала ему, что слушаю приемник на батарейках.) Мы часто не совпадали по времени: я уже отчаялась получить от него записку и выключила телефон, чтобы не ждать, а утром получаю: мол, спокойной ночи! Отвечаю: уже с добрым утром. Или я ему: спокойной ночи! Долго жду ответа – нету. Он мне утром: «Вечером заснул – пропустил твою эсэмэс. Прости!» Тогда-то приучилась держать телефон вечно включенным, кроме ночи. Много ездила по хозяйственным делам, нужно было выбирать и покупать рамы, двери. И нарочно подолгу не смотрела на телефон: пусть подождет ответа, он ведь тоже частенько заставляет меня долго ждать!..»

До сих пор Ярослав продолжал читать по инерции. Даже не читать – видеть и слышать происходящее: он был отлично знаком с некоторыми привычками Матвеева, которые ставили Ксению в тупик, в записках проскакивали характерные словечки – тексты эсэмэсок и реплики героя Ксе-ниного романа звучали знакомым голосом. Ярослав чувствовал запах блюд, которые Гриша любил готовить. Он снова и снова цеплялся глазами за рваные, нервные строчки и не мог пропустить ни одной.

Но вот наконец прерваться удалось, и Ярослав ужаснулся тому, что делает. Ведь Григорий никогда не позволил бы ему проникнуть так глубоко в тайну своей личной жизни!

Но миндальничать некогда! Надо срочно разбираться с дырой – спасти президента «ЧеНепа». Хорошо, что тот сегодня пораньше покинул офис, но вернется ведь!.. Если успеет... «Завтра позвоню ему, – решил Ярослав, – открыто предупрежу об опасности. Только бы Ксению не выдать!..»

Ярославу необходимо было узнать, что за отношения связывали Ксению и Григория и по какой причине мужчина и женщина расстались: это прольет наконец свет на то, как образовался разрыв в структуре пространства и времени. Но об этом надо просто расспросить Ксению при личной встрече.

* * *

Пробуждение далось Ярославу тяжело. За три с половиной часа сна сумятица впечатлений прошлого дня забродила в голове, но процесс был прерван в самом разгаре, и теперь в башке плескалась муть – словно недобродившее и стремительно закисающее на открытом воздухе сусло. Не помогли ни силовые упражнения, ни холодный душ. Кот нагло продолжал дрыхнуть, сладко развалившись посреди кровати, и служил наглядным примером, как может быть хорошо каждому, кто не спешит с утра пораньше по неотложным делам.

Ярослав закинул на заднее сиденье неизменную спортивную сумку. Вспомнил, что вчера она тут почему-то сильно нагрелась. Перегнувшись через водительское сиденье, переставил вперед. Взгляд упал на резиновый коврик внизу. Сколько ж песка наташил! Пять минут до отъезда у него в запасе точно оставалось! Он вынул коврик и вытряхнул на бетонный настил. Обычный подмосковный песок, который добывают в карьерах, которым усыпаны все грунтовые дороги, – ярко-желтый, порой бежевый или красноватый от примесей глины. Кучка песка под ногами Ярослава была белой.

«Либо я окончательно спятил и продолжаю грезить наяву, – сказал себе Ярослав, – либо вчерашний мальчик со змеем не был ни галлюцинацией, ни астральной проекцией...»

По дороге в Москву он спохватился, что забыл тетрадь Царевой на веранде, где читал допоздна. Жаль! Сегодня вернул бы владелице. Попытался дозвониться Ксении, чтобы договориться о встрече, – не вышло: абонент находился вне зоны действия сети. Видно, Царева ехала в метро. В приемной президента «ЧеНепа» тоже пока не брали трубку.

Пока парковался, показалось, знакомая спина мелькнула в воротах академии. Не Вера ли? «А ведь она тут работает!» – припомнил Ярослав. Тесен мир! В молодости он зарабатывал на жизнь массажем. Получались неплохие результаты, клиентов хватало. Массаж долго оставался палочкой-выручалочкой, хорошей подработкой в любых перипетиях экономической жизни страны и поисков собственного пути. Вера пришла на прием; понравилась; отношения с ней складывались легко. Надо будет как-нибудь найти ее в этих стенах – то-то удивится!

Встреча с ректором вылилась в пустую трехминутную формальность. После того как все необходимые договоренности были достигнуты, Дружинин неожиданно сообщил: приступить к преподаванию желательно уже сегодня вечером.

Ярослав отреагировал адекватно:

– Ты охренел, что ли?

Он и отдаленно не представлял, что сказать слушателям; он собирался завтра вечером лететь на Ближний Восток на несколько дней, может, на неделю; результатов его изысканий ждет раненый Матвеев, а он ни в чем еще толком не разобрался. Наконец, сегодня вечером Ярослав предполагал встретиться с Ксенией. Григорий, Ксения, «Че-Неп» – все перемешалось, сваялось плотным клубком, склеилось, как колтун в волосах. Ярослав хотел хотя бы часик спокойно посидеть не важно где, поразмыслить, растащить колтун по волоску.

Все эти соображения взгромозились на одну чашу весов. А на другой оказалась кучка одуревших от скуки домохозяек да целительница Люба, по-житейски просто произносящая загадочное: «Делиться надо!» Да его пустые иллюзии разделить с кем-нибудь главную страсть своей жизни, свой любимый и тяжкий труд. А еще номер телефона специалиста, сидящего на уникальном оборудовании, который Дружинин обещал ему, но пока еще не передал. Сейчас идея тратить собственное драгоценное время на чтение грошовых лекций неизвестно кому непонятно о чем показалась Ярославу нелепой, просто бредовой. С нужным специалистом можно связаться ценой значительно меньших затрат. Только странное

состояние, охватившее Ярослава вчера вечером, могло послужить оправданием тому, что он ввязался в такое тухлое дело...

Ярослав мрачно молчал, Дружинин не торопил его. Ярослав лихорадочно искал выход: как бы выкрутиться из этой истории совсем. Что, если отказаться прямо сейчас? Сильно он подведет Андрея? От напряженной работы мысли и острого недовольства ситуацией брага в голове окончательно скисла. Затылок сдавило, и к вискам поползла боль. Мигрень, быстро изгнанная им позавчера, ждала на страже и собиралась наверстать упущенное. Судя по характеру боли, она намеревалась оккупировать его голову всерьез и надолго.

«Надо делиться!»

Ярослав не планировал легко сдаваться, однако на сей раз он находился далеко от дома. Не улечься в глубокую медитацию на полу перед камином, не позвать на помощь лучшую грелку на свете – Скинхеда. «Ладно, – подумал Ярослав безо всякого энтузиазма, – проверим, правильно ли я понял Любу!»

– Хорошо, Андрюх, – сказал он вяло, – сегодня так сегодня. Когда, куда, с кем?

«Рискнута здоровьем», – мрачно добавил он про себя.

Через десять минут он выходил из здания Педагогической академии. В далекой вышине над городом парило идеально выглаженное ярко-голубое полотнище, московский воздух приятно нагревался после затянувшейся суровости весенних ветров и ливней. Ослепительно-белое солнце предвещало жару. Ярослав подумал, что к полудню изнурительное городское пекло добьет его бедную голову. И тут заметил, что грозные признаки надвигающейся мигрени исчезли бесследно. Преподавательская карьера сразу показалась гораздо более привлекательной, нежели полчаса назад!

Ярослав нога за ногу побрел к машине, прижав к уху телефон. Он звонил Матвееву. Обсудили самочувствие. Лучше, уже почти нормально. Итоги вчерашнего визита родителей. Неоднозначные. Сын был обруган за разгильдяйство, неосмотрительность, и вообще, вечно с ним что-нибудь такое случается! Мама опять настаивала, чтобы он повесил на окна шторы, потому что без них неуютно, вид комнаты какой-то незавершенный, да и опасно. Зато отец скорее порадовал: не слишком много бурчал и привез бутылку отличного, редкого вина! Ярослав посмеивался, но в глубине души испытывал определенную неловкость: при редких встречах он хорошо общался с Матвеевыми-старшими, несмотря на некоторую европейскую суховатость много лет проработавших за границей стариков. Манера, в которой говорил о них Григорий, имея к родителям свой счет за их вечную занятость и отстраненность, за детство, проведенное с няньками, еще бог знает за что, сугубо личное, порой казалась Ярославу просто пасквильной.

– Гриш, извини, я долго беседовать не могу: дел выше крыши.

Ярослав попросил разрешения сделать полный химический и какой еще понадобится анализ веществ, из которых состоит таинственный «дротик».

– С ним будут обращаться предельно аккуратно, – уверенно пообещал Ярослав и шутливо добавил: – Специалист в резиновых перчатках и халате сделает химический анализ...

– Зачем? – перебил Матвеев. Голос Григория почему-то стал напряженным, без следа прежнего легкого веселья.

– Мне же надо узнать происхождение этой штуки: хотя бы рукотворная или нет. Может, она с неба свалилась. Метеорит...

– Не надо ничего исследовать! – резко потребовал Григорий, будто бритвой полоснул. – Я просил тебя выяснить только одно: было ли нападение простой случайностью. Пожалуйста, не вкапывайся больше ни в какие детали!

Повисло молчание. Ярослав видывал Григория и таким, но еще ни разу в жизни удар подобной силы Матвеев не обрушивал на него. Чувствовал себя как обиженный мальчишка, когда внезапно врезал лучший друг. То ли заплакать с горя, то ли сдачи дать... Решил выдержать паузу.

– Ты и так много сделал. – В голосе Григория поуменьшилось резкости. – Ясь, спасибо,

ты мне очень здорово помог! Слышишь? Не обижайся, пожалуйста!

– Хорошо, – ответил Ярослав уклончиво.

– Ясь, я не понимаю, зачем ты продолжаешь возиться с этим... «дротиком»? – воскликнул собеседник с новым приступом раздражения, но уже не враждебно-ледяного. – Ты ведь уже все выяснил. Что-то еще беспокоит в этой истории?

– Ну почему беспокоит? – медленно отвечал Ярослав, подбирая слова. – Нападение, вероятнее всего, не было заранее спланированным и подготовленным... Мне просто интересны некоторые детали. Чтобы закрыть тему, я хочу... хотел бы узнать, что за штука тебя спасла!

– Ясь, это лишнее! – твердо заявил Григорий. – Оставь в покое эту вещь. Она действительно нужна мне как вещественное доказательство. Я заберу, как только смогу. Или ты заедешь в гости, если будет время. Договорились?

– Договорились, – согласился Ярослав и стиснул зубы.

Он с ожесточением нажал на кнопку «отбой» и несколько долгих мгновений боролся с острым желанием шмякнуть телефон об асфальт. Уважение к технике и труду корейских рабочих победило разрушительный порыв. На самом деле треснуть хотелось не телефоном об асфальт, а кулаком о матвеевскую голову. «Вляпался!» – подумал он одновременно и о Григории, и о собственном идиотском положении.

Гриша, когда хотел, мог выстраивать глухую защитную стену. Непонятно было, то ли он скрывает злой умысел, то ли плоды глупой ошибки. Ярослав легко взломал бы сопротивление и выяснил все прямо сейчас, но уважение к другу не позволяло ему использовать тактику «ногой в дверь». Григорий интеллектуально развит. Защита таких людей взламывается на уровне чувств. А трогать чувства старшего товарища Ярослав не решался. И так он нахлебался стыда благодаря запискам Ксении, неожиданно оказавшимся посвященными именно Матвееву!

Множество раз Ярославу встречались клиенты, старавшиеся скрыть от него важную информацию – от финансовых секретов до уголовных преступлений. Клиентов можно просканировать, как говорится, силой мысли, поставить им ультиматум, послать подальше. А тут друг, доверие которого страшно потерять, который и так доверяет ему через пень-колоду, и которому, бог весть, стоит ли доверять самому! Ярослав перестал замечать, что напряженные размышления на тему доверия приобрели характер навязчивости.

Он снова взялся за телефон и через десять минут уже ехал в сторону «Октябрьской». В Горном институте на экспертизу стояла очередь не меньше, чем у криминалистов, но Андрей Дружинин составил Ярославу отличную протекцию.

Только бы успеть после этого на повторную встречу с солидным клиентом, которая была назначена еще месяц назад! Там очень непростая ситуация в фирме, нужно обязательно до отъезда проверить и подкорректировать результаты работы! А когда же встречаться с Царевой?! Ей пока звонить без толку. Зато президенту «ЧеНепа» – в самый раз!

Секретарша сообщила, что Евгений Ильич сегодня, к сожалению, будет отсутствовать целый день. «Он плохо себя чувствует», – добавила доверительно. У Ярослава засосало под ложечкой от раскаяния. «Все, опоздал! – подумал он. – Нельзя было откладывать на завтра важный разговор, который касается жизни и смерти! Никогда нельзя человека щадить! Надо резать правду-матку как она есть – пусть лучше испугается! Люди тугоухи – надо орать изо всех сил, чтобы услышали!» Потом он немного перевел дух и попытался уговорить себя, что все еще, может, обойдется; даже сделал несколько движений рукой, структурируя энергию и направляя ее президенту «ЧеНепа»: вдруг да поможет?! Ему даже показалось, что пространство благосклонно отзывается.

Вместе с тем необходимость завершать работу в «ЧеНепе» не отпала: разрыв надо ликвидировать! Обязательно ли это делать сегодня? Пробой частично локализован, все возможные защиты вокруг него поставлены. В конце концов, дыра в совершенно диком виде существует с ноября прошлого года! Глупо заниматься самоедством! Кроме несчастного Евгения Ильича, никто в «ЧеНепе» не собирается помирать в ближайшее время. Завтра

целый день до отъезда свободен. Вот тогда Ярослав и займется латанием дыр...

Наблюдать работу прибора оказалось неинтересно: вся «кухня» – внутри, на монитор выводятся непонятные цифры и графики. Эксперт довольно долго суеился у аппарата, загружал в его недра то «дротик», то какие-то минералы и куски горных пород, тер голову, кричал, бегал пальцами по клавиатуре компьютера. Ярослав нетерпеливо поглядывал на часы, но молчал. Наконец, «дротик» вернулся в его руки, а специалист огласил ошеломляющий вывод.

Структуру вещества, из которого состоял «дротик», было просто невозможно описать. Химических формул, которые, скрипя, выдал суперсовременный, надежный и классный прибор, не существовало в природе и не могло в ней появиться. По данным некоторых анализов, выходило, что «дротик» вообще не состоит из молекул и атомов. Другие пробы показывали некую цельную кристаллическую решетку, образованную неопознаваемыми частицами. Снаружи объект покрывали тонким слоем самые обыкновенные органические и неорганические вещества.

– Исправность прибора вы, как я понял, проверили с помощью других объектов? – уточнил Ярослав, и эксперт подтвердил. – Это не похоже на продукт каких-нибудь нанотехнологий?

– Ничего общего. Сомневаюсь, чтобы... это... могла сделать современная наука.

Сообщение впечатлило Ярослава. То ли магический объект «не захотел», чтобы его исследовали, и «закрылся»? Так бывает. Известны случаи, когда из строя выходила даже самая надежная и кондовая аппаратура. Но тут, к счастью, сверхценный прибор остался невредим. То ли «дротик» и впрямь имеет структуру, непостижимую для современной науки.

– Я могу предположить только внеземное происхождение объекта.

– Значит, метеорит?

«Если так, то все худо-бедно сойдется с ответом!» – понадеялся Ярослав.

– Не берусь утверждать наверняка, – разочаровал его собеседник. – Во-первых, нерасколотый метеорит, по идее, должен иметь округлую форму. Во-вторых, на метеорите, по крайней мере, относительно «свеженьком», должны остаться споры некоторых микроорганизмов, особая «пыль». А поверхность этого камешка до того, как его в недавнем прошлом облапали руками и залили кровью, была практически стерильной...

В половине седьмого вечера Ярослав медленно подкатил к зданию Педагогической академии. Утром он не имел ни малейшего понятия о том, что расскажет своим слушателям, с чего начнет их учить. За рулем, в дороге между важными встречами и переговорами он думал о плане занятия и радовался каждой столичной пробке, дававшей лишние минуты на размышление. Ему было очень трудно: ведь Ярослав со школьных времен не учился ничему систематически! Как только он пытался думать на тему занятий, в голове раздавался равномерный гул большого пустого котла. Но не болело, хоть жара и духота в рекордно короткие сроки внезапным приступом взяли Москву, и вообще поводов для мигрени хватало с лихвой!

– Вот, Ярослав Игоревич, знакомьтесь, – Дружинин был сух и официален, – Марина Николаевна Ковалева, наш аспирант. Она будет курировать твой... ваш курс, помогать вам в обеспечении технической стороны дела: ключи от аудитории, необходимая аппаратура, ну, естественно, мел, тряпки, журналы. Впрочем, журналы – пустая формальность, можешь не заполнять! Мариночка потом все сделает как надо. Только заранее ей говори, если тебе понадобится что-нибудь особенное: проектор там, раздаточные материалы сделать, вертикальный блокнот.

– Да. Ладно. Угу.

Ярослав смотрел на Марину Николаевну очень пристально и не мог понять, что же в ее внешности так цепляет его взгляд. Мало, что ли, он видел красавиц? Ухоженные офисные москвички, сочные, бойкие хохлушки, непередаваемо чувственные женщины Востока... Более того, нельзя сказать, что красавицы радовали только глаз Ярослава. Некоторые из них становились его подругами, хотя внешность никогда не служила ему основным критерием

выбора. Правда, за последние несколько лет его «послужной список» сильно сократился. Верный ученик Григория Матвеева, Ярослав полагал, что за девушкой, какой бы она ни была недалекой, или корыстной, или сексуально неразборчивой, нужно обязательно ухаживать, причем делать это внимательно и красиво. Таким образом ты в первую очередь уважаешь самого себя! А вот на ухаживания у него как раз совсем не оставалось времени...

Марина Ковалева вряд ли заняла бы первое место на конкурсе красоты: не образец совершенства, если придирается к деталям. Однако – вот парадокс! – глаз не оторвать! Небольшого росточка – всего до кончика носа Ярославу. Худенькой не назовешь, хотя размер – не больше сорок второго; скорее тонкая, как хлыст. Ярослав был уверен, что девушка имеет отличную спортивную подготовку. Большие серые глаза искусно подведены и кажутся нереально огромными. И в таких огромных, реснитчатых глазах – ни на волосок наивности или незащитности. Воля, упорство, готовность сражаться за все, за что пожелает. Наверное, так еще казалось из-за строго поджатых губ, по форме, между прочим, весьма соблазнительных! Волосы, выкрашенные в темно-рыжий цвет, слегка вились и при каждом повороте головы разливались за плечами восхитительным беспорядочным каскадом. Длинный нос был прямым и тонким, поэтому вовсе не портил лица, напротив, придавал ему совсем уж непонятный шарм очевидного сходства с каким-то из детства знакомым персонажем, который Ярослав безуспешно силился припомнить. Джемпер с глубоким декольте демонстрировал грудь где-то между вторым и третьим размером, что выглядело особенно привлекательно при общей обезжиренности фигуры. Девушка несла на ногах облегающие брючки, из-под которых выдвигалась, буравя пол, длиннющая острая шпилька, и Ярослав беззастенчиво предвкушал момент, когда Марина Николаевна поведет его вслед за собой по длинному коридору Академии.

– Вам придется сидеть до конца занятия?

– Почему же «придется»? Я рада такой возможности. Мне очень интересно!

Марина умолчала, что специально напросилась курировать группу, которую будет вести человек, заменяющий саму Инну Троицкую. Она чудом об этом узнала, с трудом пробилась со своим предложением услуг к проректору. Марина умолчала обо всем этом, но Ярослав случайно считал.

Они шли по коридору, но не гуськом, а бок о бок. И Ярослав созерцал вместо срейчевых ягодиц Марины Николаевны ее строгие серые глаза. Светская беседа немного отвлекала его от редкостного переживания. Липкий, неугомонный страх теребил сердце. Ярослава колотила мелкая дрожь, которая уже подбиралась к челюстям – зубы едва-едва не стучали; ладони взмокли. Это было что-то из детства: проступок, о котором родители обязательно узнают, но вдруг пронесет, экзамены за восьмой класс...

– Вы к этой Инне Троицкой на занятия не ходили?

– Я у нее училась! – сообщила спутница с непонятной Ярославу гордостью.

– Ну и чему она там вас учила? Я первый раз в жизни веду занятие... Ни хрена не понимаю, как это делать! – пожаловался Ярослав.

Марина Николаевна внимательно посмотрела ему в лицо. Потом бросила взгляд на часы.

– У нас есть еще двадцать минут до начала пары, – сообщила хорошо поставленным голосом, четко проговаривая слова. – Пойдемте посидим в какой-нибудь пустой аудитории – я вас научу главному. Вы почувствуете себя увереннее.

– Идемте! Научите меня главному! – бодро воскликнул Ярослав, уверенный, что пошлит.

– Кстати, вот как раз свободная аудитория. Проходите, – спокойно скомандовала Ковалева, не заметив, что ее спутник пытался двусмысленно пошутить.

Они сели друг напротив друга. Ковалева по привычке – за преподавательский стол, Ярослав в торец этого стола – как студент на зачете.

Спустя двадцать минут Ярослав владел всеми необходимыми сведениями по методике проведения практических занятий. Правда, далеко не был уверен, что сумеет припомнить

полученные знания в нужный момент. Зато он ясно представлял, каким образом начнет работу с аудиторией, и даже нес в кармане листок с планом своей вступительной речи. Страх сменился более привычным для Ярослава азартом. Марина Николаевна превратилась из добросовестного педагога в интересную молодую женщину. Такая яркая командирша, вместе с тем столько внимания и заботы – чудеса!

Они скорым шагом преодолевали коридоры, лестницы, нетерпеливо дожидались лифтов.

– Заковыристое у вас пространство, – заметил Ярослав, – как ловушка!

– Для уловления заблудших душ студентов, – подхватила Ковалева таинственным шепотом. Она широко распахнула глаза, повернув вполборота голову и вперившись в Ярослава талантливо разыгранным магнетическим взглядом.

«Играем или взаправду что-то умеем?» – с улыбкой подумал Ярослав. Заманчивые губы Марины Николаевны дрогнули и расплылись озорной улыбкой в ответ.

– У нас тут настоящий лабиринт Минотавра, – добавила она.

Минотавра Ярослав вспомнил смутно, что было досадно: он считал себя достаточно эрудированным.

– Марина Николаевна, чему вы хотите у меня научиться?

– Я немало умею сама...

Ярослав про себя хмыкнул. Получилось вслух. Спутница заметила.

– Разумеется, у меня нет такого богатого практического опыта, как у вас. – В голосе Марины Николаевны прозвенели льдинки, брови красиво переломились над переносицей: девушка явно осталась недовольна пренебрежительным отношением светила энергоэкологической защиты к ее способностям. Однако Ковалева подавила негодование и продолжила мирно: – Мне хотелось бы научиться помогать тем, кто рядом, защищать их. У Троицкой не успела: хватало более важных на тот момент проблем.

В воздухе повисла конкретная ситуация с конкретным персонажем.

– Кого и от чего вам надо закрыть?

– Закрывать? – Выразительные брови взметнулись в удивлении, которое выглядело несколько высокомерным. Однако Ярослав уже заметил, что высокомерие Марины Николаевны – всего лишь привычная физиогномическая маска. – А, понятно! Всех, кто мне дорог, хотелось бы...

Речь собеседницы лилась ровно; литературные обороты, неизменно правильное построение фраз... Ярославу не хватило терпения дослушать; он перебил:

– Конкретно сейчас что-то стряслось?

– Да, Ярослав, вы угадали...

Они уже подходили к двери, над которой горел красной краской заветный номер. Ковалева замедлила шаг.

– Моему старичку какие-то отморозки на днях чуть не проломили голову.

Яркий образ Григория Матвеева, возникший по ассоциации с пробитой головой, помешал Ярославу считать информацию: о ком идет речь? Мешала еще какая-то несуразность, а времени, чтобы докопаться самому, не оставалось. Ярослав прямо спросил:

– Старичок – это кто?

Серые глаза так тепло засветились, что вмиг преобразилось все строгое лицо.

– Это моя собачка, – мягко пояснила Марина Николаевна.

Вот в чем несуразность! Ярослав-то думал, что речь идет о человеке, но второго человека, помимо Марины Николаевны, в ситуации не чувствовал.

– Старый, веселый такс. Он такой активный, бодрый, живой, как ртуть, несмотря на свой преклонный, по собачьему летосчислению, возраст. Во время прогулки мне за ним не уследить. А таскать все время на поводке жалко: ему будет скучно! Говорят, что таксы кусачие, но он ни разу в жизни...

Несколько дней назад во время поздней вечерней прогулки пьяная компания бросила в собаку чем-то тяжелым, потому что она звонко разлаялась, учуяв алкогольный запах. На

голове осталась ранка, и ветеринар велел понаблюдать, не появятся ли с запозданием грозные симптомы: судороги, параличи, еще кое-какая дрянь. Вроде обошлось, но Марина теперь стала бояться за своего друга.

Пока Марина рассказывала, Ярослав сделал несколько привычных почти незаметных жестов рукой.

– Можете не бояться отпускать собачку с поводка: все будет в порядке!

– Спасибо.

Ярослав отметил, что Ковалева не удивилась его словам и не усомнилась в них.

– Но я не хочу, – продолжила девушка с вернувшимся в ее голос упрямыми интонациями, – вечно зависеть от чьей-нибудь помощи. Я хочу научиться делать это сама. Так что я уж посижу на вашем занятии, Ярослав Игоревич, если вы не против?

– Угу, посидите. Полюбуйтесь, как я буду ковыряться и шлепаться мордой в грязь!

Уже после первой пары стало ясно, что падение мордой в грязь отложено. Как только Ярослав Игоревич объявил перерыв, к его столу рванулись ученики, точнее, ученицы – задавать вопросы о личном.

– У мужа есть конкуренты, они постоянно нам вредят! А если я поставлю защитные покровы на бизнес своего мужа, у его врагов будут проваливаться все их замыслы?

– А если в человека стреляют, пули будут отскакивать от невидимой стены?

– Не совсем так. Враги зевнут, отвернутся и скажут: «На хрена он нам сдался?!» И больше не станут пакостить. Поверьте, ресурсов в мире хватает на всех с избытком!

– А можно убить энергией?

– Редко. Чаще – повредить здоровью.

– А если против меня будет действовать человек, ну там колдун какой-нибудь, с более сильной энергией, что делать?

– Надо перенаправить поток воздействующей на вас энергии на какой-нибудь предмет. Взорвется телевизор или грохнется со стола процессор – де-лов-то! Это же лучше, чем инфаркт... или геморрой!

Во второй части Ярослав перешел от теории к практике. Он попросил всех закрыть глаза, направил на аудиторию поток энергии. Хочешь – прислушивайся к своим ощущениям, хочешь – смотри красивые, яркие картинки. Кто-то мирно засопел носом в сладком сне. Привычная работа с энергией взбодрила Ярослава. Он заметил наиболее талантливых курсистов и курсисток. Еще долго после звонка обсуждали яркий опыт.

Лифты ввиду позднего времени уже отключили, и пришлось пешком спускаться с одиннадцатого этажа. Освещение лестниц, похоже, не было предусмотрено конструкцией здания. Площадки озарялись светом ламп из коридоров сквозь стеклянные двери, а лестничные марши – прекрасной россыпью огней вечерней столицы – сквозь огромные окна с потрескавшимися деревянными переплетами.

Перед тем как ухватиться за перила, Марина Николаевна остановилась на темной площадке и подняла обе руки – поправить волосы. Звезды сияли в ее ладонях. Ярослав видел не каким-нибудь там третьим глазом, а самыми заурядными первыми двумя. С кончиков волос сыпались искорки. Энергия, переданная сегодня на занятии, специально ослабленная им и смягченная, стала для Марины лакмусовой бумажкой: проявился ее собственный потенциал. Настоящий самородок! Притом уже тронутый резцом огранщика.

Предложение Ярослава подвезти ее до дому Марина приняла с удовольствием и без колебаний. Это придало Ярославу уверенности в том, что он давно подозревал: она свободна! Задавать вопросы о личной жизни не стал. Говорили больше о работе, о студентах. Выяснилось, что Марина Николаевна – филолог.

– Разве не скучно раскладывать по полочкам, разбирать по косточкам чужие книжки? – удивился Ярослав.

Поддерживая легкий светский треп, Ярослав подумывал: «Женщина красивая и умная – плюс на плюс. Парадоксальным образом, как правило, дает в итоге минус. А если красивая, умная, да еще и магически талантливая, надо бежать сломя голову. Но куда: к ней или от

нее?»

Выруливая от Марининого подъезда, Ярослав слышал, как наяву, звучащий в ушах голос Любы: «Можно тебе делать детей». Если бы асфальт во дворе не был таким раздолбанным, Ярослав снял бы руки с руля, чтобы прочистить уши. Между тем мигрень, обещанная организмом с утра, не возвращалась, несмотря на лихую усталость, и подтверждала тем самым правдивость другого Любиного пророчества.

Веселый азарт и радостный интерес поднялись и стремительно разрастались в груди. «Что ж, мисс Ковалева, познакомимся поближе, а?»

Однако мысли об увлекательном продолжении приятного знакомства довольно скоро уперлись в завтрашний отлет, в метеорит, который, казалось, свалился на голову не Грише, а самому Ярославу, в плотное расписание встреч с новыми и старыми клиентами, составленное на месяцы вперед, в необъяснимую историю с «галлюцинацией», о которой не хотелось даже вспоминать. Ярослав всерьез подумывал, не отменить ли командировку, и безуспешно искал предлог. Разве что нефтяной промысел исчезнет, испарится. Туда и дорога! Совсем по-другому жило бы человечество, развивая малые энергосистемы...

Размышления на любимую тему становились все более путанными, сладкими... Чтобы не уснуть за рулем, Ярослав включил радио. Первым, что он услышал, оказалось чрезвычайное сообщение из Ближневосточного региона. В страну, куда на завтра были куплены авиабилеты, на две недели раньше запланированного срока началось вторжение, и фанатичные аборигены взорвали собственного кормильца – нефтяной промысел. «Господи, – подумал Ярослав, промакивая платком вспотевший лоб, – уж не я ли это сделал?!»

Вчерашнее видение: белый мальчик, играющий среди арабских детей. Простая формула самой сильной в мире магии: «Хочу и могу! Воля моя тверда!» Не была ли та галлюцинация предупреждением? Может, Ярослав увидел сказку о самом себе? Он так сильно пожелал, чтобы внешние обстоятельства избавили его от поездки!

Через некоторое время в сознание прорвалось:

«И снова – к сообщениям с Ближнего Востока. Напомню, что сегодня в шесть тридцать утра...»

– В шесть тридцать утра?

Ярослав расхохотался. Добавь к паранойе манию величия – получишь джентльменский набор любого эзотерика! Всего лишь стелепатил информацию, которая витала в пространстве. Теперь впереди целая неделя, свободная от всяческих деловых планов!

Бодрый петушиный крик вписался в приподнятое Ярославово настроение. Он нажал кнопку динамика, не глядя на экран.

– Ярослав, добрый вечер! Это Ксения Царева вас беспокоит.

– Ксения! Я хотел бы сказать, что рад вас слышать, но вы... Что-то случилось?

– Случилось. Извините, уже поздно; вы, наверное, отдыхаете...

В трубку напористо врывались, мешая разбирать слова, звуки ритмичной музыки. Какая-то танцевальная мелодия. Не вальс, но нечто знакомое. Слышались мужские и женские веселые голоса. Вот так несчастная страдалница! Уж не в ночном ли клубе «отрывается» Ксения? Что плохого, если это помогает ей избавиться от тоски? В тихом омуте...

– Вы тоже отдыхали! Что стряслось?

– Мне только что позвонил Анатолий Иванович и сообщил, что Евгений Ильич попал в больницу. Он плохо себя почувствовал еще вчера, уехал с работы. Состояние очень тяжелое. Я подумала: этот пробой... мой... он не мог повлиять? Можно что-то сделать, исправить?

Ярослав слышал и чувствовал, как расстроена Царева, как переживает и как рвется помочь шефу.

– Успокойтесь. Вы тут совершенно ни при чем, – соврал Ярослав. – Евгений Ильич давно серьезно болел. Я говорил с ним об этом. Он знал. Я предупредил, что его лечат хреново. Сказал: отличная тетка есть, бегите к ней, срочно! Он не послушал. Теперь ему только Господь Бог поможет!

– Да, я тоже намекала ему, что есть нетрадиционная медицина. Надо только найти честных людей, хороших специалистов... Где там обсуждать, даже слушать не хотел!..

– Может, теперь послушается, – утешил Ярослав, сильно сомневаясь в сказанном.

Мужика было жаль; Ярослав явственно видел начертанное в пространстве предопределение его судьбы.

– Что это у вас там за музыка играет? – любопытствовал, чтобы перевести разговор и избежать дальнейшего вранья.

– Да это я на уроке танцев, – вздохнула Ксения. – Он уже закончился, а некоторые еще тренируются...

Ярослав ей посочувствовал: только начала выбираться из депрессии – тут новая беда!

– Ого! Вы занимаетесь танцами? – воскликнул он бодро. – В конкурсах участвуете?

– До конкурсов мне еще далеко. Я недавно начала. Но на уроки хожу четыре раза в неделю, так что надеюсь скоро ликвидировать свою танцевальную безграмотность!

– Когда ж вы начали?

– С декабря. Я бы иначе не выжила, – добавила Ксения, как бы извиняясь.

– Так вы из-за танцев сидите на работе допоздна? – озарило Ярослава.

– Да. Урок начинается в девять. Куда податься? Каждый день в кафе – приедается, а на работе всегда есть дела. Зато утром можно попозже прийти!

– Ну и танцуйте, правильно делаете! Я завтра приеду в офис. Закажите мне пропуск! Добьем эту вашу дырку, не переживайте!

– Договорились, спасибо!

– Не за что. Это моя работа.

Вокруг Ксении облаком витали печаль и тревога... Но пространство, в котором она находилась, было гармоничным, довольно светлым и – целостным! Разлом пространственно-временной структуры остался в стенах «Черемушки-Нефтепроекта», он продолжал украшать опустевший на ночь кабинет главного психолога компании. И так, «дырка» привязана не к человеку, а к месту. Пока совершенно не ясно почему.

Пробой, конечно, подтолкнул президента «ЧеНепа» к финалу. Но верно и обратное: балансирование президента на грани жизни и смерти увеличило разлом. Вот что теперь окончательно понял Ярослав! Евгений Ильич с отцовской нежностью относился к Ксении, он и впрямь считал своего главного психолога «душенькой» – душой всей организации, ее сердцем, ангелом-хранителем. Короче, он эмоционально опирался на Цареву. Такой опоры он, похоже, не находил в собственной семье. Поэтому его близость к могиле, то отверстие в толще всех семи земных пространств, которое уже разверзлось перед ним, незаметно добавило глубины и разрушительной силы ее собственной беде. А третьей, и более явной, стороной беды был Григорий. Вот такой получился треугольник утрат...

Ярослав заснул, едва повалившись в кровать. Последнее, что он слышал, было громкое урчание Скинхеда. Последнее, что ощущал, – тяжесть и тепло кошачьей тушки поперек своих голеней. Те же самые впечатления встретили его при пробуждении: свежий воздух, напоенный сладким ароматом черемухи, из открытого окна, урчание кота и его теплая возня у хозяина в ногах. И отсутствие необходимости спешить. После завтрака Ярослав нагло забрался обратно в постель и раскрыл дневник Царевой.

Незачем мучить женщину новыми расспросами! Если просить Ксению рассказать все, что его интересует, она опять будет пробиваться сквозь рыдания в борьбе за внятное произнесение каждой фразы... Кроме того, те подробности, которые так много говорят Ярославу и так сильно его настораживают, Царева попросту не догадается озвучить. Он дочитает ее записки и все поймет сам! А затем поедет в офис и выполнит обещание.

И еще: если «галлюцинация» все-таки наведена Ксенией, то дневник надо читать с удвоенным вниманием!

«В субботу он писал – уже с дачи, что катался на сфере без какой-то там трапеции и его унесло далеко, трудно было возвращаться. Я: «Всегда догадывалась, что это опасно, но теперь знаю, что может случиться, и буду волноваться за тебя, как положено!» Он: «Спасибо!» На следующий день я – ему – преданно: «Будешь кататься – надень трапецию!» Он: «Спасибо!» Вечером: «Катался, и – уж извини! – опять без трапеции». Я плавилась от удовольствия этого частого, всегда неожиданного, непредсказуемого общения. Начинала дергаться, если он вдруг пропадал, и переживать: не написала ли что-то столь коряво, что обидела его. Иной раз из-за этого вновь выходила на контакт первой: лишь бы загладить и выяснить, не дуется ли. Каждый раз оказывалось, что дергалась я зря. Например, отправляю записку с шуточным текстом, потом соображаю, что, если воспринять этот текст всерьез, то получится совсем другой, нежелательный смысл. Досылаю вслед смайлик. Вторая эсэмэска доставляется ему с сильным опозданием. Он: «Не понял. Но весточка от тебя радует!»

Хотела понять его отношение ко мне, намерения. Постаралась не головой это сделать, а почувствовать. Возникло очень сильное ощущение, будто он взял меня в большой кокон, как бы окружил собой...»

«Ай да Ксения!» – мысленно похвалил Ярослав. Так оно и бывает, если один человек заинтересован в другом.

«В следующий вторник буду в Москве: отпуск закончился. Пишу об этом и добавляю: «Если хочешь, воспринимай информацию как намек!» Он: «Ура! Конечно, хочу тебя видеть!» Жутко приятно: не ожидала такой пылкой радости и такого легкого подъема навстречу, учитывая, как долго мы уговаривались о свиданиях весной! Спросил, что меня интересует, куда меня повести? Ответила, что не в курсе последних событий культурной жизни, не знаю, что хорошего идет в театрах. Он: «Намек понял! Буду рыть в этом направлении!» Опять приятная неожиданность: я и не думала делать намеков, ляпнула первое, что в голову пришло.

На даче наконец восстановили электричество. Я поделилась радостью. Эсэмэс от него в субботу: «У меня сегодня день неудач: зашел в театральную кассу – она закрыта, купил тебе в подарок лампочку на батарейках – она уже не нужна». Третья неудача касалась авто: что-то там такое поломалось, что пришлось оставить машину в сервисе. Окончание записки: «Наверное, все это – к большой удаче!» Мне купили подарок!!! Я ответила, что лампочка все равно очень пригодится, театральные билеты – это совсем не обязательно. Единственное, что удачей не назовешь, – поломка авто. Посочувствовала, что пришлось ему ехать на дачу поездом. Он ответил: «Люблю ходить в народ». Потом спохватилась и отдельной запиской добавила, что желаю ему большой удачи. Опять энергично благодарил. Прислал забавную зарисовку. Ехал в электричке, там и присмотрел для меня лампочку. Сидевший рядом мужик осудил: здесь продают вдвое дороже, чем на рынке. Он все-таки купил. Мужик сказал: «*Аллигарх* – он и в Африке *аллигарх*!» (видно, смешались в его голове олигарх с аллигатором).

В понедельник он поздравил меня с началом августа. Написал: «Будем любоваться звездами?» Восхищенная совпадением вкусов, ответила: «Любимое занятие! Будем обязательно!» Интересно, что потом, сколько мы ни оказывались на природе ясными вечерами, созерцание звезд ограничивалось у него максимум двумя минутами.

Понедельник вечер – я в Москве. Он эсэмэской просил позвонить, когда буду дома. Пишу ему: звони сам, я не знаю твоего домашнего номера.

Позвонил. Болтали довольно долго. В какой-то момент он спохватился:

– Да! Запиши мой домашний телефон! И рабочий.

– Зачем рабочий? – засмушалась я, как будто он собрался выдать мне государственную тайну, после чего я на веки вечные останусь под подозрением.

Он легко согласился:

– Ну, как хочешь!

– Все-таки давай!

Продиктовал, и я подумала: значит, все же серьезно настроен!

Увидеть его, прикоснуться к нему хочется безумно! Если домой позовет – не откажусь! Итак, завтра, во вторник! Я – на работу, а после – с ним в театр на Таганке. Он сказал, что взял билеты на первый попавшийся спектакль – только потому, что театр известный. Комедия. Хорошо.

2 августа. Вторник.

Я работаю, он тоже. Договорились встретиться в метро, чтобы не маяться по центру в вечерних пробках.

У меня – радость: начальство из добрых чувств и по причине летнего затишья разрешило приходить на работу только три дня в неделю! Не зря я живописала в красках – безо всякой задней мысли! – все трудности и курьезы строительства.

Жарко. Надела длинный сиреневый сарафан за то, что хорошо облегает фигуру, и белые босоножки на высоком каблуке – за неимением выбора. Мне так сложно обувь подобрать! В босоножках к моменту встречи уже успела стереть ноги.

Стою на платформе. Опаздываю: поезда на линии плохо идут, поэтому нервничаю. Звонит. Он опаздывает еще сильнее: забыл дома билеты, и пришлось за ними возвращаться с работы. Потом я поняла, что это одна из его характерных черт – опаздывать – из-за неорганизованности и сбоя в прогнозировании ситуации. Долго ждала его на «Октябрьской», напряженно вглядывалась в лица. Он заметил меня издали, неторопливо подошел. Широко улыбается. Приветствуем друг друга. Так хочется, чтобы поцеловал! Нет, проявил сдержанность. Оказывается, он на машине. Бросил ее где-то в районе «Белорусской».

На даче, где я бегала в шлепках на плоской подошве, он был значительно выше меня, а тут с тревогой обнаруживаю, что на высоком каблуке я вровень с ним. Он, к моему удивлению, в театр оделся как на прогулку по парку: те же бежевые джинсы. Правда, белая рубашечка с коротким рукавом. Ковыляю. Жалуюсь, что натерла ноги. Он: «Мне эти твои босоножки не очень нравятся». Ну вот! Зря мучаюсь в них! Лучше бы на буксир взял! А он руки не предлагает. И опять же, нет бы самой попросить! Странно. Вспоминаю себя, будто чужого человека. Года не прошло... Наверное, босоножки-то мои не понравились ему именно из-за высоты каблуков...

Летняя толпа у театра всегда дышит таким легким, радостным праздником!

Купил программку, отдал мне. Прочитала – возвращаю ему. Он:

– Не надо, я там все равно ничего не прочитаю: очки с собой не взял.

Он читает в очках? Как трогательно! Мужчина в очках всегда вызывает у меня нежность. Очередной привет от Электры: и отец, и дед на моей памяти – «очкарики». Спросила:

– Хочешь, я тебе прочитаю?

Он как-то не заинтересовался.

Комедия оказалась глупой. Он смотрел на сцену с глубоким недовольством, без улыбки. Каждый раз, смеясь в тех местах, где это было возможно, я испытывала неловкость: еще сочтет меня недалекой. Но потом и он стал посмеиваться. Иногда мы переглядывались, но по моей инициативе. В антракте он сказал, что сначала удивился низкому уровню спектакля, а потом расслабился и стал веселиться над тем, что дают.

У него с собой была большая бутылка воды. Он прихлебывал в течение всего действия, а мне не предлагал. Я тоже хотела пить, но стеснялась попросить. В антракте он, наконец, спросил. Я ответила, что хочу. Он передал бутылку со словами: «Ну вот, я, оказывается, вел себя неприлично: надо было тебе предложить, а я пил сам!» Может, он не ожидал от девушки такой сдержанности. Во время следующего действия мы передавали бутылку друг другу. Я радовалась возможности подержаться за вещь, к которой прикасались его руки, губы. Он взял нам по пластиковому стаканчику шампанского. Объяснил, что машину потом можно вести: все выветрится!

Подвел меня к прилавку, где продавались билеты. Предложил еще куда-нибудь сходить. Я – с радостью! Стали выбирать. Обратила внимание на спектакль «Иствикские

ведьмы». Показала ему. Спросил:

– Ты интересуешься ведьмами?

Я вспомнила многочисленные шуточки с подругами на эту тему.

– Я сама ведьма!

– Не шути так! Возьми свои слова назад!

Попыталась объяснить, что под словом «ведьма» понимаю человека, который обладает знаниями, «ведает». Он ни слушать, ни обсуждать не хотел:

– Я всего этого не люблю и боюсь!

Несколько раз попросил меня в тот день и позже взять свои слова назад. Я то отшучивалась, то переводила разговор – не взяла. Ох, и упряма я! За что и страдаю!

Его заинтересовал спектакль «Желтое танго» – биография Вертинского с его песнями в исполнении тогда еще не раскрученного Погудина. Я согласилась. Вертинского не особо любила, но умолчала об этом: не все ли равно? Спектакль – через две недели, в конце августа, в четверг. Рада: это гарантирует нам еще одну встречу!

После спектакля он предложил зайти в кафе напротив. Ели мороженое из вазочек, болтали. Позвонил один из хронических ухажеров. Я не нашла ничего умнее, чем сделать сброс. Это повторилось дважды. Наверное, выглядело подозрительнее, чем если бы я приняла звонок и сказала, что не могу разговаривать. Сидела спиной ко входу. Уже похолодало. Дуло из открытой двери. Пожаловалась ему, надеясь, что предложит поменяться местами, но он не предложил, даже когда я накинула припасенную кофточку-сеточку. Появление кофточки из маленькой театральной сумки прокомментировал с восхищением.

Потом ехали в метро до «Белорусской», сидели рядом. Радовалась, когда, жестикулируя, мы случайно соприкасались руками. Остро хотелось прикоснуться к нему, прижаться. Оживленно болтали. В голове вертелась фразочка из «Гусарской баллады»: «Она сама чуть не рвалась из платья!» А он, как нарочно, не проявлял инициативы. Будто и не он выдумал и целую неделю активно поддерживал переписку, рвался выполнить любое мое пожелание в плане культурной программы и смотрел на меня с такой решимостью из-под паруса резвой лодки...

Когда уже ехали в машине, он сказал мне сакраментальное: «Ты – психолог, ты меня, наверное, насквозь видишь!» Стала привычно объяснять, как на самом деле устроено зрение у психологов.

Наблюдала, как он ведет: осторожно, четко, уверенно. Еще прежде знала, что по городу он предпочитает перемещаться пешком, даже с тяжелыми вещами. На авто – только на дачу. Тем ценнее было, что в первые наши свидания он все-таки старался меня возить – даже утром по пробкам один раз вез до дома! Забавно, что у меня – та же картина. Но тут сходство не радовало: могла легко его понять, но я же – женщина! Я десять лет вожу и до сих пор неуверенно себя чувствую, даже недавняя покупка иномарки не спасла. Призналась, что он – загадка для меня; встречаю такое впервые: человек хорошо водит, но не любит этого. Он рассказал случаи из своей водительской практики. Как на проспекте на полном ходу у нынешней его машины открылся капот, разбил стекло, еще что-то повредил. А давным-давно, когда он еще «донашивал» отцовскую «Волгу», задумался и на перекрестке сильно стукнулся с другим авто. Сам был виноват.

Впоследствии я наблюдала, что он бывает разным за рулем. Он объезжал пробки по пыльной обочине, но не на большие расстояния; отказывался пустить кого-то без очереди в свой ряд; ругался на медленно едущего старичка; резко перестроился перед стоящим на красный свет грузовиком, вырвав едва ли не на пешеходный переход. Вся его манера вождения: неохотно, но умело; то излишне осторожно, то пылко, упрямо, порывисто; то осмотрительно, то невнимательно; то строго по правилам, то нарушая; с одной серьезной аварией и недлинным списком мелких инцидентов, – вся его манера вождения подтверждает мою теорию: как мужчина ведет себя за рулем, так и с женщинами. Если собрать статистику, наверное, число аварий у каждого совпадет с числом разводов и крупных разрывов...»

Ярослав не мог определить, чего ему хочется сильнее. То ли схватить Ксению на руки и

подбрасывать в воздух с криками «Виват!» за ее такие точные и тонкие наблюдения, за то, что он после пятнадцати лет дружбы не сумел бы лучше описать поведение Григория и понять его характер, чем она – за каких-то несколько месяцев. То ли поколотить ее, наплевав, что женщина – за скрупулезную, занудную въедливость анализа там, где логика и расчет вообще не имеют права на существование, ведь должно говорить только женское сердце!

«Повез в Кунцево. Было около полуночи. Мама позвонила узнать: «Ты домой или как?» Я просила оставить дверь не на «собачке», чтобы открыть своими ключами. Он, весело: «Мама спрашивает, будешь ли ты ночевать дома?» Я промямлила, что-то про «собачку» и цепочку. И добавила, что никого не огорчит, если я буду ночевать не дома. Но он машину не развернул.

Думаю, полусознанно он гениально доводил меня до той кондиции, когда я уже сама не просто соглашалась быть с ним, а стремилась к этому всем существом, всеми помыслами.

У подъезда, прощаясь, он отдал мне свой подарок – круглую белую лампочку, которая ярко горит на пальчиковых батарейках. При мне сам вставил батарейки: «Туго открывается крышка. Ты не справишься. Так что, как только закончатся батарейки, вызывай меня, чтобы поменять! Я сразу приеду». Однажды я воспользовалась его предложением. Потом, когда такой возможности уже не было, а лампочка гасла, лила слезы и думала: ведь он обещал, значит, если попрошу – выполнит!

Лампочка оказалась чудесным предлогом, чтобы его поцеловать. И снова он мою инициативу не развил.

Все же я вернулась домой довольная, с таким дорогим подарком!

В какой-то момент этого же дня он говорит: «Ты мне уже немножко доверяешь: знаешь, что не брошу «в набежавшую волну»...» Я поражаюсь его словам, так скоро произнесенным, и радуюсь, принимая за не очень тонкий намек на его ко мне отношение. Он, призадумавшись, честно добавляет: «...пока!» Намек приобрел зловещий оттенок.

Как-то мы уговорились, что он снова придет ко мне на дачу в ближайшее время. Не помню, в какой момент, может, по телефону, когда я была еще в Москве, он рассказал, что неподалеку от моей дачи живут его хорошие друзья – семейная пара. У него родилась идея встретиться с ними там и вместе покататься по водохранилищу. Меня удивила его фраза: «Можно пригласить их к тебе туда...» Он распоряжается моей дачей! Однако виду не подавала, идею одобрила. Потом он долго с ней носился, я только предложила обедать не у меня – негде же! – а в ресторане поблизости к яхт-клубу. Он: «Ну разумеется!»

Опять в течение недели обменивались эсэмэсками. Он позвонил, чтобы согласовать день приезда. Я сказала: можно в выходные – времени больше, но будут родители – это уже другой формат общения. А если хочешь – снова во вторник, когда все, кроме меня, в Москве. Думала: может, ему интересно познакомиться с моим старшим поколением. Но он выбрал вторник. Меня это больше устраивало. Так ждала его приезда и так боялась, что он отменит по какой-нибудь причине! Захватила лучшие фотоальбомы – показать, разделить с ним радость от такой красоты.

9 августа. Вторник.

С утра небо хмурилось, дожди шли. Я пала духом и была почти уверена, что из-за погоды он отменит визит. Решила слегка манипулировать. Написала: «Гриша, ты приедешь или бросишь меня наедине с дождем и печалью?» Он ответил неожиданно просто: «Приеду в любом случае: соскучился!»

На сей раз я отлично себя чувствовала, готовилась с радостью. Было сыро, но тепло, так что опять надела шорты, смущаясь своего в них подросткового вида. Надеюсь, что в такую погоду он не потащит меня кататься: хотелось сидеть в домике, разговаривать, смотреть в его лицо. И вовсе не хотелось мокнуть в лодке под дождем!

Он позвонил с полдороги: мол, подожди, немножко застрял в какой-то пробке из-за ремонта на трассе. Хотелось ответить: конечно, подожду, куда ж я теперь от тебя денусь?! «А твои друзья приедут?» – «Нет».

Еще он, когда договаривался по телефону о приезде, успел произнести нечто многообещающе-эротическое. Мол, поцелую в щечку, в то самое место, где заканчивается завиток волос. По-моему, я глупо смеялась, не надеясь ответить что-то умное. А может, это в другой раз было, позже...

После звонка с середины дороги он прибыл неожиданно скоро. Я только собралась выйти встречать – уверенный стук в дверь. Не успела отреагировать, как дверь сама отворилась. Вместе с освежающим запахом дождевой сырости он на пороге! Такой высокий (я-то босиком), статный, подтянутый, загорелый, цивильно одетый! Улыбается не социальным оскалом во все 32 зуба, а как-то очень по-домашнему: и тепло, и весело, и уверенно. Увидела его в тот момент таким молодым, таким красивым! У него заняты обе руки: в одной – неизменная сумка-холодильник, в другой – еще какая-то сумка. Я тянусь к нему поцеловать, а он в это время поднял голову в своей обычной манере, высматривает, куда бы сумку пристроить, и вообще в ситуации ориентируется. Достала только до подбородка, чмокнула. Первое, что он сказал, увидев меня: «Ты надела мои любимые шорты. Спасибо!» Огорошил: я-то смущалась! Позже услышала от него, что у меня красивые ноги, которые необходимо почаще и побольше открывать.

Неожиданно предлагает: «Поедем погулять! Вдруг дождь закончится? А если нет, ну просто на машине прокатишься. А то ты, наверное, одурела уже сидеть в четырех стенах!» Внутренне заскулив, соглашаюсь, собираю вещи. Никуда не хочется выбираться в такую сырость. И в лодку совсем не хочется: хлопотное это дело – все время пересаживаться с борта на борт, уворачиваясь от гика. И штормовое предупреждение объявили.

Сейчас удивляюсь: как я мучительно сопротивлялась прогулкам, любой физической активности! Я сильно изменилась с тех пор! Шило выросло там, где надо; чувствую себя плохо, если за день не прошла хотя бы нескольких километров. Это он выдернул меня за уши в активную жизнь, только не тогда, когда мне было с ним хорошо, а когда стало без него худо.

По дороге обсуждаем эсэмэс-переписку. Говорю, что ему, наверное, не очень нравится так много писать. Он признается: трудно и читать, и писать – надо очки надевать, попадать пальцами в крошечные клавиши. Я сообщаю, что тоже не фанатка эсэмэс. Он – неожиданно: в переписке посредством эсэмэсок есть своя прелесть – в их краткости, в их мимолетности!

Едем. Сильный дождь. Через 20 минут у поворота к яхт-клубу он уже закончился. Парковка, еще 5 минут на спуск к воде – солнце сияет в голубом небе, и лишь кое-где красивые белые кучевые облака.

На этот раз он решил взять другую лодку – попробовать такую, на которой прежде не ходил: «Финн» называется. Клубному мальчишке сказал: «Я больше серфингист, чем яхтсмен». Кажется, она побольше предыдущей: в ней удобнее было размещаться. Сумки надо оставить в ангаре. Перекладываю в карман шорт 200 долларов, заначенных на нужды строительства, и остаюсь в майке поверх купальника, а сверху в джинсовке – от холодного последождового ветра, поверх нее, в свою очередь, спасательный жилет. В одну из более поздних встреч я – недовольно: «Там такой ветер!», он – с нежностью: «Ветер – это же счастье!»

Он и мальчик из клуба опять долго готовили лодку, я сидела на пеньке. В какой-то момент он поднимает взгляд в мою сторону и улыбается как бы про себя. В этом взгляде столько нежности, любви, умиления. Я сразу и вижу по направлению, и понимаю по содержанию, что взгляд обращен не ко мне. Он даже не замечает меня в это мгновение. Потом я обернулась. Позади ходил по лежавшим на берегу перевернутым лодкам малыш лет полутора-двух. Я подумала, что было бы чудесно, если бы однажды он с такой любовью посмотрел на меня. Но все равно очень приятно и радостно, что он так смотрит на чужого ребенка, что он вообще способен на такой взгляд! Позже напомнила ему этот эпизод. Удивился: «Дети! Ну как же их не любить?! Конечно, меня не умиляет, когда они кричат, капризничают. Но это родители виноваты. Ребенка всегда можно направить, как надо, отвлечь...»

Идем на середину – на сей раз осваивать другой отрог водохранилища. Ветер порывистый. Дошли до места, с которого виден мост через Вейну, дальше открылась широкая перспектива: очень интересно попасть и за тот поворот, и за следующий! Хочется нам обоим. Но он долго колеблется и возвращается с полпути: сильные порывы – рискованно уходить далеко от базы. Утешаю нас обоих: «Можно будет потом проехать на машине, чтобы посмотреть те места, куда не дошли на лодке» Он: «Это не спортивно!» Вместе решаем: что ж, будет куда отправиться в следующий раз! Идем в обратный путь вдоль противоположного берега.

Красивый островок на пути, необитаемый, но явно посещаемый: среди прибрежной травы утоптан широкий проход к воде. Он предлагает туда причалить. Я уже втянулась в водную прогулку, вошла в режим путешествия, я – за! Но ветер у берега силен и коварен, не дает безопасно подойти. А как на этом «Финне» убрать парус, он не знает. Решил оставить затею с причаливанием к необитаемому острову, но внезапно вновь направляет лодку к берегу. Подходим ближе, опять не удастся. Он еле удерживает парус. Объясняет мне, как нужно действовать, если перевернемся. Я выслушала, но не поверила, что это серьезно: он же такой опытный! Буквально через минуту он не справляется с новым порывом, я вижу, как лодка медленно заваливается на мой борт. Еще есть надежда. Брызги летят, еще думаю – обойдется...

Новый миг – и ясно: не обошлось! Не страшно ни секунды: рядом же профессионал! Только очень противно, что сейчас окажусь в холодной воде. И вот соскользнула в сероватую толщу воды. Перевернутая лодка накрывает, как крышка большой кастрюли. Нереально разобраться, где верх, где низ. Дышать перестала вовремя – не нахлебалась, чувствую себя бодро. Ориентируюсь, куда выплывать. Без паники погребла из глубины на поверхность. Вынырнула – отплеываюсь, протираю глаза. Приятно, что вода оказалась очень теплой! Он тоже на поверхности. Потом говорил, что сразу после погружения бросился меня вытаскивать. Не заметила, но верю. Я-то гордилась, что все делаю самостоятельно, хотя еще спасжилет здорово помог!

«Вот это неожиданно! – изумился Ярослав. – Правда, считается, что стихию легче разбудить, чем обуздать. Одно дело – пригласить на помощь легкий бриз, другое – остановить шквал!» Вспомнился белокожий мальчик из видения с его игрушечным змеем. Мороз побежал по спине, хотя Ярослав еще ничего не понимал.

«Перекинулись какими-то шутками. Буквально сразу он начал восхищаться моей выдержкой и долго потом не мог остановиться: что я не рыдаю, не закатываю ему истерик на тему «куда ты меня завез, что ты со мной сделал?!». Стал думать, как быть. Буксировать лодку к берегу, вылезать, сохнуть? Вплавь – до базы? Попробовать ее перевернуть обратно? В возможность перевернуть он практически не верил. Долго бултыхались в воде. Надеялись, что нас заметят из клуба – как бы не так! Хоть и теплая вода, я стала замерзать – зубы застучали. Он все что-то там решал. Думаю: хоть бы отпустил меня до ближайшего берега! Но молчу. Наконец, он попытался перевернуть лодку. Меня проинструктировал, как помочь и как потом увернуться. Неожиданно быстро все получилось! Я видела, какое огромное усилие он приложил.

Мачту положили, поскольку он не придумал, как отцепить от нее парус. В лодке я сняла с себя все мокрое, осталась в купальнике. Но солнце светило, ветер по-вечернему стих, было тепло. Все мокрое развесила сушиться на мачте. Получилось забавно, неаккуратно, уютно – по-домашнему. Он тоже что-то повесил сушиться. Только теперь я спохватилась: как там мои доллары?! Они мирно лежали в кармане шорт, только намокли. Он бурно радовался, что, плотно засунутая под банку, сохранилась бутылка его любимой минералки: «Архыз» спасен!» – и гребок (короткое весло). Вот этим-то орудием он и погреб в сторону клуба.

Он высказался в том смысле, что вот все-таки бросил меня «в набежавшую волну». И подчеркнул: «Это тебе месть за ведьму. Зачем ты меня пугала?! И я тебя за это напугал! Возьми свои слова назад!» Я: «Ты ведь уже меня бросил в волну, осуществил угрозу! Так что

мне теперь не страшно. Какая же это месть?» «Ведьму» назад так и не взяла. Больше он эту тему не поднимал. Должно быть, из опасной, но загадочной я превратилась в обыкновенную, но упрямую...

Пока доплыли, я уже совсем обсохла. Вылезая из лодки, я предпочла забыть в ней подмоченный «Архыз»: вдруг под крышку нацедилась сырая вода!

Не помню, почему со всеми вещами мы возвращались не по берегу, а по мосткам. На берегу – мать с тем самым малышом. Ребенок запулил в речку мяч и теперь ревет: и мяча не достать, и мать костерит! Григорий кричит ему с мостков: «Не плачь! Вернем твой мячик!» Мальчик на него и внимания не обратил. А Гриша стремительно передал мне свой пакет – вышло, что я стою с двумя объемистыми сумками – встал на колени, протянул руки вниз – как раз туда, где в тот момент под мостками проплывал мячик, и выхватил из воды. У меня аж дыхание захватило: выйдет ли? Успеет ли? Получилось очень ловко! Он торжественно понес мячик, а я позади тащила две сумки...

Парадоксально, но, на сей раз мне хотелось искупаться! То есть нормально поплавать в такой теплой воде – без спасательного жилета, джинсовой куртки и долларов. Предложила, он согласился. Но я долго плавала, а он быстренько туда-обратно – и на берег. До сих пор не знаю, почему: замерз? устал? не хотел плыть так же медленно, как я?

В уютном ангаре, спрятавшись за серфовым парусом, переодеваюсь. У каждого из нас большая часть вещей вымокла, но оставался сухой запас. Он предложил мне свои шорты и рубашку. Но у меня были джинсы, взятые на случай вечернего холода. Надела их, а сверху – его синюю рубашку с коротким рукавом и оранжевыми пальмами. Мне сразу стало так хорошо, так уютно в ней!

Идем к стоянке вверх по крутой асфальтированной дорожке. Он скоро шагает и продолжает восхищаться моей выдержкой, а я ему, задыхаясь: «Только я не умею так быстро ходить в горку!» – «Прости!» – сбавил темп.

Бросили вещи в багажник. Он подошел ко мне вплотную, посмотрел сверху вниз в лицо и молча стал целовать в губы. Теперь не предупреждал: давай, мол, поцелуемся! Я ясно сознавала, что мы делаем это на глазах у охранника. Он целуется именно в той осторожной, легкой манере, которая мне нравится! Все происходило так естественно, как дышится, и с таким удовольствием, как дышится чистым горным воздухом!

Я впервые села в его машину совершенно спокойная, расслабленная, подтянула джинсовую коленку к подбородку. Чувствовала себя раскованной, привлекательной, желанной. А главное – что все определилось и все уже хорошо! Уверена: если бы не «кораблекрушение», мы не сблизились бы так быстро и просто...

Ярослав остановился. Перечитал последние несколько фраз. Вернулся к описанию рубашки Григория, которую надела Ксения. Опять мороз побежал по коже. Позавчера внутри собственной машины он не просто встретил астральную проекцию Ксении. Он побывал в прошлом этой женщины. Что-то будет дальше?.. Додумывать не хотелось. Ярослав предпочел зацепиться за текст. Похоже, там есть все ответы на его тревожные и безумные вопросы!

«Рабочие опять свалили раньше, чем мы вернулись. Он поставил жариться семгу. Пока рыба готовилась, повела показать дом, который уже оброс стенами и теперь изнутри покрывался вагонкой. Зашли в комнаты. Так умилял его вид в фартуке! Так тянуло к нему. Обняла. Снова стали целоваться. Ровно в тот момент, когда я подумала, что пора пойти проверить плиту, он сказал: «Прости за прагматизм. Надо идти: рыба сгорит!»

По возвращении отправилась развешивать наши вещи сушиться. Он хотел оставить свои до дома. Я ответила: не люблю, когда в пакете преют мокрые! Он согласился – вешай! «А соседи не будут удивляться, что у тебя на веревке висят мужские трусы?» Мокрые деньги расклеила по стеклам окошек. Он все это фотографировал, я смеялась: компромат! Отец не должен увидеть этих фотографий!

Розетка в домике одна. Когда плитка работает, опасно включать еще и свет. Для готовки он зажег над плитой лампочку на батарейках – свой подарок, а я светила ему

фонариком, пока он рассматривал мои фотоальбомы. Фонарик горел тускло, но он уверял, что все хорошо видит. Однако не похвалил даже тех кадров, которыми восхищались все. Я была разочарована. Позже выяснилось, что ничего он там толком не разглядел. А может, мысли были заняты другим.

Все-таки я еще трепетала перед предстоящими нам переменами, поэтому для храбрости надралась привезенного им белого вина. После еды он произнес чудную фразу: «Давай положим вместе!»

Ярослав с запозданием обнаружил, что находится на пороге описания любовной сцены, главным действующим лицом которой будет его старший друг и учитель. Он зажмурился, чтобы не видеть строк, по которым автоматически бежал взгляд, но успел выхватить что-то, к своей радости, вполне целомудренное:

«...Разговаривали. Он сказал: «Я всю неделю мечтал об этом: твоя голова на моем плече!» И меня буквально преследовала эта простая фантазия... Сказала: «Гад! Вот почему я всю неделю мучилась, только об этом и думала!»

Ярослав отжмурил один глаз. Ему снова повезло – ничего интимного: «...это только с женой. Хотя бы гражданской!» Я услышала так: меня зовут в жены, для начала – гражданские!..»

Ярослав заметил, что пропускает куски текста не случайно: они вычеркнуты простым карандашом. Не замазаны, а просто вычеркнуты. Мол, если ты человек порядочный и нет суровой необходимости, не читай это, пожалуйста! Он отер выступивший на лбу пот. Такую пытку могла придумать только женщина! Не потому, что так уж хочется заглянуть в запрещенное, а потому, что оно же само лезет в глаза! Он положил тетрадь на колени и закрыл широкими ладонями весь текст, кроме следующего разрешенного участка. Свободным от карандашного барьера оказался вовсе обрывок без начала и конца:

«Ни разу позже он не обращался ко мне так: «моя родная». Я решила: раз он предоставляет выбор мне, значит, сам был бы не против, даже за. «Нет! – я истово замотала головой. – Нет-нет, не надо!» – уверенная: он понимает, на что я соглашаюсь!»

Ярослав совсем не понял загадочной фразы. Она говорит: «нет, нет, нет» – и это означает какое-то эпохальное согласие. Он так разозлился, что приподнял ладонь. Пробормотал смущенно: «Ах, вот в чем дело!» Речь шла о системе предохранения и вероятной беременности. Чтобы понять это, Ярославу пришлось пройти через мучительное смущение: откровенная картина, описанная Ксенией, вспыхнула перед его глазами, тем более отчетливая, что героиню сцены он однажды повстречал в интимной обстановке, хоть и в виде астральной проекции, а с героем, то есть Григорием, был знаком тысячу лет...

Да, теперь Ярослав ясно сознавал, что в спальне Григория «встретил» тогда именно Ксению, только была она там совсем другой: не усталой, печальной, обреченно принимающей свою участь, а юной, задорной и нежной! Вспомнились ночнушка и брючки, запрятанные на полке под постельным бельем. Естественно, тип женской энергетики, отпечатавшийся на этих вещах, казался ему смутно знакомым, как и сама утренняя «посетительница». Если бы не различия в состоянии ее души, он узнал бы Ксению еще в тот момент – ведь они уже были знакомы!

Следующую страницу, которая была зачеркнута целиком, он с облегчением пролистнул. Снова отер пот со лба. Можно немного расслабиться: этот листок чистый, без карандашных заборчиков!

«... В этом было столько нежности, свободы, открытости, доверия! Близости!

Потом пили чай – уже не из самовара: на это не было сил!

Говорили об именах. Почему его так называли, почему меня, кто какие сокращения предпочитает. Ему нравится мое имя: можно звать весело и звонко – Ксенька. Я: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь!» Искренне посмеялся. А какие варианты своего имени он предпочитает? «Гриша, Григорий. Не люблю, когда зовут Грегом: это на иностранный манер, а я же русский и живу в России!»

Он колебался, уехать или остаться до утра. Объяснил: на неудобной кровати спать не

может из-за поврежденной в спортивных занятиях спины, да и на работу утром. Я рассказала, как просила у соседки разрешения поставить у ее ворот его машину: мол, друг приезжает, уедет поздно, среди ночи. А та осведомилась строго: «Почему ж до утра не останется?» Он сказал, что ради удовольствия старушки-соседки надо бы остаться. Но в последний момент все-таки передумал.

Сладко было все, сам воздух, растения вокруг, новый дом, старый сарай, заборы были пропитаны сладостью. Сладко было обнять его на прощание у машины, поцеловать в губы. Ложка горечи: расставаться приходится! Попросила: напиши эсэмэс, как доберешься до дома! Обещал. Жду. По расчету, должен был уже доехать. Нет эсэмэс. Пишу сама, мол, как добрался, все ли в порядке? Добавляю: «Не могу заснуть. Ты рядом почти осязаемо!» Это было правдой. Я чувствовала его так, как будто он здесь!»

Как трудно читать! Ярослав то и дело отирал пот со лба. Какой мощный поток энергии льется сквозь этот текст! И ладно бы пробивало по одной сердечной чакре, но чем дальше, тем заметнее другой компонент. Все равно что смотреть эротическое кино, только эффект гораздо сильнее! Поток шел не от текста, а именно сквозь текст, который служил как бы аккумулятором и проводником. Ярослав окончательно понял, почему такой крупный энергетический пробой в кабинете Царевой забирал так несоразмерно мало энергии из окружающего пространства и жизненной силы – из людей поблизости: в «дырку» качалась энергия из другого времени, из прошлого, быть может, самого ближайшего – когда Ксения и Григорий были вместе. Ниточки от этого мини-коллапса должны были протянуться и в настоящий момент, но воздействие их очень трудно, практически невозможно проследить!

«Через некоторое время от него приходит: «Ты тоже со мной, моя милая!» Как-то холодновато мне показалось. Где «родная» и вообще всякие нежности?! Но он, видно, устал до полной невозможности что-либо делать, тем более набирать эсэмэс. Потом мы по какому-то поводу обсуждали, как я хорошо его чувствую. Я первая об этом заговорила, а он неожиданно подтвердил: вот тогда твоя эсэмэс пришла ровно в тот момент, когда я вернулся домой; только я сразу побежал в душ, а после собирался тебе написать. Пример как раз ничего не доказывает: я просто точно рассчитала время.

Всю ночь не сомкнула глаз.

Утром от него долго – тишина. Переживала! Я потом часто с ума сходила, если он хотя бы на два часа дольше расчетного времени не выйдет на связь. Плакала, все порывалась в такие моменты написать ему: «Ну что, бросил в набежавшую волну?» Но мне не приходила в голову мысль, которой мается большинство женщин: мол, получил что хотел – и привет! Я боялась, вдруг сделала, сказала что-то не так, или не подхожу чем-то.

Он стал звонить. Это было счастье: два-три раза в день слышать его голос! Подбросил мне денег на телефонный счет. Я написала: много не клади – могут уворовать! Он: «Положил 500 р. Надеюсь, эта сумма не привлечет внимание врага!» Беседовали подолгу – минут по двадцать, по полчаса. В обеденный перерыв он выходил на набережную и звонил оттуда. Мама, когда все это пронаблюдала, пожив несколько дней на даче, удивилась, что человек в пятьдесят лет может быть столь романтичным. А мне казалось, что это единственно нормальное поведение! Он объяснил, сам – я не спрашивала: «У нас с тобой сейчас такая стадия...» Я нежно посмеялась: «Химик! Процесс на стадии разделил!» Лучше бы выяснила, какой процесс, чем характеризуется стадия и какая следующая! По-моему, он очень ценил эту мою способность не задавать лишних вопросов и как бы понимать недосказанное с полуслова. Если бы я и впрямь всегда понимала верно! Вряд ли он сам ясно сознавал в тот момент, что имеет в виду. Проговаривая мне ответ, мог бы четче сформулировать для самого себя собственные намерения. Между тем его отчаянное, на пустом месте: «Не копай в меня глубоко: мне это больно!» Об этом – позже. Факт: он не «дискутировал» то, о чем не желал говорить или боялся думать.

Пишу – и сама вижу неприглядную картину: как я постоянно шла у него на поводу. Но я и тогда ясно сознавала, что он умело и красиво манипулирует, а я поддаюсь. Он всем своим видом четко задавал условие: или так, или никак. Я делала сознательный выбор: так, мой

господин! И не жалею. Он однажды сказал: «Ты прекрасно умеешь общаться! Иной раз как скажешь – можно только согласиться, становится понятно, что никак иначе и быть не может! Мне кажется, ты отлично умеешь манипулировать, а не делаешь этого только потому, что считаешь ниже своего достоинства. Мне это в тебе очень нравится!» Думаю, то была тоже скрытая манипуляция с его стороны: мол, ты мне нравишься, пока не пытаешься применить ко мне свои профессиональные навыки! Он не мог общаться иначе – открыто, по-простому. Боялся! Если это вдруг случайно происходило с нами, потом с ужасом долго и упорно задраивал все люки. Моя же откровенность трогала его до глубины души и восхищала. Но он не помогал мне постоянно оставаться естественной, скорее – наоборот».

Ксения то и дело жалуется, что позволяла Григорию собой манипулировать. Несет полную чушь – а еще профессионал! Манипуляция действенна, если не замечена. Иное дело – подавить волю другого человека! Что и проделывал с ней Матвеев. А ведь Ксении самой силы воли и упрямства не занимать! Тоже тема для размышлений!..

«В телефонных беседах обсуждали, слегка отвлеченно, вопросы совместной жизни: я люблю возиться с постельным бельем – он терпеть не может. При уборке я предпочитаю вытирать пыль, он – мыть пол. Пылесосить никто не любит, значит, это надо делать попеременно. А вообще уборка – дело занудное и скучное, следовательно, лучше заниматься ею вместе: так веселее! Первый раз в его квартире спали на новом красивом комплекте – он постарался! А потом я стелила постели и в его квартире, и на даче, так как он совсем не может заставить себя этим заниматься. Он горячо благодарил, будто совершала подвиг: «Спасибо, что помогаешь мне бороться с бытом!»

Обсуждали художественные вкусы. Например, беседа о живописи. Я еще пыталась вспомнить, какие у меня есть таланты, чтобы хоть как-то уравновесить его феерические способности во всех областях. Сообразила, что когда-то неплохо рисовала. Похвасталась! Сейчас так не переживала бы: подтянулась и в двигательной сфере, благодаря танцам и спорту, и в языках. Но он объективно очень талантлив – с ним трудно тягаться!

Ему прислали приглашение на рейд «Финляндия» на следующее лето. Звонит среди дня: «Знаешь, я вдруг подумал, что мы могли бы на следующий год поехать туда вместе!» В вечернем телефонном звонке опять об этом заговаривает. Я, серьезно: «Знаешь, я размышляла над твоим предложением очень обстоятельно и не нашла причин, по которым могла бы отказаться».

Он часто упоминал сына. Они переписываются каждый день по электронке, он порой бросал в конце разговора: «Пойду писать ответ Степе. Степа, наверное, ждался, ну ничего, утром ему отвечу» – и т. п. в том же духе. Он – такой любящий отец! Я мечтала сидеть рядом с ним и смотреть, как он пишет письмо сыну. Сказала ему об этом. Он удивился: почему меня так трогают проявления отцовской любви – это же естественно!

Иногда перебрасывались эсэмэсками.

16 августа. Вторник.

Я приглашена в ресторан и потом к нему домой.»

Все! Ярослав с силой захлопнул тетрадь. Еще одной встречи героев наедине он не выдержит! И так уши пылают!

Ответ на один из своих вопросов он получил: влюбленность Ксении и Григория была, как ни странно, взаимной. Конечно, Гриша оставался в своем репертуаре и при своем характере. Но множество деталей, которые настораживали Ксению и заставляли ее усомниться в чувствах избранника, для Ярослава, наоборот, разрешали все сомнения. Взять хотя бы тот факт, что замкнутый и осторожный Матвеев никогда прежде не сходил с девушками так скоро! Впрочем, информацию о характере отношений Ярослав не столько вычитал из текста, сколько – получил посредством него.

Но продолжение истории и обстоятельства разрыва придется все-таки выяснять у Ксении лично!

Ярослав аккуратно устроил тетрадь в сумке, стал одеваться. Мысли продолжали сами собой вертеться вокруг отношений Матвеева и Царевой, стремились проникнуть в причины их скоропостижного разрыва. Внезапно Ярослав остановился, озаренный идеей. Ему в единый миг стала очевидна природа энергетического пробоя в «ЧеНепе»!

Сумку, на сей раз, он пристроил на переднем сиденье. Вырулил из своего тупичка на главную улицу и в недоумении притормозил. В нескольких метрах перед ним поперек дороги лежала черная куча асфальтовой крошки, вокруг которой сустились с лопатами пять или шесть гастарбайтеров из Средней Азии. Не проехать! Странно! Вроде и поборов никаких не делали на ремонт дороги, и разговоров между соседями не велось, что скоро начнут чинить...

Ярослав высунулся из машины:

– Ребята, это надолго?

Ему что-то начали отвечать на ломаном русском, он плохо понимал, но впереди увидел ответ на свой вопрос: с расстоянием метров в сто еще несколько асфальтовых гор гордо высились над выбоинами грунтовой дороги.

Ярослав развернул автомобиль. Придется – в объезд, через речку. Этим путем все местные жители пользовались только в том случае, если ехали купаться на озерцо Дальнее или на бывший торфяной карьер. При переезде через деревянный мост с качающимися досками и без боковых ограничителей многим делалось жутковато, хотя мост строили сами, всем поселком и внимательно следили за его состоянием. Ярослав моста не боялся.

Раз уж выпало ехать дальше дорогой, да и спешки особой нет, Ярослав позволил себе расслабиться. Он остановил машину прямо над рекой, вышел, некоторое время созерцал бегущую под ногами темную весеннюю воду, красивые изгибы маленькой речки, заросшей по берегам ивняком и черемухой. Черемуха только-только начинала распускать белые бутоны, и ветер уже нес над водой ее тяжелый, пряный аромат. Вся растительность шумела, гнулась под порывами ветра.

Что за странный выдался год? Зима вся состояла из оттепелей и метелей. То теплые ветра, то ледяные. Весна не принесла облегчения: сияет ли солнце, идет ли дождь – воздушные массы перемещаются с шумом, свистом, с бешеной скоростью. Сильный ветер изнурителен, когда находишься на улице, а если ты – за стенами дома, то утомляет неумолчный неровный шум ветвей... Все же Ярослав вдыхал полной грудью свежие черемуховые порывы.

С того берега реки слышались звонкие голоса. Он разглядел в отдалении среди нависших над самой водой кустов фигуры двоих подростков или юношей. В следующий момент одна из фигур отделилась от берега и, скрюченная, полетела над рекой. Ярослав подумал с удивлением: «Тарзанка! Раньше ее тут не было!» А может, просто не замечал – как и огромной ивы, на толстом суку которой привязана веревка. Вздыхнул, позавидовав пацанам. Он бы тоже с радостью покатался на тарзанке! Но веревка наверняка не рассчитана на его вес.

Он вернулся в машину и медленно покатыл дальше. Дорога шла по краю поля – над самой рекой. Вот и ива с тарзанкой. И один из мальчишек – тот, что повыше, – собирается стартовать. Ярослав невольно притормозил. В открытое окно донеслось напутствие:

– Давай по-особенному!

Парень, уже изготовившийся к прыжку, выпрямился.

– Ну зачем? Я хочу просто!

– Пожалуйста! Классно же!

– Ладно, – он постоял мгновение неподвижно, потом поджал ноги и полетел.

Ярославу почудилось, что время внезапно загустело и потянулось, как патока. Мальчик не летел над рекой, а будто бы плыл в воздухе. Медленно-медленно он опустился, коснулся ногами воды, нарочно подцепил ее носками ботинок – полетели сверкающие брызги. Ярослав отметил: брызги разлетались с нормальной скоростью. Значит, со временем все в

порядке: оно течет в обычном темпе! А мальчик уже поднимался на своей веревке вверх, так же неторопливо – будто воспарял к противоположному берегу. Деревья и кустарники отчаянно шумели ветвями. Казалось, не меньше минуты прошло, прежде чем парень завис, держась за свою тарзанку, над откосом. Он поджал ноги и, немного поколебавшись, спрыгнул на землю. Быстрые и ловкие движения позволили ему удержаться на крутом склоне, не скатиться в воду. Ни малейшей замедленности! Тарзанка со свистом унеслась к родной иве и попала в руки восхищенного приятеля.

У Ярослава похолодело сердце: он уловил разлитую в пространстве энергию, дыхание сильнейшего колдовства.

– Ты даешь! – восхитился мальчик, оставшийся под ивой, проследив от начала до конца прыжок своего товарища.

– Брось мне ее – я обратно перепрыгну! – крикнул высокий юноша ломающимся голосом.

– Так же! – попросил маленький росточком темноволосый приятель, со всей силы швыряя перекладину.

Высокому пришлось изрядно подпрыгнуть, чтобы ее поймать. Ярослав был уверен: не получится! Но парень справился. Вербка дернулась. Он с бешеной скоростью полетел вниз, улюлюкая на ходу. Легко спрыгнул у ствола ивы. Сказал, разведя руками:

– Вот так интереснее!

– Кому – что! – рассудительно поправил темноволосый. – Ну, научи меня управлять ветром, как ты!

– Я не могу тебя научить! – раздраженно бросил высокий.

В его интонациях так ясно прозвучало чувство законного превосходства! Но второго участника беседы это вовсе не задело. Он произнес философично, будто продолжая давний спор:

– Вот если лучший друг отказывается научить тебя самому классному, что умеет сам, что тогда дружба?

– Угу. А если лучший друг за тобой подсматривает?

– Я не подсматривал! Я тебе сто раз повторил: я случайно увидел то, что ты делаешь!

– Ладно, забудь, я так сказал, подразнить... Я уже учил тебя! Ты не понял.

– Я тупой, как сибирский валенок, да? – на сей раз парень обиделся. – Не тупее тебя! Значит, плохо объяснял!

Неожиданно его друг покладисто вздохнул:

– Хорошо, давай еще раз попробуем. Пожалуйста, не обижайся!

Он настороженно огляделся, но неприметной машины Ярослава среди густых ветвей не увидел. Ярослав сидел, боясь шелохнуться, вздохнуть.

– Скажи громко, четко, чего ты хочешь.

Его собеседник опустил голову и махнул рукой:

– Я уже сто раз все это говорил. Хочу, могу, воля... Ты мне главного секрета не открываешь!

Сердце у Ярослава оборвалось. Ноги и руки стали ватными. Даже если бы сейчас он захотел подойти к мальчишкам, чтобы поговорить с ними начистоту, не смог бы сделать ни шагу. И крикнуть не сумел бы, потому что язык одеревенел во рту.

– Никакого секрета нет, – ответил высокий юноша с усталой досадой. – Просто надо очень ярко все себе представить и верить в то, что говоришь.

Второй задумался.

– Знаешь что: если бы со мной это случилось хоть раз, я бы поверил. А сейчас – точно: не верю, что получится, – хоть расшибись!.. Прокати меня сам! Разочек!

– Нас двоих веревка не выдержит.

– Ну, тогда ты скажи все, что надо, как бы за меня! Понимаешь? Ты скажешь, я летаю – и пойму!

– Не буду. – Высокий упрямо насупился. – Все равно не получится...

– Почему?

– Ну, потому что при чем тут скажешь – не скажешь? Можно вообще ничего не говорить – только думать. Но я не могу хотеть вместо тебя!

– Логично! – согласился друг, и оба задумались.

Они присели рядышком на крутой склон. Молча болтали ногами над рекой. У высокого сорвался ботинок и шлепнулся у самой воды.

– Хочу получить обратно свой ботинок! – пробормотал он; добавил с шутовской торжественностью: – Хочу и могу! Воля моя тверда!

И, хохоча, соскочил на склон, принялся карабкаться вниз, держась за пучки травы. Но в следующий момент раздался гулкий собачий лай, юноша остановился и воскликнул:

– Чара, что ты тут делаешь?!

На высокий берег выскочила овчарка с ботинком в зубах. Юноша поднялся обратно вслед за нею, принялся гладить по голове, трепать уши:

– Ты моя собака! Ты моя хорошая собака! Ты мне ботинок принесла! Спасибо!!!

Он забрал из улыбающейся пасти свою обувь и, ладонью отряхнув ступню от песка, вернул ботинок на ногу.

– Чара, Чарушка! Как же ты тут оказалась? Кто тебя одну выпустил?!

На противоположный берег вышла пожилая женщина.

– Бабуль, – крикнул ей парень, – зачем ты пошла Чару выгуливать? Я бы сам!.. Еще рано!

– Да я только калитку открыла, а она как помчится со всех ног! Чара, ко мне! Домой, Чара!

Собака, поднявшись на задние лапы, лизнула хозяина в лицо, опрометью бросилась к реке. Через минуту она уже отряхивалась у ног бабушки.

– Бабуль, ты б ее не забирала! Пусть с нами погуляет!

– Она мокрая. Ее теперь у печки надо сушить. Простудится – опять воспаление легких! Помнишь, как было тяжело? И порядок должна знать. А вы, ребята, через час чтоб были дома: я уже ставлю обед!

Мальчишки снова остались одни.

– Ты понял, почему Чара прибежала? – тихо спросил высокий.

– Еще бы!

– Я ведь только пошутил!

Темноволосый тяжело вздохнул и промолчал.

Через минуту воскликнул:

– Железная идея! Давай я скажу, чего хочу, а ты – все остальное!

– Здорово! Давай попробуем! – оживился его друг.

Сердце Ярослава свело предчувствием несчастья. Он хотел выскочить из машины, но ни руки, ни ноги его не послушались. Накатило отчаяние. Если бы энергии не хватало, Ярослав мог бы извлечь ее из пространства. Но энергии, наоборот, было слишком много. Потоком, почти осязаемым, его буквально придавило к креслу. Пока Ярослав боролся с собственным телом и отчаянно старался заставить его шевелиться, на берегу стремительно развивались события. Темноволосый юноша уже ухватился за перекладину тарзанки и крикнул:

– Я хочу, чтобы воздух держал меня!! Хочу лететь!!!

Его друг что-то прошептал одними губами. Темноволосый с силой оттолкнулся ногами от земли.

Медленно-медленно, будто язык огромного колокола, веревка качнулась, зависла над водой в неестественном, наклонном положении. А дальше началось еле заметное движение вверх – натужное и торжественное, как на цирковом сеансе «левитации». Летящий улыбался восторженно и блаженно. А лицо его покрывалось смертельной бледностью, белели костяшки пальцев, синева проступала под ногтями и на губах...

Ярослав, отчаявшись сдвинуться с места, мысленным усилием бросил по направлению

к парню заряд жизненной силы. Но пространство вокруг мальчишки было вязким, там будто бы остановилось время. Поток энергии завис, перестал двигаться. «У него же кровь стынет в жилах – в буквальном смысле!» – с ужасом понял Ярослав.

Ладони, державшие перекладину, расцепились. Потерявший сознание парень стал заваливаться на спину. Но воздух держал его, будто вода Мертвого моря. И словно бы приливной волной – все выше поднимало к небу бездыханное тело.

Все это время, с того момента, как мальчишка разжал руки и стал падать на спину, слышался непрерывный крик ломающегося юношеского голоса. Молодой «колдун» сначала звал своего друга по имени. Ярослав, поглощенный созерцанием жуткого зрелища, не обратил на это внимания и имя не воспринял. Потом высокий парень кубарем скатился к реке, вбежал по пояс в холодную первомайскую воду. Он непрерывно повторял:

– Не хочу! Я не хочу! Не надо! Стой!

Он тянулся вверх, но не мог достать руками тело товарища, парившее над ним. Он подпрыгнул, шлепнулся обратно, взметнув кучу брызг. Слезы брызнули из глаз. Он с отчаянием выкрикнул:

– Не получается! Не могу!

Если бы его руки не были по-прежнему вздеты вверх, тело его друга упало бы в воду. А так получилось, что он на мгновение поймал – стремительно падающего; не удержал; оба – бездыханный и здоровый – полетели головой в реку. Потом высокий юноша потащил тело друга на берег, тщетно пытался привести в чувство, непрерывно бормоча:

– Не хочу, не хочу, я так не хочу, никогда...

Отчаявшись, побежал за помощью. Мучительно долго тянулось время до приезда «скорой». Звучали вой сирены, слова «глубокий обморок», «кома». В машине врач делал парню, по-прежнему не подававшему признаков жизни, какой-то укол в вену. Вынимая шприц, посмотрел на ранку, оставшуюся от иглы, пробормотал изумленно:

– Что у него с кровью?! Как он еще жив?!

Ярослав неся по Кольцевой рядом со «скорой», в соседнем ряду – не обгоняя и не отставая. Древний автомобиль, сейчас такие бегает только в сельской глуши. Почему именно эту рухлядь послали на вызов в элитный поселок?! Вой сирены и мерцание синего огня распугивали немногочисленные машины у светофоров. Она всюду пролетала на красный свет. «Удивительно, что пропускают!» – думал Ярослав.

Он едва не влетел на скорости сто километров в час в витринное окно холла в здании «ЧеНепа». Ударил по тормозам. С подчеркнутым шиком – одним плавным движением широкого зада своей роскошной тачки – припарковал авто. Вытер платком лоб. Прошептал:

– Добро пожаловать, Ярослав Игоревич! С возвращением!

«Где я был? Другое место? Другое время? Иное измерение? – гадал он, медля покидать водительское кресло. – Каким образом? Зачем?» Он чувствовал, что сила, вновь протащившая его по приключениям белого мальчика, не враждебна. И это все, в чем он был уверен. Влияние «дротика»? Но до сих пор Ярославу не удавалось установить с ним контакт.

Сумка вновь оказалась горячей. Ярослав пощупал сиденье. Тоже нагрелось. А заднее? Холодное. Автомобиль ни при чем! Что-то происходило внутри поклажи. Может, от близости мощного артефакта заработал особым образом хрустальный шар? Ярослав вздохнул. Оставалось ждать, наблюдать развитие событий и выполнять параллельно с невероятными приключениями взятые на себя обязательства.

Пропуск, подписанный на сей раз вице-президентом, терпеливо дожидался господина Полевого. Ярослав двинулся было к арке металлоискателя у поста охраны, но остановился и в растерянности оглянулся на стеклянную входную дверь. Он не мог вспомнить, какая погода на улице: солнце или облачность, ветрено или тихо, а может быть, идет дождь? Он всю дорогу проехал совершенно автоматически... Но дворники не включал... кажется.

Ярослав вернулся к посту охраны и постарался сосредоточиться на предстоящем разговоре с Царевой. Не получилось. В зимнем саду вновь порхали голубые и черно-оранжевые бабочки.

Кабинет главного психолога был закрыт. Одна из ее сотрудниц, заметившая, как Ярослав ломится в запертую дверь, посмотрела на него с огромным интересом и пояснила: Ксения Алексеевна на занятиях с персоналом. Освободится не раньше, чем через полтора часа. Он может подождать здесь, в холле, или пройти в комнату психологов – вот тут, рядом. Там его напоят чаем. Ярослав выбрал уединение в холле.

Заняться изучением природы необычных и пугающих явлений, которые преследовали его последние два дня? Людный офис крупной компании – совсем не подходящее место! От нечего делать Ярослав достал горячую синюю тетрадь и нашел ту страницу, на которой вчера прекратил чтение.

* * *

«В понедельник днем мы обменялись деловитыми эсэмэс на тему вечернего созвона. Я загрустила: до самого вечера ждать больше нечего. Хорошо добаться обычно я ему желаю, он мне – нет: не понимает, как мне непросто дается любая поездка на машине по Москве! Вдруг – перед самым отъездом – пришла записка: он желает мне легкой дороги! Отвечаю, что очень рада и пожеланию, и восточке, а то как-то затосковала. Ответа и не жду, а он: «Не тоскуй, моя хорошая: скоро уже увидимся! Целую. Жду звонка!»

Долго потом таскала эту записку в телефоне, не стирала. Вот оно, счастье!

Договор относительно следующего дня содержал примечательный «звоночек». Я буду во второй половине дня по делам на «Аэропорте», он обрадовался и предложил встретиться на «Войковской», то есть ближе к нему. Мне не сложно, но... Почему он не хочет доехать до «Аэропорта» и встретить меня там? Это не трудно, зато красиво и гармонично. Но я, как обычно, согласилась на его условия.

Утром в кабинет зашли сотрудницы психологической службы, рассказывала им, переполненная впечатлениями, о наших парусных прогулках, не обошлось без рассказа о нем самом и обсуждения моих чувств. Они – хорошие психологи и искренние «болельщицы» моей личной жизни. Раскрутили свою начальницу по полной программе! Тут приходит от него записка: «Ксюшечка, ты где, ты как?» Я, пораженная совпадением, отвечаю: «Думаю о тебе все время, но последние полчаса – особенно интенсивно!» Он: «Я тоже о тебе думаю!»

Оделась в свой самый красивый – бордовый – наряд.

Выхожу из метро. Вижу его, он меня – нет. Поворачивается, медленно удаляется. Руки сложены за спиной. Жест кажется старомодным. Вижу его сильно тронутые сединой волосы. Подбегаю, чтобы успеть подхватить его под руку, пока он не повернулся, чтобы вышло неожиданно. Сбоку он мне кажется таким пожилым – не похожим на мой внутренний образ. Разворачивается лицом – я несколько секунд привыкаю, стыкую образы. Потом в ресторане сидим друг напротив друга. Я с наслаждением смотрю в его лицо, разглядываю – узнаю заново. С тех пор стало моим любимым занятием: смотреть в его лицо – наслаждаться его изучением, любоваться разными выражениями.

Дома уже он сказал – к слову пришлось: «Какое счастье, что недавно у меня дрогнула рука и я сбрил усы!» Восприняла как знак: я ведь «заказывала» безусого и безбородого, конечно! Любопытно: он носил усы не потому, что нравилось, а «в память об одном приятном событии», которое произошло тридцать лет назад!

Встретились – он оглядел меня: «Я и не знал, что ты такая стройная!» Можно ли считать комплиментом? Он же меня видел совсем без ничего. Что, в таком виде я не стройная? В нашу последнюю встречу надела черное платье, короткое и сильно облегающее фигуру. Продефилировала перед ним. Он – почему-то грустно: «Стройнушечка!» Есть версия, что боялся он отчаянно моей молодости (относительной, прямо скажем)...

А мне, между прочим, все время транслировал нечто противоположное. Я переживала, находясь рядом с ним, что не очень молода. Он ухитрялся упоминать своих бывших девушек, которые танцевали ночь напролет, вели себя «развязно», подчеркивал, что я напрасно не ношу мини-юбок. Короче, заставлял меня чувствовать себя старомодной. Теперь

я могу в облегающей короткой юбке с высоким разрезом отплясывать на танцполе босиком, потому что мешают каблуки, и нежно прижимать руку к шее любого партнера, и хохотать у партнера на плече над шутками, которыми сыплет учитель танцев... Да только его нет рядом, чтобы оценить плоды своих трудов. Все было бы ему одному...

Посидели в ресторане. Предложил пиццу – большую, напополам. Я попросила с любимыми морепродуктами. Согласился легко.

У него дома: чисто, стильно, уютно, просто. Видно, что мужчина живет, но со вкусом – и художественным, и к жизни! Уютно, мирно, есть пространство, есть воздух! Не думала, что такой эффект могут создавать приглушенно-синие стены в комнате и что черно-белая кафельная гамма в ванной может выглядеть уютной!

Шли к нему под руку. Однажды осенью он сказал: «Наверное, последний раз можем пройтись с тобой вот так, чтобы кожей соприкоснуться. Потом будет холодно, будем в одежде с длинными рукавами». А потом и не было...

Мою посуду. Он: «Как приятно, что ты это делаешь. А то другие девушки придут, сядут – а я их обслуживаю. Ну, я больше и не приглашал!»

Играл на гитаре. Сидела рядом на диване, любовалась. Очень хотелось подползти, прижаться к плечу. Но мешать же буду! Первое, без слов: «Не уходи, побудь со мною!» Прокомментировал: «Это к тебе обращение!» Потом пел песню на английском «Эсперадо». Переводил: «Перед тобой (обращение к герою этой песни) стол, полный яств, но ты ни на чем не можешь остановиться, все ищешь чего-то». Комментарий: «Песня про таких, как мы с тобой». Ответила нечто в том духе, что я, когда нахожу нужное, готова остановиться, но не рискнула произнести то, что рвалось с языка: «Я уже нашла!» Принес шампанское: «Давай выпьем за нашу первую ночь вместе и за то, чтобы они все были счастливыми!» Так и вышло!

В ответственный момент он снова спросил, хочу ли я, чтобы он предохранялся. Радостно ответила: нет. Он не вступил в дискуссию. А потом поинтересовался, не пью ли я таблетки: «А то давай лучше я буду об этом заботиться, чтобы ты себя не уродовала!» Ответила безмятежно: ничего не пью. Он почти не подал виду, что напрягся! Сказал только: «Ну, ты бы хоть предупредила заранее! Если дите делать, я бы не пил!» Я сказала, что вероятность не так уж велика, поведала всю свою историю на эту тему и призналась в своем убеждении, что это зависит от судьбы, от предначертания. Он не соглашался, но очень мягко. Потом притянул к себе. «Иди сюда, фаталистка моя!» Вроде опять все чисто, я осталась спокойной, но закрались некоторые сомнения насчет его намерений и взгляда на наши отношения.

За завтраком разговор зашел о его дочке: какой она была одаренной в детстве. Трудные условия жизни в чужой стране, вдобавок к предпочтениям и ценностям ее матери, привели к тому, что «все загублено» – как сказал с горечью Гриша. Попросил: «Давай не будем об этом: болезненная тема». Мы сидели через стол. У меня сердце разрывалось от сострадания. Хотелось подойти, обнять его, приласкать. Но у него был такой вид, будто он отвергнет мою нежность. С языка рвалось, что я хочу быть с ним не только в развлечениях, но и в самых тяжких для него горестях. Но казалось, он сейчас не примет такой степени близости, спутает с навязчивостью. Попозже, решила я, будет еще время сблизиться».

Чувство неловкости нарастало с каждой страницей. Характер отношений был уже ясен. Пора найти в тексте причины разрыва и поставить точку в деле, за которое взялся. Ярослав стал бегло пролистывать тетрадь дальше. Он старался не замечать деталей, интимных и слишком личных подробностей, которые, хоть Ксения наскоро и почеркала текст, все равно попадались на каждом шагу. Терял странички: ясно, ясно, без подробностей, пожалуйста, дальше! нет, там проскочило что-то важное – назад! а, понятно, нет, это уже лишнее, дальше!..

Вот Ксения едет к Григорию на дачу: он ведь дважды приглашал, обидится, если не поехать! Он не хочет делать крюк и заезжать за ней, так что она своим ходом добирается до Москвы, дальше – вместе. Они даже заезжают в супермаркет, чтобы купить двуспальную

кровать.

Эта кровать становится причиной первой, совсем игрушечной размолвки. Матвеев вроде как спросил мнения Ксении, какого цвета чехол лучше выбрать. Она высказала свое мнение. Он спорить не стал и взял именно то, что ей меньше всего нравилось – ярко-красный вариант. Она промолчала, но, когда избранник вновь по какому-то поводу спросил ее совета, шутливо заметила:

– Все равно сделаешь по-своему.

Григорий насупился:

– Это же правильно и хорошо, когда мужчина принимает решение!

Ксения подумала и согласилась:

– Хорошо. Мне нравится. Просто очень непривычно.

Дорога по пробкам вышла долгая. Ярослав приметил и перечитал крошечный эпизод: «С пригорка я увидела, что шоссе на много километров вперед забито автомобилями. Поделилась с Григорием: мол, тащиться нам тут не меньше часа! Он беспечно махнул рукой перед собой, будто отгоняя назойливую муху: «Ерунда, сейчас рассосется!» Уже через десять минут мы мчимся по шоссе со скоростью 90 км/ч. Хоть и плотный поток – но не пробка! А перевалив следующий пригорок, обнаруживаем причину затора: авария перегородила часть дороги. Я не заметила боковых ответвлений, куда могла бы уйти часть машин. Спросила его. Пожал плечами, очень неохотно выдал из себя, что, ну, есть там, наверное, грунтовки – не может не быть...»

«Я тоже так делаю», – подумал Ярослав. Он разгонял при желании небольшой автомобильный затор мановением руки. Определенно, Григорий в записках Ксении раскрывался с неожиданной стороны!

По дороге они много болтали. Решив ознакомить Григория с особенностями своего непростого характера, Ксения сообщила, что бывает жесткой – окружающие пугаются, а она порой и не чувствует этого за собой.

– Я это заметил, – спокойно констатировал Григорий.

– Ну что ты, – весело воскликнула Ксения, – ты мне на хвост еще не наступал достаточно сильно!

А про себя удивилась: то кроткое замечание, что она сделала – это для него жесткость?!

Позже между мужчиной и женщиной происходит важное объяснение. Григорий сообщает Ксении, что пока не готов к слишком бурному развитию отношений. Они виделись всего пять раз в жизни! Правда, Царева получила самые лучшие рекомендации от К., и на Гришиных родителей она произвела весьма приятное впечатление. Но Григорию нужен минимум год, чтобы привыкнуть, убедиться в верности выбора, чтобы возникли «рефлексy». Ксения уточнила: «Неугасимые?» В ответ услышала произнесенное с мрачной серьезностью: «Да». Матвеев попросил: «Не надо в меня влюбляться!» Ксения ответила: «Уже поздно!» Она ревела, он, успокаивая, говорил, что ему хорошо с ней в постели, что он восхищается ее умом и человеческими качествами. «Есть еще сердце», – напомнила Ксения о том, что было для нее важнее всего. «А сердце мне давно женщины выжгли!» – горячо воскликнул ее собеседник.

«Что правда, то правда!» – подумал Ярослав, помня, какие холодные и циничные реплики неизменно слышал от друга в адрес его девушек. Все поведение друга в описании Ксении выглядело уж слишком эмоционально окрашенным. Издержки женского восприятия?

Ксения приняла ситуацию, согласилась ждать год и на том успокоилась. Вспомнив известную литературную героиню – Скарлетт О'Хара, – иронично заметила возлюбленному: «По законам жанра у тебя должен найтись чистый носовой платок для меня!» К изумлению Ксении, Григорий, продолжая прижимать ее, все еще всхлипывающую, к себе, извлек откуда-то пачку чистых носовых платков, правда – с поправкой на XXI век – бумажных.

«Интересно, – подумал Ярослав, – все женщины так любят? Чтобы душу наизнанку ради любимого. И все понимать, и все прощать, и плюнь в глаза – все божья роса? Надо

будет расспросить Настасью!» Он завидовал Григорию белой завистью. Неужели когда-нибудь какая-то женщина вот так же беззаветно полюбит и его самого?!

– Вот видишь, – сказала Ксения, когда успокоилась, – так не бывает, чтобы совсем никогда не наступить друг другу на хвост. А вот обсудить ситуацию, все выяснить и договориться – это дорогого стоит!

Григорий катал ее на «Ринго». Ярослав живо представлял каждую деталь подготовки к путешествию и самой поездки: он столько раз сам ходил с другом на его прелестном кораблике!

После безоблачного путешествия, вернувшись на дачу, Гриша ворчал и придирался к Ксении. Бывает у него иногда такое капризное настроение, когда он всем недоволен! Ярослав, не желая читать целиком, случайно выхватил кусок диалога. Матвеев резко просит ее помолчать: он слушает новости по радио, ему интересно! Она, в паузу, пытаясь осмыслить особенности его профессиональной деятельности: «Тебя интересуют цены на нефть?» Он, жестко: «Я просил: не копай в меня глубоко: мне это больно!» По какому поводу просил – Ярослав не стал разбираться. Обиженная женщина тихонько ускользнула в сад, посидев там, вспомнила, что обида – ложное чувство, поразмыслила, о чем на самом деле хотел сказать ей Григорий. Да не сказать даже – прокричать, пожаловаться. Когда, спустя некоторое время, любимый вышел и молча присел рядом с ней, Ксения обняла его за плечи: «Бедненький ты мой!»

Зато, продемонстрировав Ксении легкую, удобную пуховую куртку, Григорий уверенно заявил: «В этой куртке ты будешь зимой ходить со мной на лыжах!»

«Утром по возвращении в Москву я рассматривала какой-то журнал. Он подошел и увидел на раскрытой передо мной странице портрет чумазой от шоколада девчушки лет пяти во весь лист. Сказал, улыбаясь: «Вот такую тебе заказываю!» Я: «Сделаем!» Его почему-то очень умилил мой ответ, он так тепло смеялся!»

Из поездки Царева сделала вывод: ей предстоит период жестких проверок: подойдет ли, можно ли с этой женщиной сойтись ближе, можно ли ей довериться? Решила: все стерплю, все проверки выдержу. «Радость влюбленности померкла, – написала она, – но ее место заняла уверенность: я люблю его, он мне дорог со всеми его – вот именно такими! – недостатками и особенностями. Слишком чувствительный, слишком ранимый, слишком недоверчивый. Разве есть на свете качества, которые нравились бы мне сильнее, если вдобавок к ним мужчина и смел, и решителен, и обладает стальной волей?»

Эти несколько фраз Ярослав читал, краснея не от стыда, что влезает всеми четырьмя лапами в интимную жизнь старшего товарища, а от удовольствия: приятно, что нашлась женщина, которая по достоинству оценила его друга, отнеслась к нему искренне и бескорыстно. И Гриша молодцом: понравиться такой женщине, как Ксения, ой как трудно! Она же, как бы ни скромничала, если и не насквозь видит человека, то много кое-чего замечает. Рентген. Жесткое излучение... И отбор ведет по такому количеству параметров... Ей подойти – все равно что пазлы сложить! И внутренняя твердость, и избирательность Ксении скорее импонировали Ярославу, чем отталкивали его. Между прочим, Гриша – такой же. Только пазл у них разломался в итоге... Отчего?

Надо листать дальше!..

Вот они встречаются все чаще: два раза в неделю, три. Ксения гордо бросает в разговорах со знакомыми: «Да, меня не застать! Живу на четыре дома: мотаюсь между двумя квартирами и двумя дачами!» Зато Матвеев перестал регулярно звонить, что огорчает Ксению. А что тут огорчаться? Знала бы она, с какой частотой он звонит близким и друзьям! Ярослав и сам ничем не лучше! Что тут плохого? Некогда же разговоры разговаривать, работы по горло!.. Между тем Ксения все порывается спросить Григория, на какой теперь «стадии» оказались их отношения, но к слову не приходится.

Матвеев покупает ей подарки – красивые и полезные. А в день рождения не подарил цветов. Вообще ни разу не подарил. Ксения огорченно замечает: «Впечатление, что для некоторых купить букет цветов – все равно что признаться в любви и сделать предложение

руки и сердца!» Ярослав опять не понял. Человек же объяснил, что таскаться по магазинам с цветами будет неудобно! А на обратном пути – ну, не нашлось ларька или забыл...

Матвеев восхищается мудростью своей подруги, ее страстной натурой, ее умением понять и в нужный момент сказать нужные слова... Порой он кажется Ксении очень теплым и близким, порой у нее складывается впечатление, будто он то ли отстраняется, то ли снова проверяет ее: то скажет резкость, то проявит пренебрежение. Сначала он отвозил подругу на машине, потом провожал до автобусной остановки – заодно, так как сам направлялся на работу, потом настал день, когда он никуда не торопился, а Ксения спешила на работу. Гриша проводил ее до двери.

Ну, это было абсолютно в его духе! Матвеев терпеть не мог делать лишних усилий там, где это не рационально. Когда родители просили его встретить их в аэропорту или проводить на вокзал, он неизменно отвечал: возьмите такси! Ярослав однажды присутствовал при такой беседе. Ему сделалось неловко, и он предложил Матвеевым-старшим свои услуги. Пожилая пара вежливо отказалась: взять такси им не составляло никакого труда и не приносило ощутимого ущерба семейному бюджету.

Однажды Ксения услышала от Григория очередной комплимент своей внешности, очень похожий на строчку песенки из фильма «Обыкновенное чудо». Она, смеясь, процитировала: «Зубки – жемчуг, а губки – коралл, хороши также грудь и улыбка!» Григорий не понял, она пояснила, откуда взялся забавный текст. Он нахмурился и воскликнул со злостью и ожесточением: «Отвратительный фильм! Такая гадость!» Ксения удивилась, сказала мягко: «Ты просто не любишь сказки и вообще все, что связано с чудесами, сверхъестественными явлениями...» Григорий стал горячо возражать, что дело не в этом, что его раздражает манерность в игре актеров...

Вот Ксения провожает любимого в Египет. Он едет в мужской компании кататься на парусных досках. Она спокойна. Она понимает, что не вписалась бы в стилистику поездки. Она совсем не боится измены. Ксения свято верила некогда сказанным Матвеевым словам: «У меня всегда бывает только одна женщина. Если бы было по-другому, это стало бы кошмаром!» Она успела заметить, что Матвеев любит устраиваться удобно и жить с удовольствием. Лишнего кошмара себе на голову он не захочет! Только окружающие изводят ее вопросами: как же так?! Твой друг едет отдыхать и не берет тебя с собой?!

Ценной информации Ярослав больше не находил. Ну, чувствовали эти двое друг друга: она подумала о любимом – он звонит, он вспомнил о подруге – она затосковала. Нормальная сонастройка так или иначе близких друг другу людей! Видно, нечто важное произошло незадолго до расставания. Что-нибудь прояснит происхождение энергетического мини-коллапса?

Перед отъездом Царева спросила любимого: «Как тебя ждать?» Чудной вопрос! Ярослав не придумал бы, что ответить. Матвеев тут же нашелся: «Жди с нетерпением!»

Ксения, как всякая женщина, тревожно просила: сообщи, как только прилетишь! Время-то беспокойное! Как всякая женщина, она не столько впрямь волновалась, сколько требовала подтверждения связи: ну скажи, мы ведь по-прежнему вместе, правда? Она честно не спала полночи – ждала сообщения. Высчитывала по часам: не пора ли? Чувала, что все нормально, но ждала подтверждения. Эсэмэс пришла, когда она уже отчаялась дожидаться. Полный текст записки: «Сел...» И на следующее утро – ничего более вразумительного. Она не выдержала, сама спросила, как добрался до отеля, как устроился. На сей раз Григорий ответил обстоятельно. Только после его возвращения выяснилось, что в самолете мужчины слишком хорошо приняли горячительных напитков. Узнав об этом, Ксения сочла эсэмэску, присланную из аэропорта, подвигом любимого. Особенно ее умилило, что он терпеливо вывел в тексте три точки!

Он вернулся. Позвонил, как только самолет заглушил моторы. Был вечер. Он попросил: ты приедешь ко мне? Завтра он уезжал по делам в Германию – еще на пять дней. Она предупредила: сегодня такой момент, когда я способна только на платоническую любовь, не хочу тебя дразнить! Он сказал: все равно приезжай, такси оплачу. Был удивительно мягок и

нежен с нею, открыт и доверчив. Платонической любовью дело, конечно, не ограничилось. Ярослав поаплодировал другу. Ксения ни до, ни после не замечала, чтобы любимый был таким близким и теплым с ней. Она поделилась с Григорием своими наблюдениями. Тот расплылся в улыбке: «Видишь, как полезно отпускать мужика одного?» И замкнулся. Утром ее встретили холод и отстраненность – более сильные, чем прежде.

А дальше во встречах мужчины и женщины начались большие перебои. Он уехал в командировку, вернувшись пораньше, даже не позвонил Ксении, потом долго не назначал день встречи. У них вышла размолвка на пустом месте – Ярослав так и не нашел предмета конфликта. Похоже, что в тот раз Гриша «покусал» Ксению, поскольку она была разгневана. Не подала виду, постаралась все сгладить, но после телефонной беседы порвала все его фотографии, разломала диск и сожгла пленку. Но Матвеев сам позвонил – мириться. Они снова ездили на ее дачу – по меткому выражению закончивших строительство рабочих – «обкатать» новый дом.

Гриша непрерывно восхищался ею: как она умеет понимать и прощать, какая хорошая хозяйка, как чудесна в близости. Смешил Ксению до слез своими безуспешными попытками запомнить названия ее любимых растений. Он два дня повторял, как заведенный: «Ирис – физалис». Выкатывал при этом глаза, строил самые забавные физиономии и нежно целовал пальцы Ксении, приговаривая: «Красивые ручки! Ручки, способные вырастить ирис... И физалис». Ксения ломалась пополам от смеха. Потом он забывал названия снова. Настал момент, когда она поверила: Гриша не шутит, он правда не может вспомнить имя цветка. Тогда лукаво спросила: «Ты же хочешь однажды подарить мне букет моих любимых цветов?» Григорий неожиданно стал серьезным. «Хочу! Ирис, правильно?» Ксения с веселым криком «Ура, сработало!» бросилась его целовать, а про себя подумала, что сейчас он точно не шутил.

Периодически – едва ли не с начала их близких отношений – он очень серьезно повторял: «Я – плохой, ты просто еще мало меня знаешь!» Ксению эти слова страшно расстраивали, и она всякий раз терпеливо возражала. На даче тенденция к самобичеванию обострилась. Вдруг, после некоторой дозы алкоголя, Григорий мягко посмотрел на нее и заявил без предисловий: «Я все-таки хороший!» Ксения, вытирая слезы, пошла его обнимать: «Наконец-то поверил!»

В суете сборов она что-то сделала не так, как надо, и посетовала: «Я – плохая хозяйка!» – «Ты – прекрасная хозяйка», – ответил любимый. Ксению поразило, что сказал он это с глубокой печалью.

Когда она, приподнявшись на цыпочки, заперла калитку, удивилась, что Григорий не подойдет ей помочь. Оглянулась и встретила с объективом его фотоаппарата. Он объяснил: «Это такой трогательный момент – закрытие дачного сезона! У меня всегда так получалось – и в детском возрасте, и в женатом, что с дачи съезжали осенью и больше не возвращались до весны. Я мечтал бывать на даче и зимой!» Мечта осуществилась, когда стал снимать домик на генеральском гектаре. «И в этом мы так точно и тонко похожи! – отметила Ксения про себя. – Я тоже всю жизнь мечтаю о регулярной дачной жизни зимой! Теперь, с ним, и моя мечта осуществится!»

Потом провели выходные в коттедже его родителей, когда те находились в отъезде. Противоречивость отношения Матвеева к Ксении обострилась и стала особенно заметной: он был то нежен, как никогда, то кричал на нее, грубил. Ее теперь обижало, что он старается предотвратить появление ребенка еще более тщательно и подчеркнуто, чем прежде. Она тоже позволила себе парочку жестких выпадов. Но внезапно, во время прогулки по первому снегу, воскликнула: «Гриша, я знаю, как ты на самом деле ко мне относишься! Помнишь, когда уезжали с моей дачи, я попросила тебя наломать сиреневых хризантем? Так вот, они потом две недели стояли как новенькие! А те, что я нарвала сама, когда без тебя ездила, продержались всего неделю!» Григорий понял намек, живо возразил: «Это не чистый эксперимент: я же тебе еще не дарил цветов!» Позже, когда общались по телефону, Матвеев вновь извинялся – в завуалированной форме – перед Ксенией за несправедливые резкости в

ее адрес.

Ксении казалось, что Григорий намеренно не пускает ее в свою квартиру, где они проводили прежде так много времени. Это наблюдение заинтересовало Ярослава. Ксения объясняла поведение друга чисто психологическими причинами. Некоторые ее вещи лежали в квартире Григория. С каждым ее приходом что-нибудь прибавлялось и просто аккуратно пристраивалось под подушку или на один стул. Однажды Григорий сказал: «У тебя на стуле уже образовался небольшой скла-дик». Ксения попросила выделить для ее вещей кусочек полочки в каком-нибудь шкафу. Матвеев посерьезнел, пообещал как бы с усилием: «Хорошо! Да-да, конечно, это не сложно!» Царева полагала: для него предоставить ей место в шкафу – все равно что поселить в своей квартире. Шаг, на который нужно еще решиться. Ярослав отказался верить, что все так заковыристо. Тот факт, что она месяц не была у Матвеева дома – либо простое совпадение, либо на то была конкретная причина. Может, зацепка? Ярослав чувствовал: есть тут какая-то тайна!

Григорий отдался. Ксения реагировала тихой паникой. Ярослав не мог толком понять: что ей мешало лишний раз самой позвонить, сказать: скучаю, видеть тебя хочу!.. Впрочем, он прочитал, что, когда Ксения сделала это в первый и последний раз, нарвалась на жесткий отпор.

Вместе с тем, Григорий, оформляя новую страховку на автомобиль вписывает туда Ксению. Они могли бы вместе поехать на машине в дальнее путешествие – например, в Финляндию. Это так удобно, когда два водителя и они могут сменять друг друга за рулем! Григорий уверен, что Ксении можно доверить свой автомобиль! Ксения восприняла оформление страховки как весьма серьезную заявку на совместное будущее, да еще Гриша пообещал именно тот вид путешествия, который она особенно любит!

Интересное наблюдение. Дважды так выходило, что Ксения болела, когда Матвеев находился далеко. Подхватила жестокую простуду во время его египетского вояжа, в другой раз он уезжал в командировку. Ксения, которую бил озноб, надевала теплую, уютную кофточку, им подаренную, и мысленно просила: «Любимый, побудь со мной! Мне так плохо!» Очень скоро ей легчало: уходили жар и боль, она быстро шла на поправку. Самовнушение? Легко поверить, если бы Ярослав не помнил, как однажды, когда Настена слегла на даче с тяжелейшим отравлением, дядя Гриша помогал ее выхаживать. Он приходил посидеть с ребенком, пока брат мотался за лекарствами на станцию и по своим неотложным делам. Едва он клал руку Насте на лоб, та с улыбкой вздыхала и переставала содрогаться от приступов озноба и тошноты. Сам же Ярослав так переживал за сестру, что ничего подобного не мог сотворить, да и не умел еще.

Последняя встреча. Гелевые чернила на листочках кое-где расплылись. Дата подчеркнута тремя чертами. Они не встречались уже дней десять без видимой причины. Ксения скучала, боролась со страхами. Григорий намерен сделать ей давно обещанный подарок. Они вместе выбрали наиболее удобный для обоих день встречи. Накануне любимый не звонит, Царева терпит. В условленный день на работе до четырех ждет его звонка, выходит на связь сама. Он сообщает, что пока в разъездах – по делам, а потом собирается на Маяковку – в музыкальный магазин. Не могла бы Ксения подъехать туда – там и встретятся: он объяснит, как идти. Ксения не сразу нашлась, что возразить, но напряглась. Одетая – ради свидания – не по погоде легко, в новую мини-юбку, искать в неизвестном направлении на перекрытой строительством Маяковке незнакомое место – значит, опасно застынуть по дороге. Пожалуйтесь Григорию – может решить, что она капризничает, и больно обидеть. Кроме того, она не хочет оставаться слишком покладистой: считает, что это не полезно, даже опасно для отношений. Ей показалось, что Матвеев забыл о назначенном свидании и вспомнил только с ее звонком.

«У Гриши, конечно, голова как решето, но не настолько!» – усомнился Ярослав.

Вместо Маяковки она спонтанно отправляется поближе к его дому, на «Войковскую». Там она хоть знает местечко рядом с метро – недорогую кафешку, где можно посидеть со стаканчиком чая и подождать. Все равно же он вернется на метро. Как бы не так! Никогда

ничего нельзя рассчитывать и предполагать за другого человека – запоздалый банальный вывод Ксении. Лучше сразу все обсудить и спросить! Но вот беда – как сошлись разные обстоятельства! – денег на ее счете осталось совсем мало и в кошельке – шаром покати: забыла деньги дома, в шкатулке! Она боялась вступать в длительные переговоры, чтобы связь не прервалась.

Следующий его звонок. Выясняется, что в музыкальном магазине Гриша покупает не какие-нибудь там новые диски, как предполагала, неизвестно с чего, Ксения, а электрическое пианино. Ярослав припомнил это пианино и то, как странно Матвеев отреагировал на расспросы о новом приобретении. Он вернется домой не своим ходом, а на такси. Женщине было предложено самостоятельно дойти до его дома. Ключей от его квартиры она не имела, так что следовало подождать часа полтора, пока Григорий совершит свою покупку.

Ярослава тошнило, хотелось побыстрее закончить чтение. Как же неприятно разбираться в мелочах чужой стычки!

Ксения взорвалась, хоть виду постаралась не подавать. Попыталась настаивать, чтоб Григорий встретил ее хотя бы у метро. Она написала, что в тот момент отношение к ней Матвеева напомнило ей отношение к «девушке по вызову, которая готова подать себя в удобное клиенту время в удобное ему место – за обещанный ценный подарок». Далее текст был полон сожалений. Она же знала, как болезненно Матвеев относится к любым попыткам оказать на него давление! Значит, чтобы сохранить его уважение к себе и не поссориться, следовало объяснить, почему она упрямится, и потребовать любую – на его выбор – компенсацию, кроме материальной. Кроме того, лишь задним числом она поняла, что покупка пианино, наверное, задумывалась Матвеевым как сюрприз, как маленький общий праздник, который она испортила своими капризами.

Ярослав не разделял идей главного психолога «ЧеНепа». С какой стати Гриша должен был что-то там рассчитывать, заранее продумывать. Как сложится день – разве всегда предугадаешь? Просто Ксения опять проявила упертость – ну вылитый Гриша! Вообще Ярослав понял следующее:

Царева может в нормальных обстоятельствах вести себя и гибко, и податливо, но в нестандартной стрессовой ситуации упирается рогом. Гриша упрям всегда, независимо от характера ситуации. Просто иногда – ради выгоды – он старается свою реакцию отсрочить.

Григорий, как и следовало ожидать, тоже уперся: встречать не рационально! Тут Ксения совершила главную, по ее понятиям, ошибку. Она испугалась, что Григорий сейчас скажет: «Давай перенесем встречу!» – что будет для нее невыносимо унижительно. И произнесла страшные слова сама. После чего Матвеев сказал: «Разумеется!» – и пропал на целую неделю.

Ксения три дня считала себя пострадавшей и ждала, что он сделает шаг к примирению, как после предыдущей стычки. Напрасно. Она остро чувствовала его ледяное отвержение. Написала эсэмэс и не получила ответа.

Вся заключительная глава этого «дамского романа» и каждый ее эпизод в отдельности оставили у Ярослава ощущение искусственности. Как будто автор не знал, как завершить историю, и накрутил диких ошибок, совершенно невозможных в реальной жизни недоговоренностей и взаимного непонимания, беспочвенных обид и стечения самых неблагоприятных обстоятельств.

Еще у «романа» обнаружился эпилог. Ровно неделю спустя после размолвки Матвеев по делу заглянул в «ЧеНеп».

У него, оказывается, какие-то связи с «Черемушки-Нефтепроектом» – с удивлением отметил Ярослав. Вот это новость!!!

К Царевой он не зашел, однако они «случайно» встретились в коридоре. Матвеев знал, что Ксения работает на пятом этаже, но отправился с большим интересом осматривать новый учебный центр для сотрудников, расположенный в том же холле, где ее кабинет. В свою очередь, Царева ждала визита Григория, который давно поговаривал, что скоро должен оказаться в «ЧеНепе» по делам.

Они, конечно, вышли навстречу друг другу. Матвеев был в сопровождении Регины – президентской секретарши и коменданта здания. При появлении Ксении он издал широко улыбнулся. У той немного отлегло от сердца! Правда, оставались сомнения: может, улыбался-то Гриша и не ей, а секретарше, с которой в тот момент оживленно беседовал. Он подошел и, продолжая выдавать широкий «социальный» оскал, коротко поцеловал Ксению в губы. Та чувствовала холодок. Будто Григорий поприветствовал ее только для того, чтобы не нарваться на публичную истерику выбитой из колеи женщины: рыдания, уговоры, резкости, претензии. Короткий общий разговор, в котором Григорий почти не обращается к Ксении. Потом переводит на нее взгляд и улыбается. Ксения поэтично замечает, что его глаза – потемневшие и глубокие – сияют ей навстречу, «будто грозой омытые». Она смущенно улыбается в ответ. Вдруг улыбка сбегает с его лица, глаза становятся холоднее железа на морозе, он отводит взгляд и более не обращает его к Ксении. Он уже собирается уходить, когда та жестом и мимикой просит: «Останься! Надо поговорить наедине!»

Они отходят в сторону. В отдалении маячит Регина, с любопытством нацелившая нос на двоих секретничавших.

Ксения спросила растерянно:

– Как дела?

– Ксень, все непросто! – ответил Матвеев. – Бабка в выходные умерла, старая хозяйка дачи.

– Ты бы мне хоть эсэмэску кинул, – мягко, измученно пеняет женщина. – Я ж с ума схожу, не знаю, что думать!

Григорий проявляет все признаки нетерпения: ведь его ждут! Ксения, чтобы не давить, позволяет ему навязать темп беседы, торопливо просит:

– Позвони мне!

Григорий серьезно, становясь похожим на человека, дающего клятву под пыткой – как всегда с ним происходит в моменты принятия важных решений, обещает:

– Я позвоню! – и стремительно ретируется.

Ксении становится легче. Вернувшись вечером домой, она не в силах согнать с лица счастливую улыбку. Она припоминает, как элегантен он был сегодня в строгом деловом костюме.

Вечером звонка нет. Что ж, он устал, наверняка здорово выпил. Завтра!

Утром, в его обычное время, звонка нет. В обеденный перерыв Ксения получает эсэмэс: «Прости, что не звоню. Не знаю, что сказать». Она отвечает паническим: «Гриша! Я уже совсем ничего не понимаю! Что происходит?!» В ответ получает еще более меланхоличное: «Знал бы – сказал...» Она пишет: «Ты на работе? Один? Можно тебе позвонить?» Молчание. Вызывает его номер. Пустые гудки, потом текст, хлесткий, как удар бича: «Не могу и не хочу! Извини». Ксения, поразмыслив, снова ему пишет. Происходит обмен длинными посланиями.

«Гриш, уважаю и признаю твое право со мной расстаться. Но если уж так, то почему бы не раскрыть карты? По-другому просто нечестно: не отбирай у меня право понять! Я поняла уже, что очень сильно и глубоко тебя обидела. Но я не намеревалась причинить тебе боль: ты мне слишком дорог. Может, очень резко ответила на боль, случайно причиненную тобой... Почти уверена, что произошла дикая ошибка: мы просто не поняли друг друга. В любом случае, пока не объяснимся, отношения останутся незавершенными ни для меня, ни для тебя».

Ксения комментирует: в тот момент ей бы следовало просто написать: «Мне так плохо без тебя! Давай мириться!» Но не хотелось акцентировать тему ссоры, размолвки. Она ясно понимала, что беспроигрышный вариант только один – написать: «Прости меня!» Но не нашла сил просить прощения за то, в чем не чувствовала себя виноватой. Написать прямо: «Люблю тебя, не могу без тебя!» Она сомневалась, что Григорий поверит, боялась, что ударит еще сильнее. Она долго подстраивалась под Григория и теперь, обнаружив, что эта тактика не принесла плодов, решила: либо отношения на равных, либо... В результате текст

записки получился, по ее мнению, слишком холодным, рассудочным.

Тем не менее Матвеев ответил значительно мягче, чем в предыдущий раз: «Ксень, не все и не всегда поддается объяснению. У меня что-то сломалось внутри. Да, наши отношения не разорваны. Я не уверен, стоит ли их продолжать. Это уже плохо. А дискутировать с тобой, профессионалом, я не хочу. Пожалуйста, не тереби меня».

Ксения опять позволила навязать себе его игру: «О'кей. (Только какой я, к черту, профессионал – в любви-то? Даже обидно... Бреду ощупью и все время ошибаюсь...) Все, молчу...» В последний раз она вновь, как частенько происходило прежде, испугалась, что Григорий неверно истолкует ее записку. Рискнула добавить: «Прости, еще одна реплика, и я заткнусь. Коряво написала: не в тебе ошибаюсь, а в том, как строить отношения. А тереблю – тоже ведь все внутри на куски рвется!..» Наконец она была искренна с ним и решилась доверить ему и свои истинные переживания, и сомнения.

Но Матвеев хранил молчание.

Ярославу пришло в голову, что, если бы женщина с такой страстью и нежностью призналась ему в любви, он был бы счастлив. Повод к разрыву нашелся, причину разрыва он так и не понял. Мало ли, у кого какие тараканы в шкафу – не все же из-за этого разбегаются!

Гриша всю последующую жизнь бережно хранил, как болезненную прививку от опасной хвори, воспоминание о предательстве женщины, которой доверился всем сердцем и которая оставила после себя выжженную землю. Он не желал признать, что земля давно исцелилась и готова к новому цветению. Не умел, не хотел, боялся заметить, что рядом с ним оказывались не те же самые женщины, а совсем другие! Так объяснила разрыв Ксения.

Ярослав внимательно посмотрел на запертую дверь. За нею зиял сжавшийся, но не побежденный разлом структуры пространства-времени. Теперь понятно, почему «дыра» прицеплена к зданию компании «ЧеНеп»! Ведь именно здесь, в этом самом холле, мужчина разорвал прочную, как канат, связь с женщиной. Энергия созидания и отдачи превратилась в свою противоположность; отвергнутая, бесконтрольная сила стала поглощать и разрушать.

Ксения ждала и «не теребила» до Нового года. Она была уверена: если Григорий примет решение не в ее пользу, то позвонит ей и предложит забрать вещи: ночную рубашку, брючки, подаренные им теплые носочки. Она упаковала в пакет книжки, которые он давал почитать и которыми очень дорожил, и засунула в дальний угол, чтобы не мозолили глаза. Она обо всем рассказала К. Вместе пришли к одному выводу: ничего не предпринимать, не торопить, запастись терпением! К его родителям не обращаться: могут выдать из лучших побуждений! От К. она знала, что Григорий в Австралии – гостит у детей. Да в любом случае не стала бы звонить сама: слишком жесткий прессинг для чувствительного к любому нажиму Матвеева!

Поздравила с Новым годом эсэмэской – теплой, дружеской, ни к чему не обязывающей. Он не ответил. Что походило на хамство и было совсем уж не в его стиле! Если, конечно, он к тому моменту не забыл, что месяц назад заявил подруге: «Наши отношения не разорваны».

Ксения сказала себе: ставлю крест! За десять дней новогодних праздников успела даже немного успокоиться: ходила в гости, занималась танцами, флиртовала направо и налево ради самолечения. Только вот не чувствовала себя готовой позвонить Григорию с предложением забрать книги. И понимала с беспощадной ясностью профессионала: отношения остаются незавершенными!

Она вышла на работу на день раньше окончания установленных государством и смертельно надоевших всем, кто не уезжал в дальние края, каникул: президент собирал руководящий состав. А Матвеев, не зная, что Ксения будет там, вновь зашел в «ЧеНеп». Они столкнулись внизу, в холле. Народ дружно подтягивался на праздничное «совещание». Регина еще не получила от шефа указаний, где оно будет проводиться, поэтому сотрудники не расходились – ждали внизу, весело болтали, делились свежими впечатлениями о путешествиях и каникулярных развлечениях. Григорий вошел чуть позже других, повел носом по сторонам, оптом поприветствовал собравшихся. Он был в светло-серой куртке. Лицо его показалось Ксении заострившимся, утомленным, столь бледным, что сливалось с

курткой. Волосы тоже будто посерели.

Ярослава поразило, насколько это описание походит на словесный портрет дяди Гриши, сделанный неделю назад его сестрой!

Увидев Ксению, Матвеев конвульсивно дернул головой в сторону, будто хотел отпрянуть от нее или вовсе убежать. Ксения не отказала себе в удовольствии по секундам расписать сцену своего печального реванша.

«В следующую секунду по лицу его прошла целая гамма чувств. Он надменно поджал губы, как бы закрываясь, демонстрируя непримиримую холодность. Потом – испуг: вдруг она сейчас бросится ко мне и со всей дури вlepит по щеке? Растерянность...» Ксения улыбнулась. Глаза Григория расширились. «Вновь испуг, но теперь с другим знаком: вдруг она сейчас бросится мне на шею с воплями: «Вернись, я все прощу»?!» Ксения улыбалась открыто и тепло: она была рада его видеть, не держала обиды, но и не пыталась добиться внимания. Просто приветствовала любимого человека. Губы Григория дрогнули, натянуто поползли в стороны. Медленно-медленно улыбка поднималась вверх по складкам у рта, по щекам – до самых глаз. И стала очень похожа на добрую и искреннюю.

А потом, улучив момент, Гриша все-таки сбежал! Он просто-напросто снова надел только что снятую светло-серую куртку, тихо сказал Регине за спинами собравшихся в холле людей: «Я так зашел, проведать, поздравить всех с Новым годом! Пойду: меня еще ждут дела!» Он обменялся рукопожатиями с оказавшимся рядом Анатолием Ивановичем; Ксения услышала шорох шагов и краем глаза поймала светло-серую тень, мелькнувшую у парадных дверей.

Так все и закончилось.

* * *

– Здравствуйте, Ярослав! Давно ждете? Простите, не предупредила вас, что в середине дня буду занята: вылетело из головы!

В третий раз Ярослав встретился с Ксенией Алексеевной, и она поразила его своей способностью становиться другой! Нельзя сказать, что Ярослав не узнал ее и долго присматривался, дабы определить, в самом ли деле видит перед собой Цареву. Однако...

Лицо Ксении обрамляла новая, высокопрофессионально сделанная и очень шедшая ей стрижка. Волосы радовались облегчению: лежали они теперь очень пышно, а при малейшем движении головой подлетали вверх и сыпались вниз короткими завитушками. Благодаря новой стрижке скулы резче выступили, щеки округлились, появилось общее впечатление здоровья и – на расстоянии – даже беззаботности; хотя глаза, при ближайшем рассмотрении, оставались не то строгими, не то грустными.

Заметив в его руках свое произведение, Ксения смутилась, даже побледнела. Отвернувшись, чтобы отпереть кабинет, спросила с ироничной усмешкой, делано небрежным тоном:

– Прочитали? – Голос, однако, предательски дрогнул на ударном слоге.

– Не все, – хмуро сообщил Ярослав. – То, что вы зачеркнули, пропустил.

– Ярослав, я прошу у вас прощения! – Голос Царевой звенел, как у пионерки, которая намерена по доброй воле сознаться в том, что списала контрольную по химии. – Я – психолог; это накладывает определенный отпечаток на личность. Я привыкла свободно обсуждать все, что угодно. Для меня не существует запретных тем, будь то чувства, физиология, отношения с близкими, секс, и тем более собственные ошибки и тайные желания. Только вам-то все это ни к чему. Я думала: вы извлечете из моей тетрадки интересующие вас факты, и лишь потом сообразила, что для этого вам придется продраťся сквозь ворох ненужных подробностей! Времени, должно быть, потеряли уйму? Простите! Хоть что-то полезное нашли?

– Ксения, вы не против, если мы перейдем на «ты»? – внезапно предложил Ярослав. – Я так сроднился с вами за это время!.. То есть пока читал.

– Я только за! Что будем пить на брудершафт? Чай, кофе?

– Кофе хочу. Вроде выпался, а глаза слипаются – хоть плачь!

Ярослав медлил говорить о деле, еще неуверенный, стоит ли афишировать свое знакомство с Матвеевым. На сей раз у Царевой, помимо традиционных сластей, были приготовлены бутерброды с колбасой и сыром. Она проследила взглядом, как Ярослав потянулся за одним из них.

– Я подумала: это посущественнее печенья. Угадала?

– Спасибо, угадала!

– Знаешь, я совсем не соображала, когда всучивала тебе эту тетрадку, – вернулась она к волновавшей ее теме, – так было плохо! Я ведь в тот день голос его слышала.

– Услышала голос?!

– Да... А! Ты решил... Нет, не в том смысле! Мне рассказал... общий знакомый, что на Григория напали бандиты, разбили голову. Я вставила в телефон другую симку: у меня, случайно так получилось, есть запасная. Он не знает другого номера. Позвонила. Сначала по домашнему – не подошел. Совсем расстроилась: подумала, может, в больнице. Потом – по сотовому. Послушала, как он отвечает «алё» и прочее. Он долго старался, чтобы услышать кого-нибудь, и довольно бодро. Я бы даже сказала, жизнерадостно. Раньше я думала, что он именно меня так приветствует... Короче, поняла, что с ненаглядным все в порядке. Дальше сценарий, как ты понимаешь, предполагает сопли и вопли. Так что извини, была неадекватна!

– Я думаю, даже психолог порой должен поплакаться в первую попавшуюся жилетку, – ответил банальностью Ярослав.

– Если бы первую! – самокритично улыбнулась Царева. – Опять же, как профессионал, я знаю: чтобы освободиться от прошлого, нужно вспомнить и оплакать все, отпустить каждую подробность, каждый эпизод. Вне зависимости от того, каков характер прошедших событий: приятные они были сами по себе или травмирующие.

– А если это... катастрофа? – Ярослав подался вперед. – Глобальный катаклизм?

– Да, тот же принцип. Чтобы боль прошла, нужно сначала вытащить из памяти все, что запинал туда, когда было нестерпимо об этом думать. Как правило, психотравма плохо заживает, когда к событиям по сути своей ужасным добавляются стыд, чувство вины.

Ксения замолчала и выжидательно посмотрела на собеседника: мол, готова отвечать на вопросы, сколько понадобится!

А Ярославу было не до вопросов! Ему бы впору сесть перед Царевой и исповедаться ей в свою очередь! «Стыд, чувство вины» – колокольным звоном отдавались в голове слова. Он не в силах ни думать о чернобыльской трагедии, ни говорить о ней; он бежит от воспоминаний. Иногда ему снятся сны, от которых он просыпается с криком и вновь бежит: в работу, такую трудную, такую благородную и нужную людям... Он тогда так грамотно себя вел. Он спас сестру. Только он ведь уехал, бежал, а другие остались в отравленном городе. Он спасал и собственную шкуру. Стыд и вина.

– Нужно обязательно себя простить, – тепло, но твердо сообщила Ксения, будто услышала и приняла его «исповедь». Ее взгляд мягко ласкал лицо Ярослава. – Это главное и единственное условие исцеления! Чаще всего объективно человек мало что мог сделать для других. Например, ребенок всегда думает, что мог спасти своих родителей.

Ярослав вздрогнул и с недоумением воззрился на Ксению.

– От развода, например, – добавила та, будто нарочно старалась ублажать его бдительность: я, мол, не о тебе, я так, вообще рассуждаю, – от болезни, от безвременной гибели.

Обтекаемые слова стали колючими и конкретными. Они все-таки догнали Ярослава и камнем упали в его сердце.

– Но ведь, если рассудить здраво, – добавила Ксения, – это не так! Бывает и хуже: человек струсил, сбежал. Но значит, в тот момент не мог поступить иначе!

– Так можно оправдать дезертирство, подлость. – Ярослав решил окопаться на рубеже

отвлеченных рассуждений.

– Я думаю, подлец не испытывает чувства вины. А остальное... Поработал над собой – стал другим человеком. Тот, кто поступил плохо, перестал существовать. Это уж не открытие психологии. Тут можно вспомнить и постулаты христианства, и обычную юриспруденцию...

Ровная, уютная, успокоительная речь Ксении плыла куда-то мимо оглушенного Ярослава. Как у них, психологов, все просто: возьми да перестань чувствовать себя виноватым!

– Разумеется, не так все просто, – подхватила Ксения. Одно слово: женщина! Ведьма там, не ведьма... – Я вот тоже все никак не прощу себя за некоторые глупости, которые наделала в своей жизни!

Ярослав обрадовался возможности увернуться от обсуждения больной темы.

– Ты про историю с музыкальным магазином?

– Не только. – Царева задумалась. – Григория я все-таки отпустила за эти дни. Ты мне очень помог, Ярослав!

– Чем? – искренно заинтересовался он.

– Тем, что прочитал мои записки. Представляешь? Малоознакомый человек читает то, что я написала. Содержание текста превращается из события моей внутренней жизни в нечто отвлеченное, далекое, вроде... ну, вроде приключений в каком-нибудь романе. Даже, когда писала, порой думала: так же просто не бывает, выдумки – и те должны выглядеть правдоподобнее! И все отодвинулось... Стало бумагой, чернилами, прекратило жить, – добавила она грустно.

«Так ли?» – Ярослав с сомнением посмотрел на Цареву, которая еще позавчера плакала при одном намеке на утраченное.

– Ксения, а у тебя такое... такое сильное чувство впервые?

– Напекаешь на мой возраст? – Она иронично усмехнулась. – Спасибо! Впервые. Я всю жизнь гадала, что же такое любовь, как это? Очень хотела испытать. И не жалею!

– Ты ведь была замужем?

– Это совсем глупая история. Я была девчонкой: восемнадцать лет. Даже, по-моему, значение слова «секс» смутно представляла. Я такая домашняя девочка была – послушная, покладистая. Папа почему-то очень боялся, что меня первый же мужчина с нечестными или несерьезными намерениями поманит – я и пойду, и буду потом страдать. Он решил поскорее выдать меня замуж за хорошего человека. Выбрал одного из своих молодых сотрудников. Хороший был мальчик. Мы на некоторое время привязались друг к другу – так как-то, по-детски. Заводить своих детей не торопились: я же училась, папа хотел, чтобы прежде закончила университет. Года через три догадались, что нам практически нечего делать вместе – ни в быту, ни в развлечениях, ни в постели. Потом аспирантура. Потом... Были какие-то поиски – находок не случилось. Я очень долго оставалась папиной дочкой. Знаешь, кто идет в психологи?

– Кто?

– Люди, у которых полно личностных проблем. Сапожник – без сапог. Я десять лет упорно работала над собой, чтобы всего-навсего стать свободной от родительского влияния на мою жизнь, судьбу, душу. И сейчас я постоянно что-то делаю: меняю себя, корректирую, подтачиваю характер. Поэтому мне было так обидно... Если бы Гришка чуть-чуть потерпел, я успела бы стать другой.

– Ты уверена, что это правильно: подстраиваться под него, себя переламявать?

– Переламявать – никогда не правильно. А изменить себя я все равно хотела именно в эту сторону. Гриша помогал мне: кое-что намеренно подсказывал и подправлял, иногда сама ситуация заставляла меня искать новое решение. Он – прекрасный учитель! Только...

– Я знаком с твоим героем, – перебил Ярослав.

Ксения беззвучно ахнула – будто задохнулась.

– Матвеев его фамилия, так ведь?

– Каким образом ты с ним знаком? – обрела дар речи Ксения.
– Мой самый близкий друг, несмотря на разницу в возрасте. Он очень замкнутый, можно сказать, скрытный...

– Что есть – то есть!

– Он вряд ли был бы в восторге от того, что я все это прочитал.

– Скажи, Григорий никогда не называл тебя так, коротко: «Ясь»?

– Так и называет.

– Я вспомнила, уже после того, как отдала тебе тетрадку: он однажды рассказывал о друге, который занимается странными делами, но человек хороший. Спросила, почему имя такое – он поляк, белорус? Нет. Больше из него не вытянешь. Позавчера подумала: может быть Ясь производным от Ярослава?.. Григорий заговорил о тебе после того, как я напугала его, назвавшись «ведьмой». Он все пытался освоиться с этой мыслью, крутил ее в голове так и эдак...

Ксения лукаво усмехнулась, неожиданно став очень соблазнительной.

Ярослав демонстративно окинул ее взглядом с нескрываемым восхищением:

– Да, Гриша умеет выбирать лучшее!

– Спасибо! – развеселилась было Ксения, но тут же добавила печально: – Только Григорий ведь меня не выбрал... в итоге.

– Еще чаю-кофею нальешь?

Ярославу заметно полегчало после шока, вызванного беседой о травматических переживаниях и чувстве вины.

– Так чаю или кофею? – звонко уточнила Ксения, мотнув красиво стриженными волосами, будто стряхивая с них печаль.

– Зеленый есть?

– Ask!

Ну прямо девчонка, Настьке под стать!

– Давай! И побольше!

Ксения, не оборачиваясь, расставляла чашки.

– Ярослав! – начала она по-прежнему бодро, но опять серьезно. – У меня тут на досуге родилось одно соображение, может быть, важное для решения нашей загадки.

Ярослав только теперь осмыслил, что за все время пребывания в «ЧеНепе» не поинтересовался состоянием энергетического пробоя, ради исследования и устранения которого сюда пришел.

– Помнишь, когда ты впервые пришел к нам и заглянул в мой кабинет, ты заметил лужу под окном? Я стояла у распахнутого ливню окна и думала: хорошо бы Гришка узнал, что со мной творится. А еще лучше – случилось бы что-нибудь, что заставит его заглянуть в себя, в самую глубину. Испытал бы он ту же боль, что я, во всей полноте? Вот ему и прилетело! Я теперь самой себя боюсь!

Ярослав покачал головой: бывают же совпадения!

– Еще ты сказал, что я сильная. Как думаешь, могла послать любимому на голову... такое?

– Такое? – усмехнулся Ярослав, вспомнив «дротик» и его вероятное внеземное происхождение. – Такое точно не могла! Я вот тоже недавно испугался, что ненароком взорвал нефтяное поле на Ближнем Востоке. Обошлось. Почудилось: мания величия обострилась.

Ксения тепло рассмеялась.

– Но вот что я думаю. Если Гриша был хотя бы в половину столь же равнодушен к тебе, как ты – к нему, то между вами была очень мощная связь. Собрались двое людей с огромным энергетическим потенциалом, хоть и не практикующих! Разрываешь такую связь по живому – получаешь дырищу! Элементарно.

Пока Ярослав излагал свою гипотезу, она существенно дополнилась. Быть может, Матвеев уже тогда влип в опасную игру, некая, пока еще не ясная, роль в которой

принадлежит «дротику»? Не столь важно, появился ли сам «дротик» на сцене сразу или позже. Главное, Матвеев столкнулся с какой-то серьезной опасностью, не захотел подставлять женщину, которая была рядом, и прекратил отношения! При этом нарочно навязал ей чувство вины за разрыв: чтобы внимательная и умная Ксения не докопалась до истины! Стройная версия! Но еще история «дротика» как-то связана с личными делами Григория и с женщиной, вспомнил Ярослав. Сама Ксения все-таки вряд ли опасна: в ее записках – ни фальши, ни умолчаний – он готов был голову дать на отсечение!

Новые соображения Ярослав, ясное дело, не стал озвучивать.

– Похоже на правду, – задумчиво кивнула Ксения.

Он-то опасался нового ущерба носовым платкам и макияжу! Но женщина, определенно, была сегодня куда спокойнее. И неспроста!

– Похоже! – кивнул он. – Как мне, дураку, такая хрень сразу в голову не пришла?! Ксения! Что ты сделала с пробоиной?

– Энергетической? Мне кажется, она поменьше стала. Тебе тоже?

– Дырку от бублика ты себе представляешь?

– Отчетливо!

– А от баранки?

– Вполне!

– А от сыра «Маасдам», например?

– Лучше всего: вот же он, перед глазами!

– Ну, вот так: была дырка от бублика, а стала – от «Маасдама». Что ты для этого сделала?

– Ничего специально не делала. Понимаешь... После встречи с тобой я посмотрела на себя со стороны. Как бы твоими глазами – взглядом мужчины, постороннего человека, а не любящих меня подруг или партнеров по танцам, для которых я – не я, а таинственная незнакомка, мытая Золушка в бальном наряде. Обнаружила, что совсем распустилась. Чему клиентов учу, к себе приложить не в силах. стыдоба! Вышла на улицу – ветрище такой сильный, ураганный! Погуляла, подумала, мозги прочистились. Поняла очевидное: что ждать больше нечего... В конце концов, если бы он в глаза мне бросил: ты не нужна, пойдешь прочь – было бы еще хуже. Значит, пощадил меня, пожалел. Спасибо... И пора приходить в себя. С тех пор я не плачу, заметил?

– Заметил. – Ярослав рассеянно кивнул.

Какую же тайну скрывает Григорий Матвеев и от чего он пытался уберечь свою Ксению, по живому разрывая сильную и ценную для обоих связь?

– Ну как, будем ликвидировать разрыв?

– Что?! – Ксения побледнела.

Ярослав зажмурился от досады: вот же ляпнул! Постарался ответить небрежно, будто ничего не случилось:

– Энергетический пробой – это разрыв в структуре пространства и времени. Закроем дырочку?

– Конечно, – безразлично кивнула Ксения.

«А ты говоришь, что забыла его! – мысленно поддел Ярослав. – Все бы ты так встрепенулась от одного намека на ликвидацию разрыва!»

Для ликвидации разлома ему не требовалось делать каких-либо эффектных жестов. Даже руками шевелить не надо: он же находился в самом центре аномалии. Ярослав просто опустил глаза и сосредоточился. Края разлома начали стягиваться; в центре вихрь энергии со свистом, почти реально слышимым, уходил в никуда. Настоящая, а не выдуманная в книжках, работа с тонкими энергиями, как правило, неброско выглядит со стороны. Для мысленного взора она, правда, довольно зрелищна.

Царева понимала, что Ярослав погружен в работу, и не вмешивалась, молча ждала. На некоторое время он забыл о присутствии хозяйки кабинета. А вспомнил оттого, что услышал дыхание – тяжелое, будто Ксения со всех ног бежала в гору. Поднял глаза. Она сидела в

соседнем кресле, тяжело опершись о подлокотники и наклонясь вперед, как астматик. Лицо приобрело голубоватый оттенок.

– Что с тобой?

– Не знаю! Воздуха не хватает, – проговорила она с одышкой.

Ни хрипения, ни свиста не доносилось из ее горла. Ярослав, убей, не видел, чтобы бронхи Ксении были стиснуты отеком. И сердце в порядке, только страдает от недостатка кислорода.

– Зато я знаю! – воскликнул Ярослав. – Держись! Потерпи немножко! Сейчас станет еще хуже, а потом пройдет.

– Я потерплю. А можно окно открыть?

Ксения уперлась локтями в подоконник. Ярослав теперь не закрывал глаз: продолжая стягивать края разлома, поглядывал на Цареву: как она?

Оставалось совсем чуть-чуть. Большая пробоина в тонкой структуре пространства и времени собралась до размеров узкой водопроводной трубы. А поток энергии в нее уходил прежний, только скорость увеличилась в десятки раз! Тонкий свист на грани слышимости резал уши. Ксения повернулась лицом к Ярославу, сползла по стене и села на пол под окном, глаза ее закрылись.

– Не смей брякаться в обморок! – прикрикнул на нее Ярослав и в один прыжок оказался рядом. Вспомнил, что в таких случаях говорят врачи, и потребовал: – Открой глаза сейчас же!

Вдох после двух выпаленных на одном выдохе фраз. Легкие не заполнились. Ярослав автоматически втянул воздух поглубже. Вновь не набралось достаточно, чтобы насытить легкие. Ладно, некогда! Он направил левую ладонь в сторону крошечного черного отверстия, зависшего прямо посередине комнаты, а правую положил Ксении на голову. Его подопечная распахнула глаза, вздохнула полной грудью и внезапно легко вскочила на ноги. Ярослав почувствовал, как воздух пронесся сквозь его бронхи, словно сквозь аэродинамическую трубу. Пробоя больше не существовало.

– Убрал дыру?

– Убрал.

– Что со мной было?

Ярослав помедлил с ответом.

– Ты же знаешь! – допытывалась Ксения.

«Просто кое-кто, прекращая отношения с тобой, очень боялся, что разрыв впрямь станет полным и окончательным, хотел обязательно остаться в памяти твоего сердца, твоего тела, твоей души! Программа называется: не могу без него дышать! И ты добровольно согласилась: не могу!»

– Обычное явление при закрытии крупных пробоев! – соврал Ярослав.

Оказавшись на улице, он первым делом огляделся: надо же, наконец, узнать, какая погода. Гарь висела над асфальтом тяжелой желто-серой пеленой. Слепым серо-белым затянуто небо – не то облака в вышине, не то смог над городом. Сегодня урбанистическому пейзажу совершенно нечем было порадовать взгляд. Даже молодая зелень деревьев казалась прибитой и неприкаянной. Растения будто просили: заberi нас отсюда, помоги выбраться туда, где свежий воздух и чистая вода, где жизнь вместо медленного умирания. Ярослав поморщился.

Григорий ответил со второго гудка. Ни звонкого «алё», ни обычного радостного «здорово».

– Нет, Ясь, сегодня не приезжай... Пожалуйста, давай перенесем разговор: мне сегодня не до встреч!.. Со здоровьем все в порядке... Никаких проблем, связанных с нашим делом... Родители, дети, квартира, дача, машина в порядке. Извини, Ясь...

Ярослав не знал, как еще спросить, чтобы прояснить ситуацию. Пытался услышать – ничего конкретного, кроме смятения и ощущения беды. Тогда он решил переть напролом, пока Григорий не положил трубку на рычаг.

– Гриш, это ты меня извини. Я понял: у тебя стряслось что-то серьезное. Хочешь молчать об этом – твоя воля! Но у меня к тебе тоже очень важный разговор. Сильно откладывать нежелательно. Скажи только одно: когда мы можем встретиться? – Ярослав приостановился, но решил для убедительности сгустить краски: – Это касается твоей безопасности в первую очередь!

– Я понял. Ты насчет метеорита?

Ярослав опешил:

– Откуда ты знаешь?

– Что?

– Что эта хреновина – метеорит?

– А!.. Ну, вот видишь, знаю. Потом объясню! Хорошо, – сдался Григорий. – Завтрашний вечер тебя устроит? Приедешь? Давай не раньше... девяти, пожалуй. Я позвоню, если что.

– Договорились. Звони в любой момент. Для тебя я на связи даже ночью!

Ярослав опять растерянно огляделся. В его распоряжении оказался целый свободный вечер с добрым шматком рабочего дня в придачу! Как хотелось бы провести – ясно. А что, собственно, мешает! К счастью, он успел взять у Марины Ковалевой телефон!

Он несколько раз набирал номер. Ему отвечали длинные гудки. Не хочет? Скорее, занята. Но скоро освободится. Можно будет сходить на концерт или в театр. Хотя какой уж тут театр, когда самые вычурные спектакли каждый день разыгрываются прямо перед его глазами?! От воспоминания о живых картинках, которые язык никак не поворачивался назвать галлюцинациями, Ярославу стало дурно: голова закружилась и сердце тяжело забухало в груди. Какие девушки, какие свидания?! А вдруг вновь начнется это? Сумеет ли он контролировать ситуацию, не будет ли происходящее или он сам опасны для окружающих?

Ярослав оглянулся на здание «ЧеНепа». Что же он не поговорил об этом с Ксенией?! Ведь собирался! «Прощупал» бы ее или получил совет профессионала: что с ним происходит и как быть. Она выбила его из колеи этими разговорами о катастрофе и чувстве вины... Случайно?

Он развернулся и устремился обратно в стеклянный холл, к проходной «ЧеНепа». Но одноразовый пропуск, выписанный Ярославу на сегодня, был уже использован. Хочешь войти снова – опять заказывай! Он поразмыслил и звонить Ксении не стал. Пора взять себя в руки и во всем разобраться самому!

Ярослав осторожно повел автомобиль в сторону дома. Как ни странно, добрался без всяких приключений, но на главной улице любимого поселка его ждал неприятный сюрприз. Съезжая с шоссе, Ярослав предполагал, что прокатится по только что заасфальтированной дороге. А улица-то осталась грунтовой, как и была! Песок, камни, глина, глубокие ямы и колеи. Значит, гастарбайтеры с кучами асфальта выскочили из Ксениной тетрадки: Ярослав, когда читал в ее записках эпизод с дорожными работами, подумал, что надо бы организовать это у себя в поселке. Мысль его под воздействием бешеного потока энергии немедленно спроецировалась в живой образ. Лучше бы материализовалась!

Ярослав прислушался к себе. Сейчас энергии внутри и в окружающем пространстве были привычными, сбалансированными, без переизбытка! Он чувствовал силу и уверенность.

Здрав хвост трубой, к нему со всех ног примчался гулявший по саду Скинхед и принялся тереться о ноги так, будто не встречался с хозяином сто лет. Поглаживая кота, Ярослав подумал: сейчас позвонит Марина, надо забрать телефон из машины. Раздался звонок. Он, не глядя на экран, воскликнул:

– Марина Николаевна, добрый день!

Оказалось, что Ковалева вела семинар, потому и не реагировала на беззвучный вызов.

– А я без дела позвонил, просто! – сообщил Ярослав, глупо улыбаясь и с ужасом сознавая, что походит в этот момент на Григория, каким он представлен в записках Царевой:

звонит, просто так болтает и никуда девушку не зовет!..

Он разжег огонь в камине, приоткрыл оконную раму и задернул плотные гардины. Сел, легко опираясь спиной о стену. Пора разобраться со странными видениями, которые преследуют его последние дни. «Дротик» тут участвует, Ксения или какой-то третий фактор? Третий фактор он отмел сразу: не отзывалось пространство. С «дротиком» он не единожды пытался установить контакт – все тщетно: Ярослав чувствовал силу предмета, но предмет на его воздействия никак не реагировал. «Дротик» пока просто невозможно было прощупать. Оставалось разбираться с Ксенией. Что-то женщина скрывает, оставаясь откровенной и искренней, как-то незаметно она воздействует, оставаясь податливой и пассивной...

Сегодня Ксения отвлекла Ярослава от того, о чем он думал ежеминутно. Вместо недавних «галлюцинаций» он стал мучительно вспоминать события детства – до! – и юности – после! – и каждое мгновение единственных черновыльских суток. Как же это случилось? Ярослав постарался максимально сосредоточиться: Ксения. Ксения. что она делает?.. зачем?.. Зачем она заставила его думать о катастрофе? Чернобыль. Чернобыль.

Ни единой фотографии из детства у него, по понятным причинам, не осталось, и поэтому Ярослав иной раз называл себя «человеком без прошлого». А прошлое-то никуда не делось и только ждало его возвращения.

В день катастрофы и отец и мать дежурили в смене. Отец как-то сумел позвонить домой. Велел взять все деньги, документы. Распорядился не терять времени на сборы, Настю закутать в одеяло, бегом отнести в машину и ехать как можно дальше. «Куда?!» У шестнадцатилетнего парня прав еще не было в помине, но водил Ярослав хорошо: отец учил его с десяти лет. Он понял все: хватало знаний об атомной энергетике. Даже то, что разговаривает с папой, видимо, последний раз в жизни. Чувства временно заморозило ужасом и осознанием ответственности за сестру. «Посмотришь, куда ветер дует, и поедешь в противоположную сторону. Посты ГАИ старайся объезжать – селами, по грунтовке. Ты наши дороги знаешь». Ярослав знал: они всей семьей много колесили по ближним и дальним окрестностям Славутича. «Сколько сможешь – километров хотя бы двести, триста», – попросил отец.

Ярослав чудом проехал пятьсот! Среди глухого леса стояла деревенька, где они много раз отдыхали всей семьей. Он оставил маленькую сонную Настю на попечение бабушки Поли, у которой они прежде жили. Там же бросил автомобиль и своим ходом отправился обратно. Но обратно его уже и близко не подпустили. Ему все же привелось снова увидеть мать и отца – в клинике до того, как оба сгорели – едва ли не в один день – от лучевой болезни. Его долго туда не пускали, а когда пустили, родителям оставалось уже совсем мало времени. Но он видел их! Он порой вспоминал детство, совместные будни, праздники, поездки и душевные разговоры, шалости и наказания. Даже мог под настроение кое-что рассказать Насе. Но воспоминания о последних днях жизни родителей он ненавидел и старался по возможности их не касаться...

Один Скинхед, мерцавший зелеными глазами из темного угла, где он чопорно возлежал в позе сфинкса, не решаясь беспокоить человека, но с пристальным интересом его изучая, видел, что произошло с лицом хозяина.

«Да что ж ты делаешь, Ксения?!» – пробормотал Ярослав, с усилием выдирая себя из воспоминаний. Теплый, бархатистый голос Царевой ответил в глубине его сознания: «Нужно вытащить из памяти все. И обязательно себя простить!» Простить самого себя Ярославу никак не удавалось: он вообще не понимал, как это делается! «В чем ты себя винишь?» – спросила воображаемая собеседница. «Я мог бы вывезти родителей. Нет, не мог бы. Но друзей, соседей!.. Я слишком испугался и растерялся. Думал только о поручении отца.»

Неожиданно Ярослав почувствовал себя гораздо лучше. Он тогда и впрямь растерялся от ужаса и горя. Он был обыкновенным мальчишкой, который еще не научился спасать и защищать. Теперь он делает это как умеет, ежедневно искупая свою вину. «Ошибку, – поправила невидимая Ксения. – Не думаешь ли ты, что сделал уже достаточно?» «Я буду продолжать. Это мой выбор.»

Низкое гудение пробивалось сквозь поверхностный уже сон и постепенно нарастало. Ярослав прежде всего почувствовал, как затекло тело от непривычно жесткого ложа: он, оказывается, спал на полу в гостиной. Он открыл глаза и обнаружил, что Скинхед сидит перед сумкой с магическим инструментарием и утробно рычит. Грозно распахнутые глазищи сверкают. Ярослав вскочил и подошел ближе. Кот, зашипев, отпрыгнул в сторону и остановился в боевой позиции с изогнутым вверх хвостом у двери, готовый и к нападению, и к бегству.

В гостиной царил синеватый – от гардин – полумрак. Из синей же сумки исходило бледно-розовое свечение. Ни враждебности, ни опасности Ярослав не ощутил. Он аккуратно расстегнул «молнию», раздвинул края и заглянул внутрь сумки. Здесь свечение усилилось и сконцентрировалось в одной стороне. Ярослав достал заветный сверток, в котором хранился обломок существовавшего, быть может, миллиарды лет назад небесного тела. Сверток был теплым.

Ежику было ясно, что предмет активизировался. Только как понять, что же он умеет делать, на что настроен? Ярослав снова долго держал «дротик» в ладонях. Целлофановый пакет при каждом движении шуршал, липнул к пальцам, страшно раздражая, мешая сосредоточиться. Через некоторое время свечение угасло и «дротик» стал остывать.

– Как глюки насыщать – так пожалуйста, а как провзаимодействовать по-хорошему – так ты прикидываешься булжником! – попенял артефакту Ярослав.

И вдруг понял: «А ведь он не будет со мной взаимодействовать, пока я не выну его из обертки и не возьму голыми руками. Вот и весь секрет!».

В спальню как ни в чем не бывало вернулся кот и стал громко, настойчиво требовать свой завтрак, потому что он изволил давно пробудиться и до сих пор, по нерасторопности хозяина своего жилища, не имел во рту маковой росинки.

Забытый на кухне телефон надрывно закукарекал. Звонили из компании «ЧеНеп». Незнакомый голос вежливо, но сухо информировал, что господин Корюшкин позавчера скончался, сегодня похороны.

Сообщение не стало для Ярослава совсем уж неожиданным. Но сердце сжалось: президента было искренне жаль, а все ли возможное сделал, чтобы его спасти? Между прочим, даже Ксения ничего не знала еще вчера днем. Видно, кончину шефа скрыли ближайшие сподвижники, чтобы успеть обтяпать какие-то важные для них дела. А почему хоронят так скоро – тоже понятно: пятница, не лежать же ему, бедному, до понедельника! Без связи с происходящим Ярослав подумал: «Корюшкин, оказывается, его фамилия. Корюшкин. А я и забыл! К. из записок Ксении – я-то думал: какая-нибудь подружка. А может, и нет? Тогда это сильно меняет все дело!»

В связи со смертью президента «ЧеНепа», продолжал собеседник, все «факультативные» проекты закрываются. В том числе проект «Энергоэкологическая безопасность». Если господин Полевой хочет получить часть причитающегося ему вознаграждения – за неоконченные труды, то ему лучше приехать немедленно. Ярослав попросил заказать пропуск, хотя про себя решил, что денег не возьмет: работа провалена – мертвому Корюшкину он не помог!..

В осиротевшем здании было мало народу. Ярослав приехал в надежде повстречать Ксению Цареву, но, выбитый из колеи печальным известием, не сообразил, что та, вместе со всей руководящей верхушкой, на похоронах. Теперь он и на похороны уже не попадает.

Покидая «ЧеНеп», Ярослав зашел в зимний сад, стал выглядывать между ветвей бабочек, но не нашел ни одной. Сочувственно сказал охраннику, огорченному неопределенностью перспектив и общей траурной обстановкой в компании:

– Даже ваши бабочки попрытались...

– Какие бабочки? – изумился охранник.

– Ну, у вас тут в холле раньше бабочки порхали, – не смущаясь, пояснил Ярослав.

– А! Бывает! У нас многим посетителям кажется, что тут бабочки должны летать. А их нет. Так задумано. Эффект дизайнера!

«Ничего себе эффект дизайна, когда она усиками шевелила!» – подумал Ярослав, но спорить не стал.

До вечерней встречи с Матвеевым было еще долго. А он пребывал в состоянии полного раздвоя. Ни одна из проблем, возникших в последние несколько дней, не решена; а смерть Евгения Ильича добавила всему происходящему трагические тона. И – полная остановка: в данный момент ничего невозможно предпринять. Ярослав рассеянно повертел в руках телефон.

Марина Николаевна оказалась совершенно свободна. Она просто сидела дома и вымучивала из себя текст диссертации – занятие, которого врагу не пожелаешь!..

Они гуляли по Ботаническому саду, потом где-то ели. Ярослав, от греха подальше, оставил «дротик» в машине. Но спокойной прогулки не получилось: он то и дело возвращался мыслями то к предстоящему тяжелому объяснению с Григорием, то к «метеориту» – находится ли тот в достаточной безопасности и находится ли в безопасности от него окружающее пространство? В конце концов он с облегчением выгрузил мисс Ковалеву у подъезда ее дома и взял курс на Ленинградский проспект. Подумал, что его сегодняшнее поведение с девушкой, должно быть, как две капли воды напоминало поведение Григория на первых встречах с Ксенией.

Забирая из машины сумку у дома на «Войковской», Ярослав почувствовал, что даже ручки ее нагрелись.

* * *

Вера второй час подряд выслушивала подробный отчет Марины Ковалевой о похождениях бравого преподавателя вечерних курсов, неотразимого Ярослава Полевого.

Сначала Вера разозлилась до зубовного скрежета: мало того, что Андрей ухитрился каким-то образом воспользоваться ее наводкой – он еще сделал это втайне от нее, ничего не сказал любимой женщине, хотя они виделись каждый день! Мог бы поблагодарить! Струсил, милый, подло струсил! Или всего лишь забыл, не придавал значения? Все равно свинтус! В сущности, Вера злилась не столько из-за отсутствия благодарности за подсказку со стороны верного поклонника, сколько из-за того, что Ярослав уже начал занятия, а она не знала и пропустила. Она так мечтала учиться у своего загадочного лекаря и любовника!

Марина каждым своим словом подливала масла в огонь, рассказывая, как интересно Ярослав ведет и что он даже мощнее великой Троицкой! Чтобы избавиться от страданий по упущенным возможностям, Вера заставила Ковалеву пересказать ей каждый из четырех проведенных Ярославом часов в деталях и с подробностями. Подружка с удовольствием подчинилась.

Только Вера начала успокаиваться, как разразилась новая гроза – страшнее первой! То, что Маринка неровно дышит к Ярославу – дело естественное. Но выяснилось, что и Ярослав – бабник несчастный! – проявил к красавице аспирантке недвусмысленный интерес. То есть, даже точнее сказать – двусмысленный: в постель сразу не потащил, а принялся ухаживать по всем правилам. Вера составляла скорбный список: подвозит на машине домой; ест глазами; звонит «просто поболтать»; подарил гигантскую шоколадку именно того сорта, который Марина любит больше всего; подробно расспросил, когда у Марины бывает свободное время и каким образом она любит его проводить; выпуская из машины, сам открывает ей дверь и подает руку; наконец, прогулял девушку по парку и покормил в ресторане. Короче, случилось то, чего Вера боялась больше всего на свете: молодая красавица подруга затмила Ярославу горизонт.

– Будь осторожна! – промурлыкала Вера, стараясь хотя бы в голосе притушить жгучую ревность. – Я тебе говорила, что немножко знакома с Полевым. Он – жуткий бабник. У него бывает по несколько женщин одновременно. И учти, если мужчина, дожив до тридцати шести лет, ни разу не был женат, это крайне подозрительно!

Произнося свое предупреждение, Вера вдруг сообразила, что все это – чистая правда и

вряд ли Ярослав сделает для Ковалевой исключение из своих правил и привычек. Теперь она искренне испугалась за подругу: ведь страдать будет девчонка! Если уж даже опытная Вера, которая и влюблена-то в Полевого толком никогда не была, страдает от его непостоянства, то страшно подумать, что будет с прямой, принципиальной и самолюбивой гордячкой Маринкой, если та не станет для Ярослава навеки единственной! Она ведь такая ранимая!

Оторвав, наконец, раскаленную добела трубку от покрасневшего, горящего уха и положив ее рядом с телефоном, Вера отправилась по коридору налево. Во время короткой прогулки она вспомнила одно обстоятельство, которое, за давностью лет, вылетело у нее из головы.

В начале их с Полевым отношений, когда они еще встречались чаще, чем раз в год по обещанию, и не только под предлогом лечебного массажа,

Ярослав придирчиво, не единожды, выяснял у Веры, намерена ли та рожать еще детей. Вера каждый раз отвечала отрицательно. После этого разговоры плавно съехали в другую колею: не хотела бы Вера оставить мужа, который ей давно безразличен, и, прихватив ребенка, прийти хозяйкой в дом Ярослава. Он тогда снимал квартиру в Москве. Неплохо зарабатывал, но призрак иммигрантской нестабильности еще витал над его жизнью и бытом, квартиру он делил с несовершеннолетней сестрой, которую преданно воспитывал. Словом, переезжать к нему – означало: менять шило на мыло. В постели будет веселее, зато в быту – гораздо более уныло. Вера замяла тему, и Ярослав больше ее не поднимал.

Сейчас Вера поняла, что сделала тогда свой выбор. Ей нечего делить с молоденькой Мариной Ковалевой. Она, Вера, занимала свое, уникальное место в жизни Ярослава Полевого – место, равноценное по объему тому, которое он занял в ее собственной судьбе – ни больше ни меньше. С этого места не сдвинуть человека, не согнать, можно только от него уйти – вперед, в сторону, вверх, к другому...

Между прочим, Ярослав-то, похоже, считал себя бесплодным, иначе зачем бы стал так придирчиво выяснять у Веры ее планы по деторождению. Но этим соображением она поделиться с Ковалевой не могла.

– Так, ну а про эсэмэски ты его не спрашивала?

– Про какие эсэмэски?

– Как же, Марин? С угрозами, которых ты так боялась!

– А! Я и забыла! Там все в порядке оказалось. Ярослав поработал с этой ситуацией.

– Что же ты молчишь?!

– Он посмотрел и сказал, что никакой угрозы нет. Это пишет женщина. Она – ненормальная, но видящая. Она давно ко мне присматривается, интересуется моей жизнью. Моя персона ее привлекает просто потому, что энергии много. Вот она и старается отвампитить. Но эсэмэски пишет довольно осмысленные: чувствует грядущие перемены в моей жизни!

– Какие перемены?

– Ярослав сказал, что не к худшему. Скорее к лучшему.

– Понятно, на что намекает!

– Не знаю, Верочка. Он пока никакого особенного интереса ко мне не проявил. Просто не знал, чем занять внезапно появившееся свободное время, – вот и решил пригласить меня на прогулку.

– Ладно прибуднаться! А что это за женщина, он не может выяснить?

– Уже выяснили. Он описал, сказал: где-то поблизости от меня территориально. Я узнала одну соседку... не совсем соседка, из другого подъезда. Ярослав поставил такую мощную защиту – ей ничего мне не сделать, не напугать больше!

– Вот и хорошо!

* * *

Григорий, открывший ему дверь, был одет в черный костюм, идеально отутюженный,

под пиджаком – черная же водолазка. Черные круги под глазами дополняли траурный вид.

– Я опоздал! – ровным голосом сообщил Матвеев сразу после того, как обменялся с Ярославом короткими приветствиями.

– В каком смысле? – не понял Ярослав.

– Я опоздал на похороны, – пояснил Гриша громким, звенящим голосом. – Поехал на троллейбусе, а он целых сорок минут простоял в пробке. Представляешь?

– Гриша, чьи похороны? – спросил Ярослав, предугадывая ответ.

– Жени Корюшкина, моего самого близкого друга. Представляешь, я прибегаю, а там уже... все!.. Все уехали на поминки.

Он говорил с непонятным патетическим подъемом, вроде эйфории. От Григория не пахло вином, но на кухне, куда Ярослав прошел без приглашения, обнаружилась, как он и ожидал, почти ополовиненная бутылка виски.

– Но это даже к лучшему, – продолжал Гриша, наливая гостю полную рюмку. – Потому что я... отказываюсь верить! – Голос его сорвался с высокой ноты, и он прошептал: – Не могу, не хочу...

Молча, не чокаясь, выпили. Григорий стал прежним взвинченным тоном рассказывать о том, как поймал левака, чтобы успеть на поминки, как дома собрались все самые лучшие, верные друзья – деловые поминали отдельно, как он утешал мать покойного, как некрасиво повели себя бывшие жены и старшая дочь, принявшись тут же делить немалое наследство, и что младшая дочь покойного – наркоманка, так что никакой радости в жизни бабушки не предвидится, и что он, Григорий, намерен поддерживать несчастную старую женщину до конца ее дней...

Виски закончилось, он откупорил коньяк и ром. Ярослав, равнодушный к спиртному, пил только для поддержания душевного контакта. Каждый раз, когда просил Григория не подливать ему, тот согласно кивал: «Нам такие люди нужны!» И тут же наполнял его рюмку доверху. Ярослав понял, что Матвеев делает все это автоматически: и произносит дежурную, неуместную сейчас шуточную фразу, и наливает собеседнику коньяк, и даже опрокидывает рюмку в рот, абсолютно не задумываясь о том, что делает и зачем.

– Женька любил ром. Больше всех остальных напитков, – сообщил он, когда дело дошло до соответствующей бутылки.

Слегка захмелевший Ярослав с ужасом увидел, как глаза друга, и без того давно покрасневшие, наполняются слезами, и слезы эти начинают литься через края век, катиться по гладко выбритым щекам, расплываться еще более темными пятнами на черном пиджаке. Он протянул руку через стол, чтобы накрыть ею Гришину кисть – выразить сочувствие, как-то поддержать. В этот момент Григорий, не терявший ясности и связности речи, произнес, глядя Ярославу прямо в глаза:

– Я совсем один остался, понимаешь, Ясь? Детей давно уже фактически лишился. Жены нет. Самого близкого друга тоже больше нет.

Ярослав задохнулся от обиды. У них с Настькой ближе Матвеева не было никого на свете. Они никогда не пытались навязать Григорию Степановичу функции отца или старшего родственника. Не требовали от него заботы, не ждали материальной помощи. Но Ярослав верил, что есть между ними некая душевная связь... Он живо вспомнил эпизод из записок Ксении, где Григорий, тоже глядя ей прямо в глаза, говорит: «Зачем мне собственная дача? Я же пока один!» Говорит это влюбленной в него женщине, с которой провел ночь, с которой только что, утром, был близок! Ярослав, когда читал, совершенно не понял, почему Ксению ранили слова любимого мужчины: он ведь сказал «пока», значит, в дальнейшем возможны перемены! Теперь Ярослав с досадой подумал, что Царева – фантастически, неправдоподобно терпеливый человек! Было жаль не столько себя, сколько Анастасию, которая в дяде Грише души не чает... Он отдернул протянутую было руку.

– Ясь, ты обиделся?

Ярослав густо покраснел. «Черт бы побрал твою непотопляемую наблюдательность!» – подумал он. Краска, бросившаяся в лицо, не оставляла пути к отступлению. Григорий

заговорил снова, не дожидаясь ответа:

– Ясь, не обижайся, пожалуйста! Ты тоже для меня близкий друг. Ты – очень близкий мне человек! – воскликнул он с напором, стараясь быть убедительным. Брови переломились над переносицей, глаза заблестели – Григорий верил в то, что говорил! – Но тут совсем другое, – продолжал он. – Мы с Женькой вместе росли, с семи лет дружили, представляешь?! Он мне ближе, чем брат, если бы у меня был брат, ближе отца с матерью! Мне его мать роднее, чем моя собственная, понимаешь?!

Ярослав молча кивнул. Досада не проходила. «А мы с Настей, значит, слишком поздно появились в твоей жизни, и за прошедшие двадцать лет ты не успел достаточно с нами сродниться! Что же ты Ксении мозги компостировал: мне, мол, год нужен, чтобы «рефлексы» возникли, то есть чтобы привыкнуть и привязаться?! Год – да это с твоими темпами нереально мало!»

Образ вновь упомянутой в мыслях Ксении встал перед глазами Ярослава, очень отчетливый и живой. «Нет предмета для обиды, – сочувственно улыбнулся фантом главного психолога «ЧеНе-па», – сердцу не прикажешь! Есть предмет для печали – и только». Но Ярослав не был расположен печалиться. «Сердцу не прикажешь? Это не про нашего Гришу! – мысленно возразил он Царевой. – Смылся бы он от тебя, пожалуй, драгоценная Ксения, если бы не приказывал своему сердцу молчать, если бы не запрещал ему руководить своими поступками! Будто вы не знаете, Ксения Алексеевна?!»

Между тем собственную Ярославову обиду как рукой сняло. Зато подняло голову сочувствие ко всем участникам драмы и потребовало незамедлительных действий. Ему захотелось разбить, наконец, заколдованные хрустальные гробы, которых слишком много развелось вокруг: понимания и терпеливого ожидания – куда загнала себя Ксения, недоверия и отчужденности – куда Григорий поместил свое сердце, может, двадцать лет назад, а может – все пятьдесят!

– Гриша, – сказал Ярослав с нетрезвым воодушевлением, подозрительно похожим на интонации Матвеева, – ну, я с отцами и детьми понял: конфликт поколений, межкультурные различия – бывает! С другом – ну да, что ж тут, против смерти не попрешь... А вот хрена ли ты жалуешься, что жены нет?! – нагло приступил Ярослав к главному. – Чем тебе, например, Ксения не подошла?

Матвеев воззрился на него, молча хватая ртом воздух.

«Ну-ну, – мстительно подумал Ярослав, припомнив Грише ситуацию с метеоритом, – соображай, откуда я знаю про твой роман с Ксенией и что именно мне известно!»

– Ты же... – размышлял Григорий вслух, – Ясь, я знал, что ты проверяешь Женькину компанию. Как раз когда со мной вся эта ерунда случилась, когда меня по башке треснули... Женья однажды заговорил о том, что существует такая легендарная личность, великий специалист по энергоэкологической безопасности, и он очень хотел бы пригласить этого человека к себе. Он жаловался на какую-то беспричинную тревогу, связанную с работой. Я сказал ему, что так бывает: когда дела идут хорошо, особенно в крупной фирме, начинаешь ожидать какого-нибудь подвоха. Но он настаивал: тревожно, беспокойно, будто несчастье рядом... Теперь я думаю, он просто чувствовал приближение смерти... Ярослав, разве ты не умеешь определять... ну... что человек болен, что его жизни угрожает опасность? Ты же специалист по безопасности. Ты не мог уберечь Женьку от смерти: предупредить его, что-то сделать?!

Григорий говорил ожесточенно, взгляд его стал, можно сказать, враждебным. «Вот причина его внезапной холодности, – сообразил Ярослав, – Гриша винит меня в смерти друга! Не исключено, что Евгений Ильич и чувствовал приближение конца, только тревога его по поводу работы была связана с энергетическим пробоем, зиявшим посреди центрального офиса...»

– Гриш, – начал он, стараясь говорить предельно мягко и убедительно, – ты зря на меня баллон катишь! Во-первых, Евгений Ильич отлично знал, насколько серьезно болен. И ты ведь знал – от него же, верно?! Во-вторых, я предупредил его, что дело пахнет керосином...

Ярослав приостановился, сообразив, что получился неуместный каламбур: сказать о человеке, занимавшемся нефтяным бизнесом, что его дело пахнет керосином! Однако Григорий на сей раз ничего не заметил и напряженно ждал продолжения истории. Ярослав передумал краснеть и продолжил рассказ:

– Я даже подсказал ему, к кому нужно обратиться за помощью, дал все координаты. Но я не могу и не собираюсь, – он все-таки сорвался в раздражение, – водить за ручку взрослых людей и непрерывно тыкать их носом в то, что им следует сделать! Между прочим, если бы ты, Гриша, не пытался соперничать в скрытности с советским резидентом, а...

Ярослава занесло. Он это понял и устыдился: у человека же горе!

– Гриш, – продолжил он другим тоном, – короче, если бы я раньше знал, что Евгений Ильич – твой лучший друг, то и тебе обязательно сказал бы, что его жизнь висит на волоске. Ты, наверное, имел на него влияние...

– Ясь, прости! – искренно попросил Григорий; в его глазах опять стояли слезы. – Он не рассказал, что ты предупреждал... Не любил, когда его уговаривали лечиться. Не желал обсуждать болезнь... Особенно со мной. – Григорий надолго задумался. – Хотел чувствовать себя по-прежнему молодым и здоровым... Прости, мой мальчик!

Глаза Матвеева, обращенные на Ярослава, смотрели сквозь него. «Он с сыном, что ли, сейчас разговаривает вместо меня?» – подумал Ярослав, и сердце сжалось от сочувствия. «Я один остался», – вспомнилась горькая жалоба товарища. «Ну а что же все-таки с девушкой?» – тут же вернулся Ярослав от эмоций в конструктивное русло. Он вновь протянул через стол руку и сжал ладонь Григория.

– Гриш, никто ни в чем не виноват!

Матвеев вновь разлил по стопкам крепкий ром.

Выпили в молчании.

– Этот «ЧеНеп» его убил! Такой крупный бизнес был не по нему. «ЧеНеп» случайно достался ему три года назад в разобранном состоянии. Женьке было интересно все это поднять, сделать своими руками. Он справился! Я ему говорил: «Теперь продавай! Не твое это – быть воротилой, олигархом! Продай выгодно и живи спокойно!» – Григорий почти кричал. – Такие деньги, такие опасности, такое напряжение... Он волю любил!.. – добавил тише. – Женька так ждал, когда я новую лодку дострою. Мечтал, как поедет на Селигер. Каждую свободную минуту готов был мне помогать! Даже имя придумал. Я говорил: это громко слишком для маленького кораблика – «Повелитель ветра»! А он: нет-нет, только так!

Григорий глубоко ушел в задумчивость. Ярослав прикидывал, как вернуть беседу в интересовавшее его русло отношений с женщинами. Вдруг Матвеев сам встрепенулся:

– Так мы про Ксению начали говорить! Я дал Жене твои координаты. Представляешь, я от него впервые узнал, какой ты знаменитый и высококлассный!.. А потом он пригласил тебя... Вспомнил! Мы с тобой чуть-чуть разминулись! Ну да.

Матвеев замолчал, будто сообщил нечто для Ярослава очевидное.

– Когда чуть разминулись? Где?

– Ну, там же, в «ЧеНепе»! Я заходил к Жене в гости в офис, а вечером, когда возвращался, на меня напали. После этого я вызвонил тебя. А потом мне Женя сказал, что ты как раз у него был. То есть я ушел, а ты пришел.

Ярослав с трудом восстановил в памяти события того дня. Интересное совпадение получилось! И все зачем-то скрывали от него, что знают друг друга: и Евгений Ильич, и Гриша. Ну, с Матвеевым все ясно – натура такая! А Корюшкин, должно быть, боялся выдать друга, который «слил» ему полезный контакт без согласования с Полевым. Вот, блин, партизаны номенклатурные! Дурдом!..

Итак, выходит, Гриша с самого первого дня сотрудничества Ярослава с «ЧеНепом» знал, что его младший друг ходит в двух шагах от его бывшей возлюбленной, может в любой момент повстречать ее, заговорить с ней. И никаких вопросов – ни прямо, ни косвенно! Вот это выдержка! Или Ксения давно безразлична Матвееву? «Я не хочу думать о Ксении: мне это больно!» – вспомнил Ярослав фрагмент своей мысленной беседы с мужчиной, которого

«показала» ему Ксения и в котором он тогда не распознал Григория.

– А с Ксюшей тебя, значит, тоже познакомили?

– В тот же день.

– Он что, и тебя хотел ей сосватать? – неожиданно поинтересовался Григорий ровным голосом, в котором Ярослав «третьим ухом» услышал острую, жгучую ревность.

– Я ничего не знаю насчет сватовства, – ответил Ярослав, удивленно подняв брови.

– Ксения работала у Жени, и он решил нас познакомить. Он знал, что я один, а мои родители заразили его идеей меня женить. Было время, когда они и меня самого заставили поверить, что это необходимо. Женья дал ее телефон...

Ярослава тихонько затошнило. Он был по горло сыт любовными мемуарами Царевой и вовсе не горел желанием заново выслушивать всю историю от второго ее участника. Он хотел знать только одно: почему Гриша порвал с Ксенией в разгар безоблачного романа.

– Гриш, а что вас с ней развело-то? Она в тебе до сих пор души не чает. Как о тебе заговорит – после этого на мне одежду хоть выжимай: всего слезами обольет!

– Она обсуждала с тобой наши отношения?

Ярослав вслух застонал: опять Григорий недоволен! Не хватало еще подставить Ксению! Хотел как лучше, а получается...

– Гриша, у нее не было другого выхода! Речь шла о безопасности – ее, твоей, еще сотен людей!

Я потом все тебе разъясню – это моя кухня!.. Кроме того, – спохватился Ярослав, – она не имела понятия, что я знаком с тобой, а я поначалу понятия не имел, что она говорит о тебе. Она даже имени твоего долго не называла, понимаешь?

– Ничего не понимаю! – воскликнул Матвеев. – Я и Ксения. Все... прошло... давно. При чем тут безопасность сотен людей?

«Так, – подумал Ярослав, – не получается беседы по душам. Ладно, придется прижать тебя к стене».

Он коротко изложил всю историю с энергетическим пробоем.

– И что, этот провал существует до сих пор? – уточнил Матвеев.

– Убрали.

– Этот провал мог Женьку свести в могилу?

– Мог. Но Ксения приложила все силы, чтобы локализовать дыру, нивелировать ее влияние на окружающих. В первую очередь удар должен был прийтись по ее собственному здоровью. Другой вопрос, что Евгений Ильич был предрасположен... Еще раз повторяю тебе, пожалуйста, пойми это: пробой порожден не истерикой вздорной женщины, а твоим с ней разрывом. Природу ваших отношений, как и причины разрыва, я до сих пор не понял. Также я не сумел понять, что за сила сокрыта в твоём этом метеорите, для чего он предназначен и как им пользоваться. По всем направлениям потерпел полное фиаско.

Ярослав не стал добавлять, что неплохо было бы получить от Григория хоть какую-то информацию – тогда и фиаско удалось бы избежать. Но давить на друга опасно: замкнется еще прочнее. Поэтому просто ждал, подливая ему и себе еще какой-то напиток: ром уже закончился.

– Я купил это для Ксении, – неожиданно сообщил Григорий, – на черном рынке в Моади.

Он потерянно замолчал, будто внезапно забыл тему беседы. Как-то сразу стало ясно, что Грише больше не надо подливать спиртного.

– Где это – Моади? – пригласил к продолжению разговора Ярослав, а сам поднялся, убрал со стола бутылку и принялся мыть рюмки.

– Африка, Сахара. – Матвеев снова приостановился.

Ярослав поставил чайник на плиту.

– Я ездил осенью в Египет. Ксению не брал: была мужская компания, серфингисты. А там предлагали сафари... ну, это только так называлось... путешествие по Сахаре. Я поехал. Понимаешь, просто... Я не мог так много пить, как ребята, каждый день. Они моложе; они

так громко заводили музыку. Я их предупреждал: это все плохо кончается: капельницей – слух слабеет, я это проходил!.. Мы с Женькой, когда жили в Египте, все время мечтали попутешествовать по Сахаре. Это было – как возвращение в детство!..

– Когда вы с Евгением Ильичом жили в Египте? – удивился Ярослав.

– Я же говорю, в детстве. Отцы работали в Каире, матери с нами снимали домик у моря. Мы там и познакомились.

– А я думал, твои родители только в Европе работали.

– Вот видишь, не только.

– Извини, я перебил. Ты начал рассказывать, как купил метеорит.

– В Моади я просто бродил по базару и случайно услышал разговор. Один немец по-английски объяснялся с местным жителем. У него плохо получалось – я подошел, чтобы помочь. Оказалось, что там есть черный рынок метеоритов. Немец стремился туда. Я, конечно, тоже захотел там побывать. В тех краях метеоритные дожди идут чаще, чем обычные, представляешь? Местные жители ищут, подбирают. Этим живут. Мне захотелось сделать девушке такой необычный подарок – звезду с неба. Ксения – натура романтическая, любит смотреть на звезды... Вон заварочный чайник, слева от тебя! Чай... правильно, здесь. Выбирай любой!

Ярослав успел заварить крепкий черный чай и выставить на стол чашки прежде, чем Григорий снова заговорил.

– Я смотрел на них, брал в руки... Это так необычно – держать в руках кусочек космоса!.. И думал: как выбрать?! Один продавец сказал: «Господин, эта звезда особенная. Она упала очень давно, но к ней ни разу не прикасалась рука человека. Вы станете первым».

– И позволил тебе ее подержать, – усмехнулся Ярослав.

– Нет. Не позволил. У него метеорит лежал в коробочке со стеклянной крышкой. Мне и коробочка понравилась – деревянная, с резьбой, и идея. Продавец ломил цену... Я, конечно, торговался, как положено. Все равно, даже после торга мне это стоило втрое дороже, чем немцу его обыкновенный метеорит, без коробочки. – Григорий коротко рассмеялся. – Но я твердо решил, что Ксеньке нужен именно такой подарок. Даже если неправда, зато как красиво: «Вот тебе, подруга ситная, звезда с неба, и она только твоя, никто ее до тебя не трогал. Бери в ладошки и загадывай желание!» Я и сам до нее... до него... черт его знает!.. короче, ни разу не дотронулся!

У Григория дрогнула рука, он плеснул чай на колени и принялся отряхиваться. Заторможенно наблюдая этот процесс, Ярослав размышлял: «То несчастная страдальца, вечно зареванная Ксения оказывается звездой танцпола, то Гриша случайно находит за шиворотом вещь, которая ему принадлежала и которой он не терял! Ну и парочка!»

Григорий вновь откинулся на спинку стула.

– Вот так! Я ей – звезду с неба, а она мне: «Ты меня встретить обязательно у метро. Неудобно тебе это? Устал ты? Ну, значит, я к тебе и не пойду вовсе!» Думала под каблукочку взять Гришу!

Эту дурацкую историю последней невесты Ярослав один раз прочитал, другой раз услышал в исполнении Ксении. «Каблукочковая» версия не показалась ему особо убедительной.

«Нежность, привязанность, детская обида, – думал Ярослав, давая имена тем чувствам, которые проступали между слов в рассказе Григория, – если все это вместе – не любовь, тогда что есть любовь?»

– Гриш, но ты ведь еще встречался с Ксенией после Африки. Почему не отдал ей сувенирчик?

– Но это же не простой сувенир, понимаешь? Это роскошный, дорогой подарок! Я хотел приберечь до Нового года. Так я ей бусики привез, расписные арабские брючки...

– Понятно.

– Еще я договорился в Каире со специалистами – проверили, нет ли вредных излучений от этой штуки. Но не прикасались – я проследил! Дома запрятал подальше и... все.

– Гриша, а как получилось, что метеорит оказался при тебе в день нападения?

– Как получилось? Случайно!

Ярослав хмыкнул: «Кто бы сомневался!»

– Я же шел в «ЧеНеп», к Жене в гости... Давай помянем еще раз! А, ты убрал уже! Ну ладно... Я знал, что могу там случайно встретить Ксению. Ну, я просто вспомнил, что у меня эта штука лежит, и подумал: на черта она мне нужна?! Валяется без дела. Не люблю лишний хлам! А! Я как раз перед этим шкафы разбирал, много лишнего повикинул. Вот. Решил, если увижу Ксению, отдам ей.

– Так ты к ней заходил в тот день?

Ярослав живо вспомнил заплаканные глаза Царевой, которые встретили его во время первого визита в «ЧеНеп».

– Нет, и не собирался, – ответил Матвеев с досадой, – я же говорю: думал, может, случайно встречу.

Странную логику друга касательно встречи с бывшей возлюбленной Ярослав поместил в свою копилку под названием «Признаки и приметы любви». Григорий наверняка не сумеет ответить на вопрос, чего хотел добиться своим запоздалым даром: восстановления отношений или их завершения. Во всяком случае, ко второму он явно не был готов, иначе захватил бы вместе с метеоритом Ксенину ночнушку, которая в тот вечер, по наблюдениям Ярослава, мирно почивала в шкафу. А для первого Грише не хватило духу: иначе он бы заглянул в кабинет Ксении.

– Гриша, – позвал Ярослав засыпающего прямо на стуле друга, сменив направление рассуждений, – я все понял, кроме одного. Как ты ухитрился пустить дротик... метеорит то есть... в ход, если он лежал в коробочке?

Матвеев встрепенулся:

– Я не помню. Я вообще не могу вспомнить, чтобы держал его в руках, представляешь? Помню, как вырвался от одного парня, как ударил другого кулаком. Просто кулаком, понимаешь? Я был трезв – почти, с головой все было в порядке... тогда. – Он иронично усмехнулся. – После нападения я позвал тебя на помощь. Я действительно испугался, не секта ли, нет ли какого-то... воздействия... Я испугался из-за этого провала в памяти.

– Гриша, я понял: ты боишься не столько нападавших, сколько самого предмета. Ты почувствовал его силу, так?

– Я еще подумал: может, у меня хотели именно его отнять...

– Поэтому швырнули его тебе вдогонку?

– А вдруг он вернулся сам, помимо их воли? – глухо проговорил Григорий.

– Подчинив их волю, – поправил Ярослав.

– О господи! – Матвеев поморщился. – Ярослав, я прошу тебя!..

– Ты первый начал! – парировал Ярослав почти радостно.

Григорий мрачно промолчал.

– А коробочка? – решил все-таки разрядить обстановку Ярослав.

– Коробочка пропала. Она лежала в кармане плаща. Могла выпасть, когда я убежал. В магазине у меня ее уже не было.

– В кармане плаща?! Ты носил такую дорогую вещь в кармане плаща, разъезжая на общественном транспорте в час пик?!

– Ну, куда мне было ее девать? Я ехал налегке, не взял с собой портфель. Просто держал руку в кармане.

– Так. Ты шел по двору, держал руки в карманах, автоматически сжимал в левой коробочку с метеоритом. Во время нападения опять же автоматически вынул руку вместе с зажатой в кулак коробочкой и этим кулаком нанес удар. Коробочка – вдребезги, метеорит из нее выпадает на асфальт, а ты в пылу сражения ничего этого не замечаешь. Правдоподобно?

– Вполне. – Григорий в тысячный раз зевнул.

«Но откуда ожог на руке Владимира? И почему похожих ожогов нет на Гришиной ладони? Насколько было бы легче, если бы этот метеорит все-таки свалился прямо с неба!»

– Ладно, Гриш, отправляйся-ка ты отдыхать! А то сейчас или со стула свалишься, или меня проглотит ненароком!

– Да, надо спать, – согласился Матвеев. – Ясик, ты сам себе постелишь? В гостиной, на диване.

– Разумеется, и сам найду белье, если ты не возражаешь.

– Да-да, – пробормотал Григорий, нетвердой походкой направляясь в сторону туалета, – в шкафу, в спальне.

Ярослав посмотрел, как Гриша хватается за стенку, чтобы не занесло на повороте, и его сознание озарилось еще одним воспоминанием: Матвеев с забинтованной головой выходит в коридор, приносит полиэтиленовый пакет с завернутым в него орудием нападения, шатается, начинает заваливаться, Ярослав едва успевает его подхватить. Григорию было очень плохо ровно до того момента, пока Ярослав не забрал у него из рук артефакт...

А теперь вопрос: почему же Матвеев преспокойно носил с собой метеорит как во время путешествия по Африке, так и в поездке по Москве – до «ЧеНепа» и обратно?

Ожог у нападавшего от предмета, который только что был холодным... Перемежающееся воздействие артефакта на своего владельца: то Гриша, держа его в руках, забывает, что делает, то теряет сознание, а то живет и действует как ни в чем не бывало... «Дротик» то активизируется, то переходит в латентную фазу.

Обычно предмет силы активизируется при возникновении задачи, для решения которой может быть применен. Чаще всего инициатива активизации принадлежит хозяину вещи, но случается, что и сама вещь проявляет достаточную прыть, ведет себя будто одушевленная.

Григорий в ванной шумно умывался, а Ярослав, доставая постельные принадлежности и опасаясь снова наткнуться на предметы интимного гардероба Ксении Царевой, приступил к обдумыванию самого сложного вопроса, который до сих пор оказывался ему не по зубам. Так какие же именно задачи призван решить метеорит – «дротик»? Очевидно, его и прежде пускали в ход, только следы былых прикосновений стерлись за давностью тысячелетий либо были искусно устранены коллегами по магическому цеху, прежде оперировавшими этим предметом.

Григорий сам выбрал этот метеорит из десятков других. У него бешеная интуиция; выбрал наверняка не случайно. И действительно: очень скоро он использовал предмет для защиты. В этом и состоит назначение «дротика» – защита? Как функционирует – детали. Увеличил силу владельца, смелость, скорость реакции... А через секунду сам же прилетел хозяину по башке! Возможно: перешел в другие руки – сменил владельца. Но выходит, не качественно защитил. И чем он после этого отличается от простого кастета? Еще нюанс: Гриша ведь не для себя вещь присматривал – для Ксении. Да так и продолжал считать ее не своей!

Матвеев вышел из ванной и направился в спальню – напрямик к кровати.

Надраивая зубы пастой с ядреным мятным вкусом, Ярослав продолжал крутить в голове шарманку повторяющихся, однотипных рассуждений. Глаза слипались, мозги скрипели, будто жернова, перетирающие песок, но безрезультатные размышления подобны ребрышкам воблы: если уж начал их обсасывать – трудно остановиться.

«Звезда с неба». Подарок, выбранный с любовью... Вспомнились бусы из бирюзы, которые очень шли Ксении. Она, заметив взгляд Ярослава, сказала с гордостью: «Его подарок». А в записках: «Я сначала хотела все его подарки собрать в один большой мешок и вернуть ему – в обмен на мою ночнушку. Потом подумала: они ведь сделаны с любовью! Он так внимательно выбирал то, что мне подойдет, и пригодится, и будет к лицу...» И еще почему-то промелькнуло воспоминание. Налитая дождем лужа под окном офиса, признание Царевой: «Я хочу, чтобы моя печаль хоть краешком коснулась одного человека...»

«Звезда любви приветная!» – пропел Ярослав, размокая под горячими струями. Баюясь, вставил в песенную строчку слово, звучавшее в ней нелепо, зато актуальное для его нынешних размышлений: «Метеорит любви...» Два лишних слога! Заменял «метеорит» на «дротик» и безудержно расхохотался: «Дротик любви!» Смакуя, снова повторил вслух.

Пробормотал, продолжая веселиться: «Дротик любви! Это вам не стрела какая-нибудь тощая!..»

Он замер на месте, потом резким движением выключил душ, вылез из ванны и, автоматически натянув халат, сел на ее край.

Стрела любви. Он пока еще не знал, каким образом состыковываются все факты, как объясняются нюансы. Но он понял главное. И главное уже состыковалось в его голове: ощущение, которое он испытывал, когда брал в руки волшебный обломок космоса, и найденное для «метеорита» имя!

Хотя... какой же он... то есть она, стрела, метеорит?! Специалист сказал: объект имеет внеземное происхождение. *Неземное*, скорее! А вот уж откуда взялся – бог весть!

Теперь мысли неслись в голове беспорядочно; только успевай фиксировать в памяти одно озарение за другим! Все озарения подозрительно легко вырастали из банальных расхожих суждений. Любовь защищает и хранит. «Дротик» справился с функцией защиты. От любви теряют голову. Гриша так долго и упорно не пускал любовь в свое сердце, задвигал в самые темные углы самых дальних полок своей души, что она, в конце концов, вмазала ему по башке – чтоб меньше думал! Любовь является неожиданно и частенько остается неузнанной в течение долгого времени – это путь, которым «дротик» попал к Матвееву. Любовь – самый роскошный подарок судьбы. Тут и комментировать нечего!

Ярослав забыл, что пять минут назад чувствовал себя совершенно вымотанным. Бодрый и полный сил, он вышел из ванной, извлек из шкафа в прихожей свою сумку. Взял в руки сверток с драгоценным предметом. Ощутил силу, к которой успел уже привыкнуть. Пробормотал:

– Ну их в баню, эти перчатки с отпечатками!

Подумал: «Я сумею защитить Григория от бандитов другим способом – без юридической игры! Да все у них и так нормально сложится на процессе: ребятам дадут по минимуму. Зря, что ли, я с ними возился?»

Он благоговейно взял в ладони стрелу. Мощный поток розовато-золотистой, как заря ясного летнего дня, энергии полился сквозь все его существо, наполняя тело от макушки до пяток, заполняя душу покоем и радостью. Мягкая сила, нежная сила, неодолимая сила.

Каково главное, если не единственное, назначение любовных стрел? Правильно: нести любовь конечно же! Кто-то там из древнегреческого пантеона пускает стрелу, она попадает прямо в сердце, жертва – на вершине блаженства! Должно быть, «метеорит» – «дротик» в древние времена служил одним из сильнейших, если не самым сильным на земле, предметов любовной магии. Ярослав с сомнением посмотрел на свои пальцы, бережно охватившие стрелу. Если прежде он видел в ней тяжелый, грубо обработанный булыжник, то теперь вдруг заметил, какой маленькой и хрупкой кажется стрела в его ладонях. Камень – или металл – наливался теплом и будто дышал. «Уж не держал ли в своих руках это орудие сам бог Эрос?» – горделиво, но с опаской подумал Ярослав.

Как же чудесно, что Гриша заметил и оценил по достоинству эту вещь, что Ярослав имеет возможность прикоснуться к ней, исследовать ее, даже оперировать с нею!

Ярослав попытался мысленно реконструировать способ применения стрелы. Если по-настоящему вонзить ее в грудь, то жертва просто-напросто скончается от разрыва тканей сердца. Однако острие, направленное в сердце, должно являться центральным элементом ритуала! Может, делали на восковой кукле, подобно вуду? Нет, любовь – светлая магия!

Ярослав, обеими руками обхватив маленький, почти горячий уже наконечник, поднял его на уровень груди узким концом к себе. Он много раз прежде разглядывал конусовидный камень и видел, что его узкий конец несколько скруглен, будто затупился от времени или от трения об атмосферу Земли. Медленно, торжественно поднес наконечник вплотную к обнаженной между полами махрового халата груди, легонько прикоснулся острием к коже в том месте, где особенно отчетливо почувствовал биение сердца.

Розово-золотистая энергия текла прямо в грудь, грозила уже переполнить ее и начать безудержно изливаться наружу. А из-под «чешуек» шишечки, которой завершался тупой

конец орудия, в пространство комнаты потянулись тонкие энергетические нити, похожие на лучи лунного света. Бесплотная фигура женщины качнулась и с охотой подалась навстречу искавшим ее и манившим к себе серебристым нитям. В отдалении справа – еще движение: другая женская фигура начала приближаться, а сквозь оконное стекло к нему навстречу просочилась третья.

Пальцы невыносимо жгло. Что-то медленно, вязко подалось и поплыло под ними, будто твердый материал «дротика» превратился в раскаленную лаву. Ярослав опустил глаза на свою руку и выронил артефакт – не столько от обжигающей боли, которую намеревался перетерпеть, сколько от неожиданности: он увидел, как «дротик», раскаленный докрасна, и вправду плавится, течет у него под пальцами. Но не вниз, как велело тяготение Земли. Расплавленный камень – или металл? – тек в стороны вдоль собственной оси, по совершенно прямой линии. Теперь, выпав из обожженных пальцев и прожигая продолговатую дыру в пушистом белом чехле дивана, «дротик» продолжал удлиняться и истончаться.

Ярослав баюкал в левой ладони поврежденную правую. На его глазах стрела обрела свою правильную, точеную форму: узкий, сильно вытянутый, острый, как игла, наконечник, сверкающая тонкая линия древка, изящные треугольные пластины «оперения». Всего не больше минуты прошло! По белому покрывалу перестало расплзаться угольно-черное пятно, мгновенно улетучился в приоткрытую форточку запах горелой синтетики. Светящийся красный сменился мерцающим белым серебром – будто лунный луч. Стрела лежала, прекрасная и совершенно неподвижная, будто только что с ней не происходило удивительных метаморфоз!

Ярослав протянул руку и осторожно коснулся стрелы. Она была едва теплой. Ярослав благоговейно положил сокровище на ладонь. Оно как раз уместилось между складками запястья и подушечкой среднего пальца. Маленькая, бесконечно изящная серебристая стрела. Твердая, будто из закаленной стали.

Ярослав вновь опустил преображенную стрелу на белое одеяло. Женские фигуры, поколебавшись, растворились в темноте. Ярослав не двигался, будто впал в столбняк, а в душе поднималось ликование. Он теперь знал механизм действия стрелы! Он мог использовать ее по назначению! Как же хотелось бы попробовать!..

Волосы на голове зашевелились, когда он осознал, какой подарок выбрал Григорий для своей «девушки». Если бы он решился вручить стрелу Ксении – это было бы актом высочайшего доверия! В этом случае он буквально распахивал перед нею свое сердце. Потому он и медлил с подарком, и боялся привести Ксению домой, где стрела напряженно дожидалась их встречи. Он-то медлил, только вот стреле наскучило лежать без дела в красивой коробочке со стеклянной крышечкой – миниатюрной витрине музея давнего прошлого. Стрела сама потянула Гришу навстречу Ксении. В последний момент он улизнул. Какая ж силища у Григория, если он сумел даже под воздействием стрелы подавить порыв чувств!

Должно быть, Ксения произвела на Григория самое сильное, по сравнению со всеми его «девушками», впечатление и оказала наиболее разрушительное действие на его ледяные замки, раз стрела пришла именно теперь. Но Царева, как назло, отвечала Григорию зеркальным отражением – сдерживала холодным рассудком страстные порывы своей натуры.

Ярослав соскочил с дивана, на котором сидел в позе роденовского мыслителя, и, как был, в расхристанном влажном банном халате, сжимая стрелу в руке, помчался в матвеевскую спальню – будить друга.

Громко завопил:

– Гриша! Гриша!

Тот сразу открыл глаза. Спросил встревоженно:

– Что случилось?

– Я открыл механизм действия стрелы... тьфу, блин!.. твоего «метеорита»! Я понял, что им делать и зачем он нужен! Давай расскажу: это очень важно!

Григорий издал короткий стон, изобразил на заспанном лице смесь брезгливости и муки.

– Опять эти ваши магические штучки?

– Ваши?!

Снова, как накануне вечером, у Ярослава возникло ощущение присутствия третьего персонажа в их с Григорием беседе. Конечно, Ксения. Ее образ постоянно находился в квартире. Не обихоженный, не культивируемый, однако и не изгоняемый. Как портрет, который отвернули живописным слоем к стене в надежде, что это поможет забыть изображенное на нем лицо. Ярослав внезапно принял решение.

– Что? – переспросил Григорий и, не дожидаясь ответа, предложил: – Ясь, давай ты завтра утром мне все расскажешь. У меня нет сил!

– Хорошо, – легко согласился Ярослав. Принятие решения вмиг успокоило его. – Подождет до утра. Извини, что разбудил! Спокойных снов!

– Не надо мне никаких снов, – для порядка нахмурился Григорий и рухнул головой на подушку.

Ярослав улегся в гостиной. Он уже задремал, когда почувствовал некое движение у изголовья. С трудом полуразлепив глаза, увидел мерцающую в полутьме фигуру Ксении. Та наклонилась и положила что-то на диван рядом с подушкой. Ксения удалилась, на ходу застегивая весеннее пальтишко, а перед глазами осталась толстая синяя тетрадь. Ярослав увидел, как стрела-дротик, почему-то стоявшая на оперении – острием вверх, медленно пронзает ее. Место разрыва заливается розовым светом, который начинает сочиться сквозь страницы, обвиваться вокруг пружины. Ярослав хотел протянуть руку, чтобы взять тетрадь, пока та совсем не изошла розовым паром, но рука шевелилась с огромным трудом, тогда он обнаружил, что уже спит, и, вздрогнув, проснулся.

Дрема помогла сложить еще одну часть головоломки. Больше Ярославу не стоит бояться за сохранность собственного рассудка! Странные состояния – или события, которые он называл «глюками», – не вернутся. Их природу не постичь, но их происхождение так просто! Тетрадь Ксении, посвященная любви к Григорию, и стрела любви, приобретенная Григорием как подарок для Ксении, дважды сошлись вместе, почти соприкоснулись друг с другом в рабочей сумке Ярослава. Тетрадь – и окно в прошлое, и продукт творчества. Стрела – источник силы, дар любви. То, в чем почти участвовал Ярослав, было прошлым того, кому посвящена тетрадь, – Григория. Но прошлым, творчески воспринятым и переработанным. Может, виденные Ярославом события происходили со светловолосым мальчиком Гришей в реальности, может, в его воображении, может, в матвеевских страшных снах – бог весть! Как узнать? Как спросить?

С этой мыслью, успокоенный своим новым открытием, Ярослав заснул.

Несмотря на явный перебор спиртного и долгий полуночный разговор, Григорий, по своему обыкновению, поднялся часов в восемь утра. Ярослав, если включался в режим заботы о ком-нибудь, умел спать чутко. Поскольку сейчас он считал себя ответственным за друга, сразу услышал плеск воды и легкое позвякивание посуды на кухне. Встал с постели и обнаружил, что за каких-нибудь четыре часа отлично выспался и отдохнул.

Гриша, напротив, был хмур, подавлен и выглядел смертельно утомленным: глаза обведены темными тенями, движения замедленные и невпопад – он то ронял что-нибудь, то разливал, то обжигался. Во время подготовки завтрака и его поглощения они перекинулись всего несколькими словами. Ярослав маялся от сочувствия и полного непонимания, как его выразить, и еще тверже укреплялся в своем решении.

Григорий между тем упорно делал вид, будто никакой ночной побудки Ярослав ему не устраивал: явно надеялся избежать беседы о чудесных свойствах магического предмета. Ярослав выжидал момент.

– Ясик, я сегодня на работу... позже пойду... если пойду...

Ой-ой-ой! В ход пошло уменьшительное имя, значит, Грише совсем плохо!

– Ты, – продолжал Матвеев с заметным усилием, – у меня еще побудешь или спешишь

по делам?

По интонации совершенно невозможно было понять, то ли Григорий просит друга посидеть с ним, то ли хочет скорее остаться наедине со своим горем и плохим самочувствием. Ярослав не принял игру и сразу потребовал ответа к ребусу:

– Извини, туплю: ты меня гонишь или уговариваешь задержаться?

Григорий еще сильнее насупился.

– Ярослав, я рад, что ты у меня в гостях: мы так редко встречаемся! Но мне вот, видишь, сейчас, оказывается, трудно общаться... Прости!

– Я понимаю все, – мягко ответил Ярослав.

– Ты, как никто другой, способен понять, – сказал Григорий растроганно.

«Ты сам-то себя понимаешь? – подумал Ярослав, испытывая острую жалость и такую же сильную досаду. – Ну, сейчас или никогда!»

– Ладно, Гриша, я пойду, – бросил он небрежно. – Тебе твой «метеорит» оставить?

Вялость мгновенно слетела с Матвеева! Он напряженно и остро посмотрел в глаза Ярославу. Он понял, что неприятной темы не избежать! И самостоятельно шагнул навстречу опасности:

– Ночью ты пришел ко мне и сказал, что узнал нечто важное про эту вещь. Ты, наверное, ждешь, когда я соглашусь это обсудить?

И от слов Григория, и от его взгляда пробрало ледяным холодом. Ох и страшен бывает Матвеев – тоже жесткое излучение! Как они с Царевой похожи!.. Ну правда, идеальная пара! Ярослав успешно поборол первую реакцию – ответить ударом на удар. Более того, он внезапно решил дать другу последний шанс отказаться от ожидающего его подарка.

– Гриша, если ты оставляешь эту вещь себе, то я обязательно должен дать тебе кое-какие разъяснения. Иначе передавать ее в твои руки просто опасно. Но если я забираю ее с собой, то никаких обсуждений... и тем более демонстрации предмета в действии не требуется.

Григорий помолчал.

– А ты не можешь сейчас взять эту штуку, а потом когда-нибудь мы поговорим и все решим?

Длительное ожидание Ярослава не устраивало по той простой причине, что оно ничего не решит!

– Это же не обыкновенный предмет. Эта вещь обладает огромной силой и собственной волей. Ты сам это давно понял! Ей нужен определенный хозяин. Я держал ее при себе, пока выполнял твое поручение, а храниться у меня без дела она не должна!

Закралось сомнение: убедительны ли его рассуждения для Григория?! Но Матвеев неожиданно сдался:

– Ярослав, я понял, что вещь очень опасная. А какая от нее польза?

– Это трудно объяснить словами. Давай я покажу тебе ее в действии – ты сразу все поймешь!

На лице Григория отразилась внутренняя борьба. Ему хотелось побыстрее отделаться от неприятной темы, хоть лучше бы этой темы и вовсе не касаться! Победило желание отделаться раз и навсегда.

– Давай, демонстрируй! – В его голосе даже прибавилось бодрости.

– Хорошо. – Ярослав, напротив, стал мрачен и сосредоточен.

Он отправился в гостиную, взял стрелу, задумчиво побаяюкал ее в руках. Медленно вернулся и остановился на пороге кухни.

Григорий стоял у окна, положив ладони на подоконник. Равнодушно поглаживал взглядом знакомые несколько лет крыши гаражей, еще не полностью закамуфлированные весенней зеленью. Он думать забыл о Ярославе с его глупыми и опасными играми в сверхъестественные чудеса. Пространство вокруг было пустым и холодным.

Отчаяние охватило душу. Не такое острое, жгущее, раздирающее, унижительное, совершенно непереносимое, как двадцать лет назад, а тяжелое, обязательное, непреложное,

как в детстве родительское «так надо», как унылые крыши чужих гаражей под окном. Как холод холостяцкой квартиры, который способна разогнать лишь пара бутылок холодного пива...

Ярослав, не дыша, стоял на пороге кухни. Он «слышал» мысли, настроение друга так же ясно и странно, как любой человек слышит собственный громкий голос в тишине. Гладкая стрела, точно живое существо, все норовила вывернуться, выскользнуть, вырваться из руки. И разгоралась все сильнее мягким, пока не обжигающим жаром.

Но Григорий не слышал близости чудесной стрелы – горячей и живой: холод и пустота составляли пространство его жизни. А могло ли сложиться по-другому?

Фантом Ксении легко скользнул к окну из угла, где находилась мойка. Будто даже вода плеснула и звякнула оставленная посуда. Образ Ксении обнял Григория сзади за плечи, прижался щекой к спине в районе левой лопатки – там, где, подобно надежному импортному двигателю, бесперебойно стучало в пустоте сердце.

Ярослав, замерший на пороге, внезапно подумал: если сейчас Гриша обернется, неужели он не заметит и не поймет?! Речь не о Ксенииной любви. Должен Матвеев заметить свою собственную потребность в ней!

– Гриша! – резко окликнул Ярослав и сделал шаг вперед.

Друг, отреагировав на интонацию, так же резко повернулся.

– Что? – Лицо Матвеева было сумрачным, непроницаемым.

Образ Ксении, то ли не успевший развеяться, то ли слишком уж прочный, замер напротив его груди.

Идеальная диспозиция! Ярослав с самого утра безуспешно ломал голову, как нечто подобное организовать. Показать Григорию преображенную стрелу, попросить его представить себе женщину, о которой приятно думать... Ох, и послал бы Матвеев – далеко и навсегда!..

Теперь – удача! Только не медлить! Само сложилось. Значит, так надо, пространство дает добро! Надо действовать сразу, чтобы не получилось, как с несчастным Евгением Ильичом! Ярослав стремительно поднял стрелу острием вперед, будто собираясь метнуть дротик в популярной игре, и сделал второй шаг из трех, отделявших порог кухни от окна. Видимо, он слишком сильно махнул рукой, слишком больно стало обожженным еще ночью пальцам держать готовый выполнить свою работу артефакт. Маленькая тяжелая стрела вылетела из руки и попала Григорию Матвееву в грудь – точно туда, где сердце.

Григорий ахнул – не болезненно, не изумленно – с легким, почти радостным удивлением, как возвращающийся с работы папаша, которому маленький сын в родном дворе неожиданно запулил снежком в плечо.

Ярослав, оцепеневший от ужаса, наблюдал одновременно два процесса: серебристое острие стрелы исчезало под натянувшейся тканью черной футболки; а лицо друга разглаживалось, становилось спокойным, светлым, умиротворенным, словно во сне, хотя тот и не закрывал глаз. Григорий с мечтательной улыбкой осел на подоконник. Стрела, торчавшая в его груди, казалось, продолжала втягиваться под черную ткань.

Ярослав стряхнул оцепенение. Подскочил к Матвееву и потянул на себя стрелу. С некоторым усилием орудие подалось. Ярослав дернул более решительно – и вот стрела – холодная, почерневшая на конце – снова в его руке! Будь удар чуть сильнее, отточенный металл коснулся бы сердца! Живой ткани сердца живого человека! Настоящее, физически плотное острие – не астральная проекция, даже не эфирная!!!

Григорий с рассеянным удивлением устремил на него взгляд. А Ярослав смотрел на порванную черную футболку и с ужасом ждал, что вокруг дыры сейчас начнет расплываться кровь.

– Гриша, прости меня! Я случайно! – сказал он. Голос вибрировал. – Давай я рану посмотрю! Надо обработать...

Взгляд Матвеева стал чуть более сосредоточенным.

– Ясь, зачем ты это сделал? – произнес он очень тихо. – У меня нет сил!

Григорий прислонился спиной к откосу и закрыл глаза.

– Гриш, подними футболку, дай я рану осматрю! – повторил просьбу Ярослав.

Матвеев не реагировал. Он ровно дышал; лицо покрылось здоровым румянцем. Края прорехи в черной ткани оставались сухими.

Ярослав вдруг обнаружил, что ноги едва держат, и плюхнулся на табурет. Стал покрываться потом. Первыми взмокли руки, затем – лоб, шея, затем он почувствовал, как пот льется щекотными струйками по груди, по всему торсу.

Он прислушался к состоянию друга. Тот явно не собирался умирать от раны! Все системы организма работали в штатном режиме!.. Кажется, обошлось! Прислушался к пространству. Тишина, покой.

А где же Ксения? Фантом Ксении исчез из поля зрения. Ярослав мысленно искал. Ее не было в кухне, не обнаруживалось ни в спальне Григория, ни в ванной комнате, ни в гостиной, ни в крошечном кабинете. Он прошупал коридор и даже туалет. Нигде в квартире ни следа мыслей и воспоминаний хозяина о женщине, с которой он был близок некоторое время назад.

Похоже, не просто обошлось, пронесло стороной беду... Похоже, все получилось!!!

Еле слышное шипение раздалось в оцепенелой тишине кухни. Будто газ неподожженным выходил из конфорки. Но нет, все краны были закрыты. Шипение усилилось. Оно поднималось снизу. Источник находился совсем близко. Ярослав стал оглядывать пол у себя под ногами и тут заметил: что-то опять происходит со стрелой! Над острием артефакта, хранившего теперь прохладу, вился сизый дымок. Темный налет превращался на глазах в белесые хлопья и осыпался на колени Ярославу, подобно пеплу. Какой-нибудь десяток секунд – и острие стрелы мерцало прежним серебряным сиянием. «Стрела сделала свое дело! – с благоговейным трепетом подумал Ярослав. – Скоро она превратится обратно в бесформенный камень».

Григорий мирно спал.

Стрела сохраняла четкость и тонкость линий.

В душе Ярослава родилось и проросло сквозь недоверчивую опаску ликование. «Она теперь моя! Я могу в любое время, по собственной воле пустить ее в ход! Великая стрела любви позволила мне стать своим хозяином!..»

Вскоре Матвеев уже полностью пришел в себя, взбодрился. Он оставался печален, но Ярослав уже не замечал признаков той свинцовой мрачности, которой старший товарищ был охвачен вчера, и того беспросветного отчаяния, в котором он слонялся по кухне сегодня утром. Ярослав решил, что теперь вполне может оставить Григория в одиночестве. Но как быть со стрелой? Матвеев заговорил об этом сам:

– Ярослав, ты забрал бы себе метеорит этот! На кой ляд он мне нужен? – Григорий явно не помнил, что с ним происходило пять минут назад. – Тебе это интересно, ты там опыты с ним какие-то ставишь. Хочешь, я сделаю тебе такой подарок?

– Дают – бери! – улыбнулся Ярослав; потом запоздало спохватился: – Да, насчет отпечатков пальцев!..

– Бог с ними! Все обошлось: парни признали свою вину, раскаялись, получают минимальный срок. Все довольны!.. Ты, Ясь, если увидишь еще раз Ксению, передай ей привет!

Ярослав просиял!

Он так взмок от утренних волнений, что перед отъездом снова отправился принимать душ. Теперь напряжение ушло, необычное дело с успехом завершено, остается ждать результатов. Ярослав не сомневался, что они последуют в самом скором времени. В собственной ванной он не держал зеркала в полный рост: что проку созерцать себя голым? А здесь таковое было. Растираясь после душа, Ярослав внимательно изучил свое отражение. Пробормотал:

– Толстый, волосатый, небритый Амур! – и весело усмехнулся.

Интерлюдия

Все еще заспанный, вразвалочку он зашел на кухню. Перелил воду из кувшина с фильтром в чайник и поставил на самый слабый огонь: пока будет принимать душ и умываться, чайник как раз закипит. А побриться можно и после завтрака, потому что лучше это делать окончательно проснувшись и, кроме того, не торопящимся, то есть на сытый желудок.

Большая ванная комната приветствовала его новеньким небесно-голубым кафелем с солнечно-желтой отделкой. Мужчина улыбнулся: после долгой ремонтной разрухи не привык еще к веселому зрелищу и каждый раз ему радовался! Он быстро избавился от легкой, очень удобной пижамы – мамин подарок на «новоселье». Новосельем члены семьи между собой называли окончание ремонта в его квартире, в которой он поселился на самом деле лет пятнадцать назад, еще при жизни бабушки. Огромное – в полстены – зеркало отразило рослого человека спортивного телосложения: широкие плечи, прилично развитая мускулатура на фоне общей худощавости, узкий таз и прямые ноги. Физиономия вот только слишком, интеллигентная что ли. для такого спортивного торса. Он провел рукой по всклокоченной со сна шевелюре. Волосы недавно начали активно сесть – их будто затягивало серой пылью, которую все время хотелось стряхнуть или вычесать. Глубоко посаженные серые глаза смотрели печально, и он поспешил отвернуться.

Когда мужчина вышел из ванной с приятным ощущением бодрости во всем теле от ледяного душа и свежести во рту от жгучей мятной пасты, чайник приветствовал его нетерпеливым постукиванием крышки и бульканьем кипящей воды.

– Черт! Уже?! Давно кипишь?

Он подскочил к плите и поднял крышку, другой рукой отключая газ. Воды вроде испарилось не много, поэтому он решил не кипятить заново, а выпить то, что есть. По-американски залил кипятком молотый кофе в большой кружке, прикрыл блюдечком и сверху водрузил дородную, краснощеку чайниковую бабу – чтобы не остыло.

Теперь нужно было найти сковороду и масло. Год прошел после окончания ремонта, а он еще не подобрал для каждой вещи оптимального места и потому не запоминал, где что пристроил. Стал последовательно хлопать деревянными, с отделкой из синей дерюги дверцами полок. Внутри полки оставались полупустыми: старье повыкинул, а новой посудой не обзавелся: зачем ему одному так много? Нашел то, что искал. Теперь яйца, соль, много помидоров и перца...

Пока яичница шкворчала под крышкой, он достал вилку, положил на стол хлеб и термopодставку: не перекладывать же еду в тарелку – мой ее потом!

Следующие пять минут он был совершенно свободен и, стоя у плиты, рассеянно обводил взглядом кухню. Красиво получилось! И бежевый ноздреватый кафель на полу, и большой стол с табуретками – все натурального дерева, под цвет полок. И вся рабочая панель с двумя мойками, плитой, разделочным столом – такая удобная и просторная. А мама подобрала чудесные веселые шторы на окно – с цветочками, в английском стиле, чтобы разбавить строгость остальной обстановки. Вроде должно быть уютно. А казалось, что в кухне пусто и голо.

И такая же ситуация – во всей остальной квартире. Слишком много места – слишком мало вещей и людей, чтобы его заполнить. Но особенно на кухне! Здесь так остро не хватало хозяйки, которая на всех поверхностях разложила бы продукты – мыть, резать, отбивать, фаршировать – и расставила бы кастрюльки, мисочки, сковороды с заготовками будущих завтраков, обедов и ужинов!

Он поморщился: разве дело в кухарке? Он отлично способен сам справиться с приготовлением блюд любой сложности и красиво сервировать стол, когда есть настроение. Вот если бы на плите сейчас томила протертая кашка для малыша!.. И это не все... Если бы он вошел в кухню, а у плиты, спиной к нему стоит женщина. Слышит его шаги, оборачивается и тепло улыбается ему навстречу – с нежностью, с любовью... И на

подоконнике цветы в горшках. И всюду множество тряпочек, подсвечников, вазочек, картинок, штучек-дрючек...

Где все это? Назначенные сроки дважды прошли, трижды прошли...

Из-под крышки сковороды отчетливо потянуло горелым. Он поспешно снял свой завтрак с плиты. Глубоко вздохнул. Веселая и очаровательная «волшебница» – мамина подруга – еще года два назад обещала ему скорую встречу с той женщиной, которая предназначена ему судьбой, с которой, наконец, все сложится легко и просто. Да вот что-то до сих пор не только предназначенной – вообще мало-мальски подходящей для совместной жизни дамы или девушки не попало на его жизненном пути. Если бы не сильная занятость на работе, было бы время куда-то ходить, искать, знакомиться. А так...

Он открыл крышку. Яичница, хоть и подгорела малость, издавала очень аппетитный аромат.

В последнюю встречу – где-то в марте – тетя Люба четко описала внешность героини его романа, сказала, что характер хороший и очень сильная энергетика – редчайшее сочетание! Пообещала: уже сейчас должна появиться. Смотри по сторонам внимательнее: вот-вот!

Мужчина еще раз вздохнул и развел руками. Пробормотал:

– Видно, ошиблась Люба... Ну что ж...

Скроив озадаченную физиономию, он пожал плечами и приступил к трапезе.

Часть вторая ВРЕМЯ ЧУДЕС

*На море – корабль золотой,
На корабле – царь молодой,
Веслом машет, спешит,
Не ест и не спит,
На мою сторону глядит...*
Старинный заговор

В течение недели Ярослав чуть не каждый день звонил Григорию под благовидными предложениями. Тот хандрил, но чувствовал себя нормально. Ярослав надеялся услышать от него хоть какие-то намеки на подвижки в личных делах, но Григорий по обыкновению молчал.

В четверг Ярослав, готовый лопнуть от любопытства, позвонил Царевой. Ксения обрадовалась ему, как старому другу. Рассказала, как непроста сейчас обстановка в компании; вспомнили добрым словом покойного президента. Привет от Матвеева Ярослав передавать благоразумно не стал. Без перемен! Не может быть! Не должно!

Ярослав задумчиво сидел перед умолкшим телефоном и вертел в руках волшебную стрелу. Вспоминал правила ее функционирования, выведенные им в ту ночь. Защищает, теряешь голову... Постепенно он нащупал слабое звено в своих рассуждениях. Согласно античной мифологии, стрела должна пронзить сердце, когда объект будущей любви находится в поле зрения. Наверное, мысленный образ окажет менее сильное воздействие. А если уж так случилось, то, видимо, волшебство стрелы начнет действовать как следует, только когда два человека встретятся. Он не придавал этому значения, поскольку мужчина и женщина уже, мягко говоря, хорошо знакомы. Однако магия стрелы – исключительно контактная!

Не успел Ярослав завершить свои размышления об античной мифологии, как раздался звонок городского телефона. Он схватил трубку:

– Гриша, привет!

Чуть не второй или третьей репликой Григория было:

– Ты не заходил в «ЧеНеп» на этой неделе?

– Я звонил Ксении... по делу. От нее тебе тоже большой привет! – соврал Ярослав. – Она была рада весточке от тебя!

– Спасибо, – сказал Матвеев растроганно, – мне очень приятно, что она... передает мне привет! Очень приятно!

После этих слов Григорий сразу сменил тему, но Ярослав все равно ободрился.

Всю неделю Москва изнывала от немайской тридцатипятиградусной жары.

– Ясь, приезжай в выходные ко мне на Тишковское! – предложил Матвеев. – Походим под парусом – откроем сезон! Я хочу поплыть по заливчикам, пройдемся на дальние острова.

– С удовольствием!

Согласие уже прозвучало, когда Ярослав сообразил, что в выходные планировал встретиться с Мариной. Ничего, у Григория он проведет субботу, а в воскресенье свозит Марину куда-нибудь за город! Хорошо, что не успел ни о чем конкретном с ней договориться!

– Ой, нет! – Матвеев задумался. – Сезон открывать рано. Я забыл: у меня же техосмотр еще не пройден!

Ярослав прекрасно знал об этом правиле: лодки, как и автомобили, тоже должны регулярно проходить контроль государственной инспекции.

– Гриша, хочешь, я все равно приеду: помогу готовить «Ринго» к техосмотру?

– Ярослав, спасибо, но давай не сейчас! Я сейчас не могу с этим возиться: нет сил! Такая жара!..

Похоже, Матвеев решил отменить скоропалительное приглашение. Что ж, после такой трудной недели у него, наверное, и правда нет сил принимать гостей!

– Гриш, а может, ко мне? Ты ж ни разу у меня не был! Хоть бы посмотрел, в какое местечко пристроил товарища жить!

– Ясь, спасибо! Я это место когда-то знал как свои пять пальцев... Так что пристраивал тебя совершенно ответственно!

– Вот это новость! Ты никогда не рассказывал, что бывал тут сам – только про дальних родственников!

– Я там все детство прожил на даче.

Ярослав опешил.

– Тогда тем более, – произнес, кое-как справившись с шоком, – разве не интересно посмотреть те места, с которыми столько связано?!

– Связано много разного... – Григорий помедлил. – Я один хороший яхт-клуб знаю! – воскликнул он неожиданно бодрым тоном. – И место чудесное! На Озернинском водохранилище. Рванем туда?

– Рванем! – сипло ответил Ярослав, сразу выбросив из головы весь предыдущий диалог.

«Все-таки выйдет из меня обросший черной шерстью, буфетоподобный амурчик», – сказал он себе.

– На авто везу я, раз ты на лодке катаешь! – добавил окрепшим голосом, зная, что это станет для Григория настоящим подарком и дополнительным стимулом выполнить уговор.

«Гриша не догадывается, что я знаю, что для него значит Озерника! Ему в страшном сне не приснится, чтобы Ксения написала о нем мемуары, да еще дала мне их почитать! Посмотрим, притянет ли к зеленым берегам Ксению!»

Он не сомневался: Царева – заядлая дачница, похлеще Григория – будет проводить выходные в любимом саду. А в такую жару ей захочется посетить водоем!

Если это понадобится для достижения максимального эффекта, Ярослав за руки подведет двоих немолодых детей друг к другу: «Миришь-миришь-миришь – и больше не дерись!..»

Вечером позвонила Настя. Расспросила обо всем на свете, как будто они не виделись год. Рассказывать о злоключениях обожаемого дяди Гриши Ярослав не стал, чтобы ее не расстраивать. Зато похвалился – черт дернул поддразнить сестру! – что в выходные едет с

Матвеевым на водохранилище – кататься на лодке.

– Без меня? – упавшим голосом уточнила Анастасия. – Без меня?! – завопила она звонче певца Витаса. – То есть если бы я не позвонила, то так ничего и не узнала бы?

– Наука мне, дураку, – демонстративно посетовал Ярослав, – держи язык за зубами!

– Вы в субботу едете? Отлично! Ясь, я завтра прилечу. Встречать не надо. Жди с нетерпением!

– Настя! Ты одурела?!

– А что такого? Я помешаю?

Ярослав задумался. Настя не помешает, напротив, поможет отвлечь Григория от печальных воспоминаний и растормошить. Но так нельзя. Ей пора остепениться.

– Ты – взрослая, замужняя женщина, а ведешь себя, как попрыгунья-стрекоза!

– Одно другому не мешает!

– Мешает!

Как ей объяснить? Ее муж – программист – прилично зарабатывает, для брата стоимость авиабилета от Киева до Москвы и обратно – копейки. Но кататься туда-сюда по малейшей прихоти – нефэншуйное транжирство. Далее: она должна привыкнуть находиться рядом с мужем, а не упархивать от него по любому поводу, будто общество супруга успело ей наскучить. Кроме того, каждый человек, который много летает самолетами, в конце концов вырабатывает свой ресурс защищенности, особенно если летает ради развлечения, а не по делу. От любого из этих аргументов Настасья – великая спорщица – не оставит камня на камне!

– Насть, мне не нравится твоя затея по многим причинам. Но мы их обсудим при встрече. Пожалуйста, дай мне возможность выбрать тебе рейс! Столько всякого дерьма с крыльями летает!

– Хорошо, я перешлю тебе по мылу расписание на завтра. А если на тот рейс, который ты выберешь, билетов не будет?

– Будут!..

Они рано поднялись. По приятной утренней прохладе рано доехали до места, откуда уже виднелось водохранилище: успели до субботних пробок! Григорий стал внимательно вглядываться в левую обочину, отыскивая заветную табличку. На пригорке задумчиво сказал:

– По-моему, здесь был поворот...

Ярослав успел заметить узкую асфальтированную дорогу, уходившую в лес, и столбик с пустой, слегка заржавевшей рамкой от указателя. Перевалив через холм, они увидели мост, широкую ленту реки и несколько разноцветных палаток на берегу.

– Нет, – сказал Григорий, – речку мы точно не переезжали! Это там, раньше. Там был поворот, видел? Просто табличка, наверное, зимой отвалилась!

Ярослав послушно повернул назад, несмотря на то, что его охватило тоскливое чувство, будто они ищут нечто безвозвратно утраченное.

Действительно, поворот был тот самый. И охранник, как прежде, караулил у решетчатых ворот. Может, именно он наблюдал первый поцелуй Ксении и Григория? Охранник пояснил, что яхт-клуба здесь больше нет – его перенесли дальше – туда, где самая широкая часть водохранилища, где основные пляжи. Там лучше: удобные подъезды и песчаный берег!

Все трое участников путешествия воспрянули духом.

Действительно, очень скоро за первым мостом они обнаружили второй – длинный и широкий; пока ехали над водохранилищем, с левой стороны, в отдалении увидели мачты. Через десять минут они уже выгружались около заветного ангара. Ветер был отличный: сильный, с умеренными порывами.

Все вместе покатались на «Звезднике» – довольно крупной спортивной парусной лодке, списанной в запас: для увеселения катать отдыхающих. Григорий со времен спортивной молодости знал «Звездник» как свои пять пальцев и нежно любил. Он страшно обрадовался,

что такая серьезная лодка чудом оказалась в яхт-клубе. Настя помогала ему управляться с парусами, а Ярослав нагло сидел пассажиром: несмотря на привязанность к другу, он предпочитал не разбираться в оснастке и не уметь водить лодку.

На берегу повалялись не долго. Матвеев понаигрывал на гитаре что-то неопределенно минорное. Настя, уже знавшая от брата о причине его печали, вскочила на ноги и потащила «дядю Гришу» кататься на серфах.

Ярослав остался на пляже. Вызвал номер Марины. Типичная «сова», любительница поспать до полудня, та еще не включила свой телефон.

Голоса возвратившихся на берег любителей виндсерфинга словно разбудили Ярослава.

– Ветер усилился, на открытой воде трудно справляться, – объяснил Григорий, – особенно мне: без трапеции опять спину сорву!

«Трудно справляться? – заторможенно подумал Ярослав. – Почему бы тебе не заставить ветер утихнуть?»

Настя согласилась: очень трудно, парус надо бы поменьше! Но на берегу она маялась. Было видно, что девчонка не накаталась. Когда Григорий ушел переодеваться в ангар, она бочком-бочком шмыгнула к своему еще не просохшему после предыдущей вылазки шаткому плавсредству.

– Куда собралась? – окликнул Ярослав. – А парус поменять на поменьше?

– У них меньше нет! – отмахнулась сестра.

– Дохлый я стал, – констатировал Матвеев, вернувшись в сухой одежде.

– С чего ты взял?

– Устаю быстро от сильного ветра. В открытое море идти боюсь: не справляюсь! В Египте в прошлом году почувствовал... Дохлым становиться не хочется!

– Причины знаешь?

Если бы Григорий поддался на провокационный вопрос и попросил Ярослава подсказать, тот объяснил бы другу, что, обладая нормальным, крепким здоровьем, он планомерно гробит излишки своего энергоресурса, чтобы – не дай бог! – не обнаружить в себе богатейших магических задатков. Что, неся над головой редчайший Царственный венец, он не должен руководить фирмочкой из трех сотрудников. Что, так старательно перекрывая самому себе доступ к энергии, он скоро станет урезать собственную жизненную силу... Давно урезает – грубо и болезненно: чего стоят одни только его вечные травмы!

Однако Григорий не поддался на провокацию.

– Надо больше тренироваться. Увеличить нагрузки в тренажерном зале. Я – спортсмен, я плохо себя чувствую, когда мало занимаюсь.

– Что тебе мешало заниматься больше?

– Так... Времени не хватало, расслабился. Теперь начну наверстывать упущенное.

Ярослав рассеянно кивнул. В этот момент в его сумке закукарекало.

– У тебя в сумке живой петух? – весело воскликнул Матвеев.

– У меня в сумке пасторальный телефон.

Звонила Марина Ковалева: мол, Ярослав что-то хотел ей сказать с утра пораньше? Ярослав придавил рукопись шлепкой и поднялся. Медленно пошел вдоль берега.

Как Марина борется с такой жарой? Гостит на даче у подруги. Она слаба в географии и не может точно сказать, что это за место. Даже – какое направление. Чем занимается прямо сейчас? Нет, не поливает грядки! Надевает купальник – это было произнесено вразяжку, с совершенно особенной интонацией: мол, разрешается вообразить процесс и результат! Марина надевает купальник, а подруга заводит машину, чтобы ехать на водохранилище.

– Водохранилище?! – воскликнул Ярослав, и волна дрожи прокатилась где-то внутри его существа.

Но признаваться, что сам тоже отдыхает у большой воды, он не стал. Ее-то не позвал – еще обидится! Назначать свидание на завтра тоже не пришлось: Марина в гостях до конца выходных.

Порывы теплого ветра налетали чаще и сильнее. Ярослав вернулся к биваку и не без

напряжения следил за ушедшим очень далеко от берега маленьким ярким парусом.

– Гриш, она хоть трапецию взяла?

– Не думаю, что ей стоит надевать трапецию. Но я не заметил.

Недаром одно из первых правил для врачей, психологов и оккультистов гласит: с близкими работать так трудно, что лучше не надо! Конечно, Ярослав поставил сестре все возможные защиты – и все-таки он беспокоился! Тем более что из-за многообразных переживаний защиты могли и ослабнуть.

Матвеев тоже смотрел на парус.

– Как же вы оба похожи на моих детей! – грустно произнес Гриша с непривычной для него мягкостью, которая последнее время все чаще проскальзывала в интонациях. – Ты вот до сих пор на свободе. Ищешь подругу, чтобы всерьез и на всю жизнь. Мой Степа тоже относится к браку серьезно, до сих пор в холостяках. А дочка моя недавно замуж вышла, как и Настя.

– Ты говорил.

– Да?.. Только, в отличие от Насти, они пока с дитем не торопятся. То она пишет: «хочу быть мамой», то «хочу поработать». Похоже, не скоро еще позовут меня внуков нянчить...

Ярослав не слышал последних слов товарища, оглушенный простым открытием: «Идиот от эзотерики! Слепая тетеря!» Теперь-то он ясно видел, что Настька беременна, правда, всего на третьей неделе. Но как же он раньше прохлопал? То есть он, конечно, почувствовал еще в прошлый раз, но сестра решила поскрытничать или сама еще не знала. А он и поверил – вот что странно! «Да что там говорить, у Гриши опыт, – успокоил он себя. – Гриша наблюдал рождение двоих детей. И ему никакого третьего глаза не надо, чтобы заметить. А заодно Гриша – сильный маг, беспощадно зарывающий в землю свой талантище».

– У меня тоже сейчас могло бы быть дите. Совсем-совсем крошечное... Ксюшка хотела от меня ребенка, – пояснил Григорий, отвечая на вопросительный взгляд Ярослава.

– Что же вам помешало?

– Ясь, и ты не понимаешь? Ну как так можно?! Я тогда ей сказал: я сердцем – за, а голова... крыша едет! Это же безумие! Мы еще толком не знали друг друга. Мы встречались без году неделя. Ты, я сказал ей, хороший человек, золотой человек! Но вдруг мы не сойдемся, будем друг друга раздражать? Я не хочу быть приходящим отцом!

– Ксения делала аборт? – удивился Ярослав.

– Ну нет!!! Ну ты что?! Кем ты меня считаешь?! Она даже таблеток не пила! Я все взял на себя.

– Жалеешь сейчас?

– Что дите не родили?

– Что не родили, что вы не вместе...

Григорий задумчиво кивнул. Ярослав готов был, забыв на миг свою тревогу, запрыгать от радости: работает стрела!

– Но... Я вот, видишь, оказывается, с трудом отвыкаю от одиночества.

Ненавязчивое тарахтение, уже некоторое время слышное над верхушками деревьев, усилилось, и над лесом появился параплан. Григорий наблюдал его медленные, красивые виражи. Сказал тихо:

– Женьку всегда тянуло в небо, а меня – к парусам. Но его мечта не сбылась.

– Почему? – поддержал беседу Ярослав.

– Ему нельзя было летать из-за порока сердца.

Ярослав пожал плечами:

– Порок сердца у него был компенсированный. Не должен был мешать! Свертываемость крови его сгубила...

Он замолчал.

Левитация, остановка времени. У темноволосого мальчишки кровь «стынет в жилах». Воскликание врача: «Что у него с кровью?! Как он еще жив?!» Корюшкин придумал

название для последнего корабля, который собирался построить его лучший друг в этой жизни: «Повелитель ветра».

– Гриша, а ты летал когда-нибудь?

– Десятки раз. – Григорий с холодным недоумением поднял бровь, пожал плечами.

– Я имею в виду не самолетом, а так...

Язык не повернулся, чтобы закончить фразу. Парашютист, заложив еще один вираж, вновь скрылся за лесом, и Ярослав спросил другое:

– У тебя был в детстве воздушный змей?

– Был. – Голос Григория прозвучал напряженно.

Настюкин парус, от которого Ярослав почти не отрывал взгляда, сильно накренился.

– И на хрена она на доске куда-то поперлась?! – воскликнул Ярослав. – Гриш, это не вредно?

– Ну, ты у меня такие вещи спрашиваешь, – обиделся Матвеев. – Я же не врач!.. И не женщина!

В другой момент Ярослав посмеялся бы над ироничной репликой Григория. Но сейчас он был не на шутку встревожен.

Хуже того, он чувствовал, как разрушительный ветер его собственных эмоций срывает и уносит от Анастасии тщательно выстроенные им же самим защиты. От этого становилось еще страшнее.

– Пойду возьму у них моторную лодку и поеду возвращать сестрицу назад. Пора прикрыть это шاپито! Мне кажется, она не может развернуться!

– У них моторка в разобранном состоянии, – живо ответил Григорий, которому передалась тревога товарища, – пока будут ставить мотор, заправлять его, заводить. Займись этим, если хочешь, – он поднялся на ноги, – но я, наверное, за это время на доске ее догоню!

Он стремительно втащил в воду серф и стартанул – Ярослав глазом не успел моргнуть! Моторка оказалась фикцией: техника давно поломалась, ходили на веслах. Ярослав с сомнением посмотрел на воду. Парус Григория быстро удалялся, хотя шел он очень широкими галсами, почти против ветра. Ярослав решил, что будет рациональнее остаться на берегу, успокоиться и снова создать для Анастасии защиту – надежнее прежней.

К моменту, когда он закончил свой труд, два паруса оказались поблизости друг к другу, но произошло странное: Настин, желтый, стал резвыми зигзагами удаляться от прозрачного с красной каймой – Гришиного, причем вовсе не в сторону берега! Ярослав скоро сообразил, что происходит: Настя навязывает Григорию их любимую – еще с ее детства – игру в догонялки!

«Гриша, остановись! – мысленно попросил Ярослав. – Тогда она поймет, что ты не играешь!»

Матвеев так и сделал. Вскоре два паруса оказались совсем рядом, а затем желтый двинулся курсом фордевинд к берегу. У Ярослава немного отлегло от сердца, хотя сестрин способ передвижения ему совсем не понравился: при таком сильном ветре ставить парус под прямым углом к доске – опасно же! Не дай бог, порыв! Ярослав, почти не умея ходить под парусом, теории поднахватался: куда деваться? Красный парус между тем заскользил дальше, направляясь к излучине.

Мокрая с ног до головы и очень довольная, Настюка тем не менее скроила огорченную мину:

– Дядя Гриша меня сдал со всеми потрохами, да еще и с воды прогнал. А я думала, он настоящий друг!

– Он, между прочим, устал и поперся второй раз на этой чертовой доске только для того, чтобы тебя, безмозглую, вернуть!

– Он, между прочим, решил еще покататься, – ответила Анастасия с запальчивыми интонациями, но с выражением безмятежности на лице. – Вон, смотри, там самый сильный ветер, с трех сторон – так крутит!

– Небось ты его спровоцировала?

– Я только сказала, что в излучине ветер интересный. Пусть лучше погоняет, чем сидеть и грустить!

– Беда мне с вами, – наконец расслабился Ярослав. – Обещай, что больше не будешь, и сделай мне бутерброд!

Вытянулся на песке. Интересно, где Ксения, чем занимается? Ярославу казалось, что она близко. Или только хотелось этого?

Готов ли Григорий к встрече? Между прочим, для Гриши сойтись с Ксенией означает пробуждение и возвращение той силы, которую он столь тщательно подавил в себе и о существовании которой постарался забыть! Ярослав попытался на расстоянии «прощупать» настроение товарища. Не тут-то было! Может ли мужчина, поглощенный тяжелой, требующей быстроты и ловкости работой с парусом, думать о женщине или хотя бы выдать какую-то реакцию на ее образ? Нет, ответил себе Ярослав.

Матвеев, как назло, застрял где-то на середине водохранилища, и Ярославу опять было неспокойно.

– Ясик, помнишь, там, где мы сворачивали с шоссе сюда, на грунтовку, был ларек с мангалом. Там как раз начинали разводить огонь. Прощупай, пожалуйста: их шашлыки можно есть?

Ответ пришел сразу.

– Только овощной. Вполне можно: хороший и вкусный. А к мясному, – он поморщился, – даже прикасаться не стоит!

– Пусть будет овощной! Я схожу, ладно?

– Мало тебе того, что мы навезли с собой? – пожал плечами Ярослав.

– Хочется чего-то с пылу с жару. Мне можно!

– Эту фразу ты теперь будешь произносить по поводу и без повода восемь с половиной месяцев подряд! – притворно закатил глаза Ярослав. – Вообще ты права: на природе хочется шашлыков. Надо будет купить мангал – для пикников. Но туда идти далеко. Подожди, на машине съездим!

– Вот еще! – фыркнула Анастасия. – Мне полезен моцион!

Сестра могла сколько угодно летать самолетом, кататься на парусной доске, вообще дружила с любым видом транспорта, а вот на машине ездить не любила. В детстве надувала губы и отворачивалась, если Ярослав заставлял ее сесть в автомобиль. Он всегда думал: это связано с тем, что именно автомобиль однажды и на веки вечные увез девочку из родительского дома.

– Под палящим солнцем?

– А ты не заметил, что вдоль всей дороги растут деревья? – ехидно поинтересовалась Настя.

Ярослав знал, что можно ее отпустить. Почему-то возникла странная уверенность: даже нужно!

– Вам с дядей Гришей взять?

– Где он там запропастился, в самом деле?! – воскликнул Ярослав, забыв ответить на вопрос.

– Да, – неожиданно согласилась Настя, – есть из-за чего беспокоиться: лучше бы он не уходил из зоны видимости! Там, за поворотом – совсем глухие места!

– Ладно, я с этим разберусь, – пообещал Ярослав. – А ты оденься как следует! Мало ли, что жарко – ветрище до костей прохватывает! И не тащи сюда, там съешь: ты же хочешь с пылу с жару. Мы не обидимся!

Анастасия послушно натянула сарафанчик и упорхнула.

– Сама еще дите, – по-стариковски проворчал Ярослав ей вслед.

На горизонте проступил парус с красной окантовкой.

– Уф! – с облегчением сказал себе Ярослав.

Но тут, как в насмешку, парус резко накренился и исчез из виду. У Ярослава засосало под ложечкой. «Немудрено бултыхнуться при таких порывах!» – успокоил он себя и тут же

вновь увидел парус над поверхностью воды. Не намеренный пассивно наблюдать борьбу близкого человека со стихией, он сосредоточился, мысленно потянулся к Григорию и привычным жестом бросил в пространство тонкие золотистые нити – соткать защитный покров. Новый порыв ветра, упругий воздушный удар – и нити швырнуло обратно в его ладони.

Так не бывает! Материальная воздушная волна физически плотного мира не может влиять на движение тонкой материи!

Ярослав снова направил к Матвееву золотистые нити – на сей раз медленнее, осторожнее. Сначала почувствовал: за нити будто дернули! А потом увидел мысленным взором: воронкообразный вихрь, подобный смерчу, втянул их в себя и унес прочь. Этому не было объяснений, кроме одного: сама стихия воздуха восстала против действий Ярослава! Но почему?

В эпицентре вихря стоял Григорий на своей шаткой доске, изо всех сил сжимая в руках гик огромного паруса, полыхающего красным в солнечных лучах. Смерч, уходя вбок, дернул мачту, ударил в полотнище. Казалось, что Григорий намеренно не сопротивляется происходящему. Мачта валилась на него стремительно, однако он мог бы успеть увернуться. Но Григорий стоял совершенно неподвижно, пока мачта не сбила его с ног. Накрытый сверху парусом, как павший воин – полотнищем флага, он ушел под воду.

Наступила звенящая тишина, как бывает, когда закладывает уши. Ярослав встал в полный рост и прочно уперся ногами в землю, обращаясь за помощью к своей любимой стихии. Мягко, нежно, боясь восстановить против себя еще и воду, Ярослав послал в ее лоно золотистый свет. Вода и без того была переполнена золотым светом солнца, но Ярослав структурировал поток лучей.

Он просил свет и воду помочь его другу. Он не мог мысленно увидеть Григория, «нащупать» его поле. Золотые лучи гасли в пустоте, в бессветном омуте. Ярославу приходилось видеть смерть. Он знал, что означает черная воронка.

Сердце остановилось и стояло так долго, что ноги подкосились. Ярослав оказался на горячем песке. Солнце палило нещадно, ветер почти стих и мирно, шелковисто шелестел крошечной юной листвой, в кустах галдели какие-то птички.

Григорий стоял прямо перед ним у кромки воды. Мокрый с ног до головы, загорелый, серые глаза сияют, как грозовое небо, лицо спокойное и немного усталое. Сквозь Григория просвечивали солнечные блики на поверхности воды, и белый парус какой-то яхты, и дальний зеленый берег.

– Я же говорил тебе, Ясь: у меня нет сил! – прозвучал в голове Ярослава голос друга. И Матвеев стал удаляться, скользя над водой, а голос, отчетливый, как прежде, зазвучал вновь: – Не ищите меня. Я хочу остаться здесь!

Ярослав, заскулив, упал лицом в песок.

Все было так ясно – яснее не бывает! Нельзя смертному человеку брать на себя функции бога, так как смертный человек не обладает всей полнотой информации, необходимой для принятия правильного решения, – в отличие от бога, даже если это такой несерьезный, легкомысленный бог, как Эрос!

Гриша не хотел рисковать своим сердцем. Он не нашел в себе сил, чтобы избавиться от горьких обид и черных страхов давнего прошлого. Поэтому перекрыл себе дорогу к новой любви толстой хрустальной стеной. Он ни за что не доверился бы женщине, но другу... Ярослав был допущен за хрустальную стену и предательски взломал ее изнутри с помощью волшебной стрелы. А жить без стены Григорий разучился, не мог и не хотел. Так улитка мгновенно высыхает на солнце, лишившись своего панциря... Была ли Ксения предназначена Матвееву судьбой как последний шанс изменить себя и свою жизнь – бог знает! Факт: любящая женщина знала о нем то, чего не сумел заметить Ярослав – что Григорий, сколько бы ни выказывал колебаний, давно принял решение и что он – сильный маг. Григорий, конечно, не походил на мягкотелого безмозглого моллюска. Он был могучим повелителем ветра. Он призвал ветер, и тот послушно помог господину ускользнуть от

стрелы любви, уйдя в небытие.

Ярослав позволил себе вмешаться в отношения двоих, в начертания судьбы. И лучше ему немедленно искупить свою вину, принеся самую страшную, самую непоправимую из возможных жертв!

Ярослав достал стрелу. Размашистым жестом приложил пылающее оружие к голой волосатой груди – примерился и со всей силы ударил. Он почувствовал резкую боль в разрываемых тканях. От боли зажмурился, руки разжались, но разрушительное движение стрелы продолжалось само собой. Так было и когда он случайно ранил Григория, но в тот момент Ярослав не поверил своим глазам. На сей раз он не станет вытягивать стрелу обратно за изящное серебристое «оперение». Если она еще не пронзила сердце, пусть дотянется до него и разорвет в клочья!

Перед закрытыми глазами золотисто-розовое сменилось пурпурным, потом свет померк, разлилась чернота. В ушах перестали звучать голоса птиц и плеск волны. Кровь медленно сливалась куда-то вниз, в ноги, в пальцы опущенных рук, потому что сердце перестало гнать ее по кругам. Тело мягко завалилось на землю, закатилось в пыль. Наступило вечное ничто.

* * *

Воздух был наполнен запахом близкого водоема, черемухи и сирени. Чистая, прозрачная вода плескалась у самых ног, сверкала золотыми солнечными бликами. А чуть дальше от берега становилась синей. Неправдоподобно яркая, спектральная синева, мелко присборенная быстро бегущими волнами. И ощущение абсолютной нереальности происходящего: жара, как в июле, а по берегам – цветущая черемуха, сирень в каждом палисаднике соседней деревни, кустарники и деревья еще толком не оделись листвой; ветер продувает насквозь, но он такой горячий, что внутри от него становится тепло.

Новый сильный порыв ветра – и Ксении пришлось ловить косынку, которая не успела прочно обвязаться вокруг головы, а Марине – коврик – «пенку», который не успели придавить сумками с соком, бутербродами и полотенцами.

Небольшие неприятности удалось с легкостью устранить. Подруги неторопливо зашагали по пляжу, продолжая начатый еще в машине разговор.

– Представляешь, иду по улице, думаю о своем, поднимаю глаза – Ярославский вокзал! Включаю новости, диктор говорит: «Сегодня в городе Ярославле...» Имя редкое, но в тех же новостях упомянули не меньше десятка известных людей, которых именно так зовут... Меня как будто подталкивает к нему неведомая сила!

– Это называется: эффект избирательности внимания. Нормальное психологическое явление, основанное на одном из самых древних механизмов функционирования психики. Ничего сверхъестественного!

Ксения лукаво улыбалась. Ярослав с самой первой встречи стал для нее своим, но она не могла себе представить, как воспринять этого мужчину иначе, чем доброго друга. А вот Маришке он нравится совсем по-иному.

– Да? Буду знать! Дай бог, чтобы в этом не было ничего сверхъестественного! Он ведь не обычный человек... Да, чуть не забыла рассказать! – воскликнула Марина. – Я Любви Сергеевне вчера звонила.

– И молчишь! Как она?

– Как обычно, в хлопотах и полна энергии. Пару недель назад сломала ногу, со сломанной ногой без гипса полетела на курорт на другой конец света, нашла четыре ошибки и сейчас уже все в порядке.

– Какие ошибки?

– Разобралась, что неправильно делает в этой жизни, чего не делает, а должна. Нога сразу перестала болеть и сейчас уже срослась так удачно, что врачи не верят своим глазам!

– Понятно. Высший пилотаж! Что решили насчет 21 июня?

– Я закинула удочку. Она с глубоким удивлением спросила: а вам это еще нужно? Я ответила, что актуально, как никогда. Правильно?

– Конечно! И каков итог переговоров?

– Я так и не поняла. Она сказала: «Как вы мне все надоели!»

Ковалева очень похоже передала беззлобно-досадливую интонацию Любви Сергеевны. Ксения рассмеялась:

– Еще бы!

– Ксюшенька, – продолжала Марина, – не уверена, стоит ли тебе это рассказывать... Я поговорила с Любой о тебе, о том, что творится в твоей компании после смерти Корюшкина. Думала, может, она возьмется помочь, как в прошлый раз.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты же сама мне рассказывала, что, когда только пришла на работу в «ЧеНеп», там была очень тяжелая ситуация, и Любовь Сергеевна тебе заочно помогла почистить там все и гармонизировать.

– Еще бы не помнить! На них так наезжали – в здании находиться было опасно! Если бы не Люба... У нее, пока с этим работала, телевизор сгорел, я ей с первой зарплаты новый покупала. – Ксения рассмеялась. – А Люба потом жестко сказала: больше я с организациями не работаю – только с людьми! Так что ты напрасно ее тревожила проблемами «ЧеНепа»!

– На сей раз она сказала другое: «Не буду ничего делать: Ксюшке там больше не работать!» Я спрашиваю: «Что ж ей, подыскивать новое место?» – «Не надо ей ничего делать. Пусть отдыхает!» Она явно не была настроена продолжать, и я не стала ни о чем расспрашивать.

– Спасибо, Мариш, за заботу и информацию! Не стоит больше ничего выяснять! Отдыхать – так отдыхать! Вот мы с тобой уже начали!

Они дружно окунулись в бодрящую, но уже не ледяную воду. Ксению купание разогрело, а Марина замерзла и предложила прогуляться до кафе – съесть и попить чего-нибудь горячего. Ксения согласилась было, но, сделав несколько шагов, решила остаться: ее не тянуло в толпу. Она специально провела машину по колдобинам полевой дороги подальше от шоссе: чем ближе к мосту, платной стоянке и кафешкам – тем гуще лежбище. Ковалева продолжила путь в одиночестве.

Запах шашлыков покорила ее сразу. Она не раздумывала, в какой из пляжных пунктов кормежки направиться.

Марина совсем уже начала делать заказ, когда соседка по очереди шепнула:

– Брат сказал, что мясные шашлыки здесь – страшная гадость! Лично я собираюсь взять овощи.

Они присели за один столик.

Молодая женщина оказалась очень приятной: воспитанной, общительной и открытой. Тонким слухом филолога Марина сразу распознала в речи Насти легкие нюансы.

– Вы с Украины? Из Киева?

– Я там живу.

Обсуждая особенности различных говоров, обнаружили, что обе делают это профессионально: одна – филолог, другая – преподаватель иностранного языка. Общаться стало интересно! Вскоре Анастасия вновь упомянула в разговоре брата.

Когда Марина услышала имя Ярослав – не удивилась: по-прежнему это имя ее преследует. «Избирательность внимания»! Но на сей раз сам контекст упоминания показался значимым. Ярослав говорил, что у него есть сестра, больше ни о ком из родных речи не заводил, да и о своих жизненных обстоятельствах не особенно рассказывал: еще не успели достаточно сойтись. Марина стала расспрашивать Анастасию о семье, о брате. Глупая, конечно, мысль, но она так и сверлила голову!

Через двадцать минут Анастасия, сидя на теплом сухом песке, а пальцами ног и пятками стараясь выстроить замок из песка мокрого, лежащего у самой кромки воды, рассказывала Марине, которая, как струнка, вытянулась на полотенце, свою историю. Про

город из черной легенды, который она, хоть и маленькая была, помнит живым и солнечным, про родителей, про московскую жизнь под опекой брата.

Ни одного дедушки или бабушки у них с Ярославом на тот момент уже не оставалось в живых. Жить было негде и не на что. Настю ждал детский дом. Ярослав уговорил друзей отца – дядю Колю и его жену тетю Варю – взять опеку над сестрой. Те отвечали, что они рады бы взять детей к себе, но ведь совсем скоро умрут, не успеют поставить на ноги, да и дома у них теперь нет. Брат клялся, что сам обеспечит сестре и уход, и воспитание. Настя считала, что заботы о ней не позволили ему получить высшего образования: времени и сил не оставалось регулярно учиться.

Анастасия не знала, когда Ясик сделал это сам, но ее он погнал на генетическую экспертизу, когда ей исполнилось шестнадцать лет и она стала влюбляться. Он регулярно заставлял ее проходить полную диспансеризацию и считал необходимой генетическую экспертизу, потому что они все-таки успели, уезжая, схватить дозу, хоть и небольшую. Анастасию генетики отпустили с миром. Поэтому она вышла замуж за молодого человека, который еще при знакомстве заявил, что мечтает поднять рождаемость в стране. Что же сказали врачи ее брату? Об этом Настя «забыла» упомянуть.

– А у брата есть дети? – поинтересовалась Марина.

– Нет. Его, по-моему, никогда не увлекала идея продолжения рода Полевых, – ответила Анастасия уклончиво.

Услышав про «род Полевых», Марина не знала, как скрыть нахлынувшую бурю чувств. Вот это совпадение! Анастасия – сестра того самого Ярослава! Если только коварная «избирательность внимания» не распоясалась окончательно и не шутит с нею совсем уж вычурных шуток!

– Настя, а почему ты его называешь Ясиком? Это ведь уменьшительное от другого имени, какого-то польского...

Анастасия пожала плечами:

– Я сама придумала. С детства. Так нежнее как-то, мягче. Я сколько помню, его даже Славиком не звали: дядя Коля к нему всегда обращался «Ярослав» и приятели тоже. Его уважали, позже стали побаиваться. А мне его так жалко было, невозможно!

– Жалко?

– Он такой мрачный ходил, озабоченный. Если улыбнулся – уже событие, хоть раз в сутки рассмеялся – просто праздник, я потом весь остаток дня ходила счастливая, особенно когда сама сумею его рассмешить. Но успешнее дяди Гриши, нашего соседа по даче, его никто не веселил...

– Он злился часто?

– Совсем нет. Ругался часто, громко, но беззлобно, даже маленькая я не боялась. Просто... Все понимали, что ему тяжело, и я понимала. Поэтому – Ясик.

Подруга ушла так далеко, что Ксения едва различала ее смутный силуэт на песке среди множества белых, жадных до раннего солнца тел. Странно: Марина, вопреки обыкновению собирать вокруг себя поклонников, разговорилась с какой-то молодой женщиной.

Ксения не скучала в одиночестве. Некое странное чувство, для которого она не могла подобрать точных слов, томило ее. Тут слились воедино и покой, и ощущение свободы, и печаль. Как будто бы она птицей парила над изнывающими от зноя полями, ни разу не шевельнув крыльями, и издавала тонкий, бесконечный, пронзительный крик. Не было привычной боли, горечи, слез. Не было радости и веселья. Был зной, золотое солнце, слепящая поверхность воды, теплый ветер. Простор, пустота, свобода.

Ветер стих. В неподвижном воздухе плавал запах черемухи и сирени. По склону среди молодой травы куда-то, не торопясь, элегантной походкой шла кошка. В деревне неподалеку полная женщина в ярко-красной майке с надписью на груди и спине «Just for fun!» медленно, основательно развешивала постельное белье. На крыше дома застыли в причудливых позах трое плотников. Один распластался по рубероиду, будто скалолаз, который, цепляясь только

пальцами рук и ног, покоряет самые неприступные каменные стены. Другой сидел на коньке. Третий на коньке же стоял, согнувшись пополам. Тянулись мгновения – все трое оставались абсолютно неподвижными. С течением времени жутковатая догадка начала проникать в сознание. Люди на крыше – живы ли они? Может, всех троих постигла внезапная смерть и стремительно окоченевшие тела остались на месте лишь потому, что прилипли к расплавленному покрытию крыши? В следующее мгновение фигура одного из работников пошевелилась, другой изменил позу – и сразу стало ясно, что они измеряют при помощи рулетки какие-то им одним понятные и интересные параметры.

Рассеянно созерцая лежище у моста, Ксения заметила: удивительно, совсем необычно ведут себя отдыхающие! Будто на пляже объявили тихий час: где-то звучала музыка, но далеко и нежно; едва слышно ворковали родители со своими детьми; мужчины резались в карты с сосредоточенным ожесточением на лицах и в полном молчании, будто сидели в казино и на кону стояли тысячи, сотни тысяч; рыбаки недвижимо застыли над колеблемыми зыбкой волной поплавками. Только плеск воды и залиvistый смех детей, этот плеск производивших, могли нарушить покой, но и эти звуки сносило в сторону ветром, гасил песок.

Ксения опустила глаза и стала внимательно наблюдать собственные шаги. Вот ступня погружается в горячий песок, он сочится сквозь пальцы, вот отставшая нога медленно поднимается, прочерчивая дорожку в песке, подтягивается к передовой, нежно поглаживает ту, вырываясь вперед, и завершает долгое движение, также погружаясь в песок, принимая на себя тяжесть тела, выпуская в свободный полет свою вечную спутницу...

Чья-то тень, выросшая прямо перед Ксенией, загрозила ее от палящих лучей. Только на груди осталось лежащее уголком солнечное пятно. Она медлила поднимать глаза, медленно выходила из одиночества.

– Вы не заблудились? У вас такой потерянный вид!

Не лицо, не фигуру, не даже тембр голоса – первое, что она заметила в мужчине, стоявшем прямо перед ней, был клинообразный лучик, лежавший на левой стороне его обнаженной груди, которая опасно покраснела от передозировки весеннего солнца. Откуда такой странный лучик падает одновременно на обоих?

Ксения растерянно оглянулась. Мужчина приветливо и интеллигентно улыбался. Ксения впервые в жизни не смогла улыбнуться в ответ.

– Вы умеете водить парусную лодку? – спросила с непонятно к кому обращенной злостью. Может, к самой себе.

– Нет. А надо? Наверное, я смогу научиться...

Он удивленно пожал плечами и, прищурившись, посмотрел на дальний мыс за мостом, где едва угадывались голые мачты нескольких суденышек. Ксения только сейчас их увидела. Она вздрогнула, взгляделась, потом энергично покачала головой:

– Не обязательно.

– Марина, у тебя нет часов? Конечно нет! Сколько ж мы проболтали? – спохватилась Настя. – Брат, наверное, уже заждался. Еще приедет за мной на машине – доставлять обратно с понтом под зонтом!

– Так позвони ему!.. Ах да... Городская привычка! – Марина прекрасно видела, что мобильного у новой знакомой при себе нет. – Тогда иди.

Сердце колотилось. Марина до сих пор не приняла решение. Открыться ли сестре Ярослава, передать ли ему привет? Вот, мол, какое совпадение, как тесен мир!

– Хорошо бы телефонами обменяться! Ты свой помнишь наизусть? – растерянно спросила Анастасия.

– Нет, – честно ответила Марина. – А ты?

Настя покачала головой:

– Только домашний, киевский.

– Без толку. У меня все равно из головы вылетит! Хочешь мой?

– Я никогда в жизни больше двух цифр подряд не могла запомнить.

Посмеялись над общей бедой – полной математической тупостью. Расставаться совсем после такой душевной беседы не хотелось.

– Пойдем со мной до нашей стоянки! Я тебе все телефоны запишу, а ты мне свои, – предложила Настя.

Марина побледнела. Сердце то останавливалось, то пускалось в галоп.

– Я тоже надолго пропала – неудобно: подруга ждет... Знаешь, давай я схожу предупредить ее, а потом найду тебя.

– Отлично! Нас не сложно найти: идешь по дороге – и все! Да, там еще ангар и лодки!

– Хорошо. Может, подругу уговорю прогуляться со мной...

Анастасия торопливой походкой удалилась вдоль кромки воды: ветер стих, и ей не хотелось вновь выбираться на знойную дорогу. Вода стояла еще высоко. Марина видела, как сестра Ярослава огибает кустарники и поваленные деревья. Маленькие босые ступни отпечатывались в сыром песке. Вскоре молодая женщина пропала из виду за густым ивняком.

Марина поднялась, сделала несколько шагов вслед, поколебалась немного и осталась на месте.

Во-первых, Марина далеко не была уверена, что ей стоит идти навстречу Ярославу. Он поехал отдыхать с родной сестрой. Марину пригласить на это мероприятие не удалось. С какой стати навязываться? Настя наверняка расскажет ему о беседе с москвичкой, филологом по имени Марина. Надо понаблюдать, что за этим последует! Во-вторых, если она соберется отойти еще дальше от Ксении, надо и впрямь подругу предупредить, а ту сейчас так не хочется отвлекать!

Пляж на противоположной от моста стороне отлично просматривался до самого дальнего мыса, где они разбили свой маленький лагерь. Марина издали любовалась приятным зрелищем: Ксюшка оживленно беседует с высоким незнакомцем. Вначале они прохаживались по берегу, теперь сели на поваленную корягу. Он передавал что-то Ксении в руки, та подносила их ко рту. Видно, угощал.

Марина вновь невольно подумала о Ярославе: ведь не без его помощи Ксении удалось выбраться из омуты великой любви к надутому самовлюбленному индюку – каким бы распрекрасным ни считала его добрая Царева – Григорию Матвееву, вздохнуть полной грудью, почувствовать себя свободной! То, что Ксения рассказывала младшей подруге о поведении возлюбленного даже в розовый период их отношений, никогда Марине не нравилось! Со вчерашнего вечера она гостит у Ксении на даче. Она видит, как та изменилась за последнее время: глаза повеселели, на лицо вновь – не больше двадцати пяти, как год назад, когда они познакомились. Всю долгую дорогу по пятничным затонам Ксюшка смеялась над шутками Марины, остряла сама. Лишь при воспоминании о покойном Корюшкине слезы наворачивались Ксении на глаза. Потом они часов до трех под легкое виноградное вино болтали, жгли на аромалампе полынь с шалфеем, гадали на рунах и таро. Ксения ни разу не попросила подругу сделать расклад на «антикварную» тему, как они в шутку именовали утраченную связь с Григорием. Дай бог, чтобы ее отпустило окончательно! Марина решила подержать за Ксению кулаки и сильно сжала ладони.

Но долго со сжатыми кулаками она не просидела: солнце жарило нещадно, жутко хотелось купаться, и Марина все-таки рискнула еще раз залезть в весеннюю воду. Сначала обожгло холодом. Она резво поплыла вперед и вскоре согрелась. Заплыла довольно далеко, любуясь красивыми берегами. Совсем застыв, стала возвращаться и тут обнаружила, что волна, гонимая ветром, сносит ее влево; ей никак не выбраться на пляж в том месте, где остались полотенце и шлепки! Марина совсем застыла, поэтому смирилась, не стала сопротивляться течению и вылезла на берег значительно дальше от моста и людного пляжа, у самых ивовых кустов.

Она с тревогой оглянулась на дальний мыс. Там едва различимая отсюда Ксения в приметном кислотно-желтом купальнике вглядывалась в простор за мостом. Марина изо

всех сил помахала ей крупной сломанной веткой. Ксения наконец заметила, помахала желтым парео в ответ. И села на песок. Над нею склонился высокий мужчина. Марина вздохнула, поняв, что предоставлена самой себе.

Ярослав и Григорий лежали неподалеку друг от друга на берегу – совершенно неподвижные, в странных, неестественных позах: Ярослав – скрючившись на боку и уткнувшись лицом в песок; дядя Гриша – вытянувшись на спине, руки – по швам вдоль тела, голова – в крови. Ни дать ни взять – два трупа жертв кораблекрушения. Только одну жертву случайно выбросило на берег приливной волной, а другую вытащили спасатели и заботливо уложили подальше от кромки прибоя.

У Насти оборвалось сердце. Она побежала вперед, на ходу громко завопив:

– Ярослав!

Оба трупа слабо пошевелились. Дядя Гриша повернул голову, Ярослав сел и принялся медленными, неверными движениями отряхивать лицо от песка.

Ярослав схватил то ли тепловой, то ли солнечный удар и на некоторое время потерял сознание. Дядя Гриша дошел на доске до берега на одной только силе воли и благодаря тому, что ветер выровнялся, перестал выдирать парус из рук. Он сорвал травмированную спину, а на голове от удара мачтой вскрылась недавняя рана. Когда он наклонился, чтобы выяснить, что случилось с Ярославом, то сам с криком упал на песок. Он кое-как выпрямился на спине, чтобы облегчить боль в позвоночнике, и нашарил рукой стынущее под знойным солнцем тело товарища. Принялся тормошить Ярослава, трясти за плечо, звать, преодолевая намерение собственного организма впасть в забытие. Громко позвать на помощь не хватало сил. Наконец, Ярослав зашевелился, замычал, словом, начал подавать признаки жизни. Тогда Матвеев все-таки вырубился. В этот момент вернулась Анастасия.

Молодая женщина смотрела на обоих мужчин с ужасом: одинаково бледные серо-зеленые лица, бессмысленные, мутные глаза, как будто оба были настоящими утопленниками!

Настя в полиэтиленовом пакете принесла воды, несколько раз окатила брата, пока тот не смог сидеть, шевелиться и внятно разговаривать. Той же водой она обмыла голову дяди Гриши. Оказалось, что кровь уже остановилась и запеклась на ране. Ярослав непрерывно то потирал пальцами грудь, то нащупывал ладонью левую лопатку.

– Ясик, у тебя с сердцем что-то? – забеспокоилась сестра.

– Нет-нет, – брат помотал головой, – с сердцем все в полном порядке!

Сделав все, что было в ее силах, для реанимации близких людей, Настя побежала за помощью. Из яхт-клуба выскочили двое крепких молодых людей и девушка. Молодые люди бодро унесли в лодочный ангар, служивший им по совместительству офисом, Матвеева, сжавшего зубы, чтобы не вскрикивать на каждом отдающемся в спине шагу своих спасателей. А девушки под обе руки отбуксировали Ярослава, двигавшегося своим ходом, но на покашававшихся, ватных ногах.

– Картина маслом: «Армия Наполеона отступает по Смоленской дороге», – громко прокомментировала Анастасия.

Ярослав и Григорий разом громогласно захохотали, только Ярослава ржание взбодрило, а Матвеев вскрикнул и застонал.

– Настя, – попросил он сдавленным голосом, – не смей меня больше! Смех лечит не в моем случае. «Армия Наполеона!» – И он снова сдавленно прыснул.

В ангаре у распахнутых настежь ворот было несколько прохладнее, чем на солнцепеке. Еще лучше было бы в лесной тени, но там почва неровная. Анастасия продолжила хлопотать вокруг обоих. Нужно было как можно скорее окончательно привести в чувство Ярослава, который обещал сразу после этого заняться дяди-Гришиной спиной.

На мокром песке четко отпечатались маленькие босые ноги. И ни единого человека поблизости. Следы Анастасии. Здесь волна не набегала на берег, а шла вкось – вот их и не

размыло за столько времени. Марина обернулась, ничего не увидела, кроме молодой зелени ивняка, махнула рукой и зашагала вдоль цепочки следов.

Совершенно пустой пляж очень узкой полоской – из-за высоко стоявшей воды – тянулся далеко вперед и заканчивался небольшим мысом. На мысу высился серый ангар, перекрывая вид на следующую бухту. Ближе к мысу полоса пляжа несколько расширилась. Следы Анастасии потерялись в сухом песке. У Марины в который раз за этот день заколотилось сердце. Стоит ей обойти ангар – и она нос к носу столкнется с Ярославом Полевым. Что сказать? Как объяснить, зачем притащилась в эту даль, непрошенная, незваная?! Может, он рассердится, может, решит, что девочка у него на крючке, может, он скрывает какую-то тайну. А не специально ли он подослал Анастасию?..

Невзрачные мужские шлепки, забытые кем-то на песке. Вдруг его?! Марина, не в силах сделать дальше ни шагу, изящно опустилась на горячий песок рядом с ними. Надо подумать, надо как-то подготовиться к встрече. Хотя бы успокоить бешеное сердцебиение! Чему учила Троицкая? Марина села по-турецки и принялась за дыхательную гимнастику: короткий вдох – длинный выдох – в ступни, в ладони, в золотую линию позвоночного столба. Полегчало. Она встала на четвереньки и, изогнув спину, как кошка, которая разминается после сладкого сна, медленно вытянулась на животе.

Тончайшие серебристые нити, подобно паутинкам, летели по воздуху. Марина не почувствовала, как нити спланировали на ее спину, сплелись с длинными локонами рыжих волос.

Настя выскочила из ангара за очередной порцией воды и увидела новую знакомую. Первая ее мысль была панической: «Неужели и эту придется реанимировать?!» Однако Марина Ковалева оказалась живой-здоровой. Она с закрытыми глазами лежала на спине, раскинув руки, и напевала, кажется, из «Неприкасаемых»:

Прилети ко мне стрелой, восхитительной стрелой в сердце, в сердце.

Я читаю твой шифр, скрытый в словах, на бледном бумажном листе.

Я закрываю глаза и чувствую ветер, забытый тобой на песке.

При встрече с Мариной Ярослав подозрительно скоро сделался из бледно-зеленого ярко-розовым.

– Ярослав, Ксения меня хватится. Я должна вернуться. Что ей говорить? – с сомнением спросила Марина, как только немножко разобралась в обстановке. – Звать ее сюда?

– Ну что вы, Марина, – медленно произнес Ярослав, глядя расфокусированным взором в направлении шоссе, моста, дальнего берега за мостом, – она не хватится. Мы же умерли, – добавил он совсем тихо.

– Вы шутите, Ярослав, но я вполне серьезна. Что я должна сказать Ксении, когда увижу ее? «Беги скорей туда, там твой Матвеев еле дышит – бери его тепленького!»?

Ярослав спокойно качнул головой:

– Григория не стало. Не стало меня. Нас не существует в мире, где живет Ксения. Она не может знать, где мы, а если и узнает – не придет.

Вновь глядя в сторону дальнего мыса, он покачал головой и прошептал:

– Второй царственный венец на одном пляже! Чудеса продолжаются!

– Что? – переспросила Марина.

– Так...

Он поднял руку ладонью вперед, прошептал:

– Возьму еще раз грех на душу!

Но тут же опустил руку и прошептал еще тише:

– Нет, хватит грешить! Она и так не вернется...

Ксения Царева беседовала с новым знакомым – человеком интересным и контактным. А невольно нет-нет, да и поглядывала в сторону едва видимых у самого дальнего мыса, зрительно перерезанных автодорожным мостом мачт. И гадала, удастся ли ей когда-нибудь изгнать не только из сердца, но также из мыслей человека, который звал ее звонким, детским именем Ксенька, держал в объятиях с такой нежностью, а смотрел с таким недоверием – своего Повелителя ветра.

– Вряд ли, – прошептала она, когда новый знакомый отошел к своей машине – вытащить из холодильника под сиденьем еще по бутерброду с семгой и новый пакет сока, – чудес-то не бывает...

* * *

За окном размеренно, уютно шумел дождь, оккупировавший Москву, по всем признакам, надолго. После изнурительной жары влага и мягкая прохлада казались благом и роскошным подарком природы.

Вера сидела с телефонной трубкой в руках и решала, что скажет, когда, наконец, наберет номер. Надо позвонить кому-нибудь из девчонок и сообщить, хочет ли она июньской встречи. Она осталась последняя, она – долгожительница в этой компании, ей надо меньше всех, а хочется больше других. Но компании осталось существовать совсем недолго. Еще немного – и будет поздно просить девчонок «ворожить» для Веры.

Вчера позвонил Ярослав, предложил встретиться, очень серьезно уточнил: «просто поговорить». Верин вздох в сторону от телефонной трубки прошелестел, как крылья наклонившейся из-за спины старости. Но она согласилась.

Среди дня в тихом, уютном ресторанчике было пусто. Они устроились одни за лучшим двухместным столиком у окна. Продолжили и завершили начатую еще в машине болтовню о приятных пустяках: выставка в Пушкинском, как относиться к интерпретациям Вертинского разными современными исполнителями, новые веяния в лечении межпозвонковой грыжи...

– Вер, я хотел обсудить с тобой одну тему, но она может быть неприятна тебе. Тогда оставим, хорошо? Ты все равно узнаешь. Лучше – от меня.

– Я догадалась, какая тема тебя интересует. Ты в Ковалеву влюбился. Об этом хочешь поговорить?

– Влюбился? Если бы! Все гораздо серьезнее.

– Женишься, что ли?

– Нет пока. Какая разница, женишься – не женишься, когда стрела в сердце...

– Ярослав! Я впервые тебя таким вижу! Ты стал поэтичен!

– Вера, прости, если тебе неприятно это обсуждать, закрыли тему.

Вера честно задумалась. Ярослав влюбился в молодую красавицу, умницу, талантливую девчонку и страшную воображалку – Маринку Ковалеву. В этом для львицы флирта из средней возрастной категории приятного мало. Но когда рядом с тобой, в поле твоей собственной жизни находятся два счастливых человека, это поднимает тонус и настроение. Да, Ярослав потерял как любовник, но было бы так приятно сохранить его в качестве друга!

– Ничего страшного, Ярослав, я готова поговорить с тобой о твоей любви!

Худших ожиданий Веры Ярослав не оправдал. Он не засыпал ее ворохом восторгов, адресованных другой женщине, не стал сбивчиво описывать свои чувства и непередаваемые ощущения. Ярослав остался верен себе. Его интересовала философия любви. Вскоре они уже говорили о человеческой судьбе.

Как каждый человек совершает выбор своей судьбы, когда выбор ему предоставлен? Один не желает преодолевать своих слабостей, страхов, цепляется за привычный образ жизни, за сложившуюся систему ценностей – чего бы ему это ни стоило. Другой, наоборот, готов из кожи вылезти вон и в лепешку разбиться, чтобы изменить себя и свою жизнь. Один желает реализовать все, что заложено в него природой, другой бежит от собственных

возможностей. Кто-то хранит верность любви всей своей жизни, другой, завершив одни отношения, вступает в следующие и находит в них не меньшую ценность.

Вера отлично понимала, о чем речь. Вот хоть бы взять то давнее их объяснение с Ярославом, когда звал ее замуж. Серьезный, основательный, ответственный. Если бы Вера согласилась, они до сих пор были бы вместе. Ярослав нравился ей тогда – и сейчас хорош. А любить она и Жору давно не любит, как в молодости... Почему она сделала другой выбор?

– По-моему, причина всегда есть, но порой она лежит за пределами этой жизни. В прошлых жизнях, в кармических долгах.

Ярослав согласно покивал.

– А так глубоко не каждый готов заглянуть!

– И не каждому положено, и не каждому надо... – Ох, какой Вера была умной после трех бокалов шампанского!..

Ворожить или не ворожить на любовь – тоже выбор своей судьбы, выбор самой себя... Давным-давно, больше десяти лет назад, бывшая сокурсница Санечка Рябинина сильно увлеклась всякой эзотерикой. Личная жизнь у Саньки на тот момент ну совсем не складывалась. Девка умная, симпатичная, наделенная множеством талантов, она была, с одной стороны, чересчур скромна, чтобы с легкостью привлекать к себе внимание мужчин, а с другой стороны, поклонники у нее все-таки появлялись, но Рябинина хотела встретить непременно достойного человека, да еще и полюбить его всей душой. Достойных, как водится, ни вблизи, ни в отдалении не обнаруживалось.

Санька увлеклась эзотерикой, потому что хотела научиться лечить людей руками, но вскоре съехала от высоких целей на решение своей главной личной проблемы. Однажды случайно разговорились на встрече выпускников, и она предложила Вере поучаствовать в любовной ворожбе. Любопытство и доверие к серьезной, уравновешенной Рябининой пересилили опасения, и Вера согласилась. Тогда она и познакомилась с целительницей Любой. Мероприятие оказалось не массовым. Собрались всего четыре или пять молодых женщин. Ничего особенного они не делали. Посидели кружочком на полу, поболтали, погадали на картах, обсудили, какой мужчина нужен Рябининой: была Санькина очередь; потом, взявшись за руки, поводили вокруг Александры хоровод. Вот и весь ритуал. Только от Любы исходило нечто такое, что Вере казалось, будто она купается в океане золотистого солнечного света и прохладные голубые волны катятся по позвоночнику, заполняя все уголки и лакуны красивого тела.

Где-то примерно через полгода после красивой игры в любовную магию Александра с восторгом рассказывала о новом знакомом, позже, но в тот же год позвала на свадьбу.

Рябинина уже много лет Смит и живет бог знает где, в Лондоне. Они с Верой исправно переписывались, летом или в новогодние праздники пересекались в Москве. Потом Санька совсем было пропала. А позапрошлым летом прислала странное письмо, где глухим намеком сообщила, что давняя ворожба отлилась ей огромными неприятностями, но все закончилось благополучно и она ни о чем не жалеет: рядом и бесконечно любимый муж, и с детьми все в порядке, и скоро будет третий. Через год Вера с Жорой и Юриком летала к ней в гости – посмотреть младенца и Англию. На родине в наследство от Рябининой-Смит Вере досталось знакомство с целительницей Любой.

Спустя несколько лет новая компания молодых женщин спонтанно собралась под крылом Любы «поворожить». Вера привела туда «хорошую девочку» из своей академии, аспирантку Ковалеву, и осталась сама.

Для Ксении ворожба закончилась тремя месяцами неземного счастья, истерзанным сердцем и полугодом жизни, утопленным в слезах и соплях. Теперь у нее другой мужчина. Удивительно тесен мир: совершенно случайно мужчина оказался знакомцем Любы, сыном ее подруги! Говорят, там все очень серьезно.

Они никогда не относились к тому, что делают, как к настоящей ворожбе. Скорее как к приятному поводу собраться и поболтать о сокровенном, забавной игре, психологическим опытам. Только Ковалева увлеченно заигрывалась в «ведьму», но энтузиазм пылкой

младшенькой никто не воспринимал всерьез. Они привязывали свои сборища, как положено истинным ворожеям, к особым дням. Выбрали время солнцеворотов и солнцестояний. Прошлым летом «работали» на Ксению – чтобы ей скорее встретить свою любовь. Ксюша, давно разведенная, не «заказывала» ни замужество, ни благополучную семейную жизнь; повторяла, как заклинание: «Хочу настоящую любовь!» После выяснилось, что в тот момент она уже была знакома с Григорием, только не особенно им интересовалась. Как и он – ею.

Осенью собрались просто так: у Ксюшки разваливались отношения с Матвеевым, надо было ее поддержать. Заодно каждая пополнила запас бодрости и сил. Однако на сей раз помочь Царевой не удалось. В новогодние праздники или на Святки в центр круга попросилась Марина. Теперь у Ковалевой бурный роман с Ярославом. Бог знает чем он закончится!

Весеннее равноденствие они пропустили: Люба уезжала, – и собрались только на майские праздники. Просто так – почистить перышки после тяжелой, мутной зимы. Царевой не было: не захотела покинуть дачу в чудесный весенний день. Наступающим летом – очередь Веры. Долгожительница странной компании, Вера дважды уступала свою очередь. Она меньше всех верила в «любовную магию» и больше всех боялась. Ее напугала Санька своим давешним мрачным намеком на такие неприятности, которых не выдумать и не упредить. Она и в первый раз, когда приходила к Любе вместе с Санькой, боялась.

Утром забежали в гости развеселые девчонки. У обеих глаза горят, как звездочки! Спросили: будем собираться двадцать первого?

– Верочка, ты у нас одна осталась.

– Положим, я из вас одна замужем. Люба – и та только в гражданском браке. Правда, другого и не желает.

– Лукавишь, сестрица. Разве о браке речь? Мы тут занимаемся не тренингом из серии «Как выйти замуж абы за кого?»! Кто больше всех жалуется: любви, мол, нет?!

– Верочка, что тебя смущает? Ведь тебе хочется, мы видим!

– Я боюсь, – призналась Вера, – вдруг все, что мы делаем, реально?

– Верочка, вспомни дождь из серебряных стрел...

– Фонариков.

– Фонариков. И что мы с тобой потом обнаружили на твоём джемпере?

– Ну, не знаю... Не хочу над этим задумываться... А вдруг это все незаконно? Привораживать кого-то, насиловать чужую волю...

– Мы ведь не над ними ворожим, а над собой. Чтобы стать привлекательней...

– О чем ты, Маришка?! Привлекательности нам и так не занимать! Ворожим, чтобы открыть свое сердце... Чтобы не бояться им рисковать!

– Девушки! А притягивать к себе любовь – это не насилие над собственной судьбой? – Вера вспомнила вчерашнюю беседу с Ярославом.

– Что ее притягивать? Ее вокруг – море!

– Тебе сейчас так кажется, потому что ты влюблена! Не знаю, девчонки, не знаю!.. Я подумаю!

– Решай, Ларцева. Любовь Сергеевна сказала: соберемся, только если Вера попросит. Общих посиделок не будет.

– Почему?

– Не имею понятия.

– А ты, Марин?

– И я не знаю. Верочка, мы тебя не уговариваем. Решай сама! Позвонишь, когда надумаешь, хорошо?

– Позвоню.

Вера отложила трубку и свернулась калачиком на диване. Сумеречная погода навевала дрему. «Есть ли у меня выбор?» – подумала Вера. К дивану подошел Ярослав. Вера спросила его: «Свободна ли я выбирать?» Он что-то долго и серьезно отвечал, но она не могла расслышать ни слова из-за шума воды за окном. «Выбери меня», – запел на кухне по радио

популярный некогда певец. Но Вера знала, что это голосом Гнатыюка поет Андрей Дружинин. Если она выключит радио, чтобы не мешало спать, безутешный Андрей растворится в эфире. В прихожей что-то навязчиво скреблось. Вера дождалась: Жора пытается повернуть ключ в сломанном замке, в котором вторую неделю, чертыхаясь, ковыряется вся семья! Нежданная-негаданная, появилась твердая уверенность, что сегодня муж, наконец, починит замок. Вера с облегчением вздохнула. Но Жора не успел войти в квартиру, как откуда ни возьмись выскочил Федор – прошлогодний феерический роман, до сих пор то затухающий, то вспыхивающий вновь. Вера томно ему улыбнулась, закрыла глаза, и ей стал сниться беспрерывно льющийся дождь из серебристых фольговых фонариков.